

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Трое из Леса

«ЭКСМО»

1993

Никитин Ю. А.

Трое из Леса / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1993 — (Трое из леса)

ISBN 5-699-15000-5

Трое отважных решили во что бы то ни стало дойти до края земли, не страшась смертельных опасностей, уготованных им на каждом шагу. Пусть трепещут их враги, коварные колдуны и злобная нечисть, готовясь к встрече с Троицами из Леса! Скажете, знакомый сюжет? Нет и еще раз нет! Ведь «Трое из Леса» – это культовая книга в российской фантастике, своего рода визитная карточка Юрия Никитина, одного из самых популярных и самобытных писателей.

ISBN 5-699-15000-5

© Никитин Ю. А., 1993

© Эксмо, 1993

Содержание

Часть I	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	23
ГЛАВА 4	32
ГЛАВА 5	52
ГЛАВА 6	60
ГЛАВА 7	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Юрий НИКИТИН

ТРОЕ ИЗ ЛЕСА

Часть I

ГЛАВА 1

Боромир отодвинул полог из медвежьей шкуры, и в дупло ворвался свежий утренний воздух. Тяжелые ночные запахи перепрелого дерева качнулись и, как донные рыбы, опустились, унося смутные видения и страхи.

Он высунул голову и, ослепленный ярким светом, задохнувшийся обжигающим воздухом, недоверчиво всматривался в мир. На земле свежие отпечатки волчьих лап, но это кто-то из своих, а вот на дереве напротив – следы когтей крупной совы. Недобрый знак...

Кряхтя, он полез наружу. Воздух был свежий и влажный, утоптанная земля блестела росой. Деревья-великаны окружили исполинскую поляну плотной стеной. Ветви над ней переплелись, в темной зелени постоянно шебаршится, шевелится, вниз то и дело падают чешуйки коры, листья, сыплются шерстинки и перья. Нередко окровавленные.

За ночь землю кое-где вспучило, а у могучего дуба, где в дупле живет семья Годовита, даже пробился зеленый росток. Если не уничтожить к вечеру, завтра война с Лесом будет куда труднее...

Дожили, подумал Боромир с облегчением. Самой большой заботой его племени было дожить до весны, до тепла, до солнца, которое видели нечасто, но все знали, что с весны оно начинает прогревать деревья и землю.

Из ямы, закрытой сверху стволами деревьев и пластами дерна, выползали голые дети Громобоя, Старшего Охотника. За ними тянулся запах нечистот и вони, все в толстой корке грязи, с бледными лицами, красными глазами и распухшими кровоточащими деснами. Старшие были в лохмотьях перепрелых шкур, но с такой же засохшей кровью на губах, слабые, блеклые. Едва вылезли, расселись, как воронята, на длинной валежине, ослабелые ноги держат худо.

Кто покрепче, ковылял до Реки. Лед давно сошел, вода бежала, прыгая по камням, чистая, как рыба, и дети, помогая друг другу, переходили по камням на ту сторону Реки. Там просто Лес, предтеча неведомого Чернолесья, куда не ступала нога человека, и в этом лесу дети, не отходя от берега и не теряя из виду приметные деревья, рылись в ворохе прошлогодних листьев, находили плоские стебельки лука, молодые листочки папоротника, крапивы, рвали и тут же старательно жевали, чувствуя, как живительные капли вливаются в ослабевшие тельца, поддерживают уже было затухшие искорки жизни. Как козы, объедали молодые веточки тальника и орешника, обагрив их кровью из десен.

Самые живые из них первыми находили в кустах гнезда с яйцами. Такие же гнезда виднелись и на деревьях, но после мучительной зимы, когда большая часть детей погибала, никто из уцелевших не смог бы взобраться даже на похляпое дерево. А так, торопливо выпивали яйца, и первая краска прилиwała к щекам, а в груди наконец начинало стучать сердечко, совсем было замершее за долгую зиму.

Домой возвращались, как и положено, не с пустыми руками. Каждый нес стебли едомой травы, корни принесут потом, когда окрепнут, старшие тащили даже сухие ветви, ибо живое дерево убивать не разрешают боги.

Боромир побрел, опираясь на резной посох, от дерева к дереву, бил посохом по стволам, те отзывались гулким звуком, а то и сонными голосами. Грязные седые волосы волхва были перехвачены на лбу полоской кожи, борода опускалась до пояса, а толстая медвежья шкура свисала с плеч до земли. На поясе висел широкий кремневый нож, но главным оружием Боромира был резной посох. Там сосредоточилась его мощь волхва, с его помощью он отгонял злых духов.

И сейчас не по-старчески острые глаза осуждающе осматривали дупла, землянки. Беспечны люди, беспечны! Супротив зверя любой выстоит, а незримому ворогу препон никто не ставит. Надо наложить заклятия. Враг не дремлет, пролезает в любую щель!

Из дупла семьи Годовита донесся детский крик. Боромир остановился: строгость надобна, но зря детей сечь нельзя. Сегодня дети, завтра им кормить родителей, беречь покой. Должны знать, что мир строг, но справедлив.

– Ой, тятенька! – слышался голосок. – Ой, не буду!.. Медведь, косолапый медведь...

Боромир тут же зашагал дальше. Несмышлениш забыл новый закон, который намеренно установили волхвы: не зови бера, а то придет, и, когда отец вернулся с охоты, наверняка выбежал с воплем: тятенька, а бера не встретил?

Как и все мужики в деревне, Годовит бера не боялся, если один на один, в руке рогатина, а за поясом секира, но бер часто ходит ночью, пробирается к спящим через дупло, а кто живет в землянках, у тех разгребают бревна на крыше. Бер легко душит лося и несет в передних лапах, среди зимы разгребают твердую как камень, промерзшую землю, чтобы вытащить из норы мышонка... Поэтому волхвы повелели называть бера медведем, косолапым, топтыгиным. Пускай спит в своем логове бера, берлоге, не догадывается, что говорят о нем!

Скорее бы шли годы, подумал Боромир тревожно. Старики унесут опасное знание в вирий или к Ящеру, родство с берами забудется, а внуки даже знать не будут, что совсем недавно вышли из звериного мира. Надо лелеять солнечную каплю в сердцах, которую заронил бессмертный Род!

– Мир дому, – сказал он густым сильным голосом, медленно и опасливо спускаясь по земляным ступенькам, склизким от сырости, в просторную землянку старого Тараса. – Пусть Чур оградит тебя от Ящера!

– Слава Чуру и светлым богам, – прозвучал простуженный голос.

В землянке влажно и жарко, посередке утоптанного земляного пола плоские камни, вбитые в землю, на них еще светятся багровым огнем крупные угли. Зловещие блики прыгают по неровным стенам, из которых свисают засохшие корни. Иные выпучиваются мощно и нагло, в них чувствуется шевеление, то ли холодные соки с силой прут из тайных глубин в толстые стволы, а оттуда к ветвям и листьям, то ли крупные черви и жуки в тепле и безопасности жрут мощно, спешат взматереть и наплодить потомство.

Древний дед Тарас сидел перед очагом, зябко вжимаясь спиной в теплую стену. На ногах короткая шкура бера, одной рукой Тарас пытался натянуть ее до подбородка, а другой нерешительно трогал последней щепочкой угли. Самый старый в деревне, он не умер потому лишь, что не решил, кем станет: домовым или лешаком. Добро бы в доме, за детьми нужен глаз да глаз, но всю нелегкую жизнь мечтал попасть к берегиням. Видел одну краем глаза в молодости, сердце зашло, но семья, дети, хозяйство, некогда на небо взглянуть! Теперь вот-вот высвободится из дряхлого тела... но и душа, видать, постарела. И к берегиням охота, и не меньше в охотку кус жареной печеночки, что бросают в угол домовому.

– Боромир, – спросил он осторожно, – а что жрут лешаки? Ежели лягух или пиявок...

Боромир грозно сверкнул очами, с грохотом ударил посохом о камни очага:

– О чем мыслишь? Ты жив. Помогай светлым богам в борьбе с темными! Вон у тебя дубина резьбой недоукрашена, охрой не расписана. Как без красоты воевать с Врагом? Лепота, Труд...

– Я помогаю, – перебил Тарас хриплым простуженным голосом. – Только уже не боец. Бе... медведя голыми руками ломал, как медовые соты, а теперь...

– Не боец? – удивился Боромир. – Все мы бойцы, поединщики! Если горшок не украсить волнистыми линиями, то оскудеешь едой, если одежду не обнарядить – Враг проберется к сердцу! А у тебя вон ложки не расписаны, петли на куртке оборваны... Хоть это можешь сделать?

Тарас кивал, кутался в шкуру, оголив желтые худые ноги. Ссохшийся, скрючившийся под старой шкурой с вытертым мехом, он уже теперь казался домовым. Волхв прав, Мара с ее дочками – а их у проклятушей двенадцать! – сгубила больше, чем лесные звери. Надо давать отпор, надо... Но у молодых сил больше, а ему бы успеть решить: домовиком или лешим? Ведь кроме берегинь и леших в Лесу бродит нежить, души чужих мертвяков. Этих зайд, забредших в Лес невесть откуда, убивали и закапывали. Теперь бродят по ночам, кидаются из темноты, пьют теплую кровушку. Тарас в молодости барсов давил, беру хребет ломал, но нежить, сказывают, смахивает на больших жаб, а лягух Тарас боялся и маленьких. У бера шерсть теплая, а у жаб – холодная, склизкая кожа. Даже от махонькой жабы бывают большие бородавки, а чего ждать от нежити?

Он коротко вздохнул, перевел глаза на волхва. Тот гремел на всю землянку, грозно потрясая жилистыми руками:

– ...все деревянное покрыть резьбой, так и скажи своим! Глину расписать цветами, куда невестки глядят? В дупле ли, землянке – должно быть чисто! Но следи, чтобы мусор не выносили, а жгли в очаге...

Он сердито умолк. Старик кивает, но глаза далеко. Лицо как печеное в золе яблоко, щурится в улыбке. Домовиком, дескать, нужнее. Возле берегинь – для себя, а домовиком, мол, послужит семье и после смерти, как подобает человеку. Жить, правда, придется похуже, но душа за детей будет покойна. Жароок, старшой, до седины дожил, а вспыхивает как береста. Семенко, середульный, еще крепче – первый кулачный боец, далеко ли до беды? Младшенький, Вырвидуб, был во всем хорош, но погиб на охоте, оставив двоих детей. Внуки вовсе нескладные, особенно старший, Таргитай... Девятнадцать весен минуло, а ему бы все играть на дуде да за девками бегать! Придется домовиком. Будет следить, дабы блюли обычаи прашуров, ухаживали за могилами, поминали в Навий день, помогали родне, соседям, сиротам...

– Сыновья на охоте? – рявкнул Боромир, грубо вторгаясь в думы.

– Пошли к Неустроихе... Ее дупло разваливается. Мужики собрались, помогают перебраться в землянку.

Боромир одобрительно кивнул. Враг давит по одному, но когда люди помогают один другому, отступает, скрежеща зубами!

– А внуки?

– Лесуют. Справные охотники.

– Даже Таргитай?

Тарас опустил голову, избегая смотреть волхву в глаза.

– Тоже в лесу.

– Охотится?

– Ну... как умеет.

Боромир едва не выругался, повернулся и ушел как можно быстрее. Лаз в землянку плотно притворил, чтобы не выпускать горячий воздух.

Землянка Тараса, которую он расширил, отбив у медведя, самая крайняя, дальше Лес, где всегда сыро, мрачно. Земля вздрагивает, когда падают подгнившие великаны, молодняк жадно теснится над покрытыми мхом исполинскими валежинами, вместо неба там переплетенные ветви.

Деревня стояла в излучине Реки. В сухое время заяц перескакивает, не замочив лап, но сейчас весна, Река бурлит, неся вешние воды, деревья на глазах выпускают молодые веточки, тянутся через Реку, угрожая перешагнуть поток и вернуть себе отвоеванный людьми клочок земли.

Боромир остановился, вперил тяжелый взгляд в темную стену Леса. Жить в Лесу – видеть смерть на носу. Беры, барсы, рыси, а в эту весеннюю пору – страшнее всех лось или тур. Еще в Лесу много болот, где человека и зверя подстерегают холодные лапы упырей.

Берегинь почти нет, те лишь на берегу, а у болот темная вода постепенно переходит в жидкую грязь, где роится всякая мерзость, потом поверх грязи ложится толстая шкура зеленого мха, торчат кусты, иной раз одна-две каргалистые березки. Ступишь без опаски, мох прорвется, как гнилая шкура, и ухнешь в темную холодную воду, где нет дна. Засосет до преисподней, где правит подземным миром лютый Ящер!

Из Леса вышел и пошел через Реку рослый и широкий в плечах человек. Он выглядел грозным и сильным, на плечах лежал, свесив ноги и рогатую голову, крупный олень. На коротком поясе охотника висели два кремневых ножа, а в ременной петле хищно блестела тяжелая секира из гладкого отполированного гранита. Охотник был в душегрейке из волчьей шкуры мехом наружу, голые до плеч руки казались вырезанными из старого темного дуба. Он шагал широко, вспенивая воду высокими сапогами, одной рукой придерживал оленя.

За охотником по пятам брел светловолосый ясноглазый парнишка. У него были вскинутые брови, синие, как небо, глаза, лицо казалось удивленным. Он не отрывал от губ сопилку, звонко дудел, часто перебирая пальцами. Едва не упал – смотрел не под ноги, а в широкую спину.

Волхв с тревогой окинул взглядом охотника. Лучший стрелок, знаток Леса, умелец, но в деревне знают, что недолго Мраку жить среди людей!

Мрак подошел, передернул плечами, поправил сползающего оленя. Он был тяжел, могуч в плечах, а волосатая грудь так широка, что на ней разлежся бы барс. Черные, как крыло ворона, волосы падали до плеч, глаза были темные, цвета ночи. Дальняя родня бездельнику Таргитаю, который играет на дуде, но если Таргитай весь как очищенное яичко, то Мрак словно спал в саже. Суровое лицо, тоже будто из дуба вырезанное, – рябое, будто злые птицы поклевали, заметный шрам на подбородке.

Он сильно топнул ногами, стряхивая воду с сапог, кивнул Боромиру. За Мраком двигалась тяжелая густая тень. Боромир давно заметил, что тень всегда ходит за Мраком, какой бы день ни стоял, откуда бы свет ни падал.

– Привет служителю светлых богов, – прогудел Мрак густым темным голосом. – Лучшая часть оленя – тебе, Боромир.

– Не мне, а богам, – поправил волхв сердито. – Мои зубы не для жесткого мяса. Собьешь молодого рябчика, занеси... Тарх, ты не забыл, что завтра день Посвящения в Охотники?

Таргитай быстро-быстро закивал. Сопилку бережно прижимал к груди, глаза были преданные, чистые. Боромир зло сжал кулаки. Старший внук Тараса всегда смотрит преданно, но это самый ленивый из всего Народа. Увиливает от работы по дому, не умеет охотиться, не ловит рыбу, не ставит силки на зверя и птиц. Когда посылали за хворостом, пропадал весь день, а приносил одну-две веточки. Учили бортничать, но пугался пчел, учили тесать дерево – все шло вкривь и вкось. Не умеет выделывать шкуры, тесать камни, лепить горшки...

Боромир сказал язвительно:

– Оленя завалил ты, Таргитай? Мрак только помог нести?

Таргитай беспомощно оглянулся на огромного охотника. Мрак хмуро оскалил зубы. Свирепый и нелюдимый, он почему-то выделял Таргитаю, слушал его дуду и нехитрые песенки, заступался. Мрака боялись. Никто не знал его полной мощи. В кулачных боях Мрак участия

не принимал, но с легкостью давил бера, ломал хребет туру, у него был самый мощный лук и самые длинные стрелы, больше похожие на дротики.

– Завтра чтоб с утра, – сказал Боромир.

Он посмотрел на чистое личико Таргитая, что больше пристало девице, чем будущему охотнику, повторил со злой усмешкой:

– С первым щебетом птиц!

И ушел, грозно стуча посохом. Таргитай со страхом смотрел в прямую спину волхва. Под медвежьей шкурой уверенно двигались тугие мышцы бывшего охотника, лучшего охотника племени.

Для такого волхва всякий, кто не охотник, – не человек вовсе!

На другой день с утра готовили место для обрядового костра. Туман еще уползал за Реку, цеплялся за кусты, а парни уже натаскали целую гору сухих валежин, хвороста, сучьев.

На высоком месте, на берегу Реки по соседству с кладбищем, как и завещано испокон веков, уложили широкую тяжелую колоду. В середине чернела обугленная ямка, туда вставили заостренный кол, привязали ремни, а двое дюжих мужиков с силой дергали, вздувая жилы. Кол вращался, вокруг топтались мужики и бабы, ребятишки глазели. Мужики взмокли, сбросили волчовки, наконец из колоды пошел жиденький дымок.

Боромир ходил строгий, прикрикивал. Охотники по его указке выдирали из земли камни, пни, утапывали, следом носились девки, помахивая вениками. Норовили задеть парней.

За Боромиром неотступно ходил Олег, младший волхв. В деревне знали, что Боромир часто гневается на Олега, несколько раз бил посохом. Среди молодых парней Олег слыл хитроумным, но, когда попал к Боромиру в ученики, все пошло наперекосяк. Не мог запомнить простейших чар, из Леса приносил не те травы, умничал: мол, любой огонь – от богов, так что от кремня рождается такой же священный, как и от ерзанья деревом по дереву.

По краям вытоптанной площадки свалили гору старого хлама, мусора, разошедшихся ведер, протертых кож, истоптанную обувь, сломанные остроги, треснутые кружки, ковши, ложки...

Боромир огляделся, бросил Олегу:

– Возьми двух парней, притащите во-о-он ту старую сушину! Огонь должен быть до неба, понял?

– Понял, все понял, – ответил Олег поспешно.

– А что понял? – спросил Боромир подозрительно. – Зачем такой огонь?

– Ну, чтобы богам стало жарко...

– Дурень, – бросил Боромир в сердцах. – Чем больше земли осветится, тем больше и освятится. Свет свят, понял? Боги радуются, удачу пошлют! Иди, остолоп.

Мужики и бабы, закрываясь руками от жара, подбегали к огню, швыряли хлам, очищая жилища от нечисти. За зиму накопилось подстилок из коры и трав, перепрело, кишат гадкие белые черви, вот-вот обернутся толстыми зелеными мухами, оводами, слепнями... Слава же, слава Агни, все горит, уносится дымом.

Боромир с натугой взгромоздился на пенёк, властно захлопал в ладоши:

– Добро, добро!.. Боги зрят благосклонно. Мир очищается от скверны. Светлым богам любо, темным богам горько... А теперь очистимся и мы сами!

Олег по его знаку широко размахнулся, угодив локтем в лицо стоявшего сзади мужика, швырнул в костер связку сухого хвороста. Парни, не дожидаясь, пока разгорится, начали сигать через огонь, по-заячьи поджимая ноги. Девки запоздали, пламя вздувало подолы, жгло ноги. Поднялся визг, вопли, посыпались шуточки, советы.

Кто хитрил, прыгал сбоку, где огонь поменьше, тех Боромир отправлял сквозь огонь снова. Пусть очищаются, выжигая из себя лесную сырь. Смех угоден богам. Смеются – значит,

сыты, довольны, воздают хвалу. Потом парни начнут растаскивать девок по кустам, что уже оперились зелеными листочками. Тоже угодно богам. Самые угодные из всех зверей – люди.

В сторонке от требища, почти у самой Реки, ждали тесной стайкой парнишки. Их прогнали через костер первыми, теперь они чесали обожженные места, перешептывались. Таргитай стыдливо держался позади. Он уже шестой раз смотрит отсюда на пляски, на праздник Огня! Есть парни, что стали охотниками на двенадцатую весну, даже на десятую, а он встречает весну девятнадцатый раз...

Громобой, Старший Охотник, угрюмый и неповоротливый от избытка чудовищной силы, придирчиво осматривал молодняк, хмурился. Мельчают! Раньше на снегу спали, как тетерева, сырое мясо ели, лося хватили в буреломе, берег давили голыми руками! А теперь чистенькие, шкуры носят выделанные, норовят рыбу ловить – та сдачи не даст, птиц заманивают в силки, ягоду-малину ищут, ровно козы... Тьфу!

Медленно подошел, кривясь от болей в пояснице, Боромир. Громобой кивнул, продолжая рассматривать парней. Волхвов не жаловал, но Боромир не родился волхвом. Громобой был мальчишкой, запомнил могучего охотника, что в грозу попал под упавшее дерево. Другого бы в лепешку, но Боромир дерево стряхнул, до ближайшей землянки дополз. Не помер, не дался подземным силам, хотя те забрали его звериную мощь. Стал младшим волхвом у мудрого деда Огневита, а когда тот ушел в вирий, встал вместо него, охраняя деревню от Темных Сил Врага. Дело знал, обычаи блюл, к тому же изо всех обрядов больше всего любил Посвящение в Охотники.

Толкаясь, мешая друг другу, парни с натугой поволокли на пригорок огромный круг, обвязанный пучками сухой травы, обмазанный дегтем. Олег поднес горящую головню, сено вспыхнуло. Оранжевое пламя осторожно лизнуло подтеки дегтя, радостно взревело, набирая силу, – полыхнуло черным дымом, затрещало.

– Толкай! – заорал кто-то.

– Эй, поберегись!

– Дорогу ясному солнцу!

Пылающий круг покатился с берега. На камне подскочил, завихлял, но кто-то из смельчаков бросился наперерез, толкнул, и круг помчался к воде, набирая скорость. Искры летели во все стороны, и даже Боромиру, который сам увязывал солому, показалось, что в самом деле солнце покатилося с небес в Реку.

Уже вся деревня собралась к освященному месту. Даже самые дряхлые и немощные выползли, доковыляли до капища. На краю утоптанной площадки уже высился новый столб с грубо вытесанным ликом Велеса, бога охотников. Его ставили каждую весну заново: земля сырая, столб сгнивает через пару лет. Промедли чуть – ворона сядет на макушку – столб с грохотом падает. Однажды зашиб ребенка. В деревне поняли – Велес требует жертву. С той поры каждый год отдавали по младенцу, потом с охотой пошло на лад, и Боромир рискнул вместо ребенка своей сестры, которому выпал жребий, сжечь убитого лося. Вся деревня следила с трепетом, старики предрекали жестокие кары, но зверь шел на рогадины, рыба ловилась, и в деревне с облегчением перевели дух. Постепенно привыкли весной отдавать Велесу крупного зверя, первую рыбу после рекоплава и первое лукошко ягод.

Парней, которым предстоял обряд, поставили под столбом Велеса. Двое охотников, помощники Громобоя, оттеснили народ, прочертили круг, пригрозили, что ежели кто переступит, пусть пеняет на себя. Если Велес и промолчит, он уже не раз выказывал зряшную доброту, то Громобой нечестивцу переломает кости.

Охотники прикатали огромное сухое бревно, с почетом усадили четверых старцев. Боромир зорко оглядел притихших парней. Его совсем не старческие глаза недобро блеснули:

– Даже Таргитай не проспал... Добро! Посмотрим, на что годны.

В толпе, разорвав напряженное молчание, громко заплакал ребенок. Со всех сторон зашикали, глупую бабу вытолкали, велели убираться. Боромир рывкнул свирепо:

– Кремень!

Из группы подростков, расталкивая друзей без нужды, выступил крепкий мальчишка. Он был в душегрейке из невыделанной медвежьей шкуры. Солнце блестело на крутых плечах. Голые руки были в сизых шрамах. Он напряг плечи, гордо выпятил грудь:

– Я готов, Старший Волхв!

– Стань вправо, – велел Боромир потеплевшим голосом. – Деревня у нас большая, шесть жилищ, но всяк человек на виду. Все знают, что ты сам добыл этого медведя... Старики тебя первым нарекли для Посвящения.

Кремень, едва удерживая расплывающиеся губы, быстро перешел вправо от волхва. Боромир с удовлетворением проследил за уверенным шагом парня, сказал громко:

– Вышеслав!

– Я здесь, Старший Волхв! – торопливо выкрикнул мальчишка, что стоял рядом с Таргитаем. Голос его от волнения сорвался на щенячий визг. Отпихнув Таргитая, хотя тот вовсе не загоразивал дорогу, Вышеславка, Славка, а теперь уже Вышеслав быстро шагнул к Боромиру.

Старый волхв молвил медленно, косясь на застывшую в благоговейном молчании толпу родителей и соплеменников:

– Силой уступаешь Кремню, но вынослив, умеешь выследить зверя, знаешь повадки. Рыбу бьешь острой почище иного взрослого. Говорят, научился бортничать. Завтра, Вышеслав, начнется твое испытание.

Вышеслав гордо отошел к Кремню, стал рядом. В толпе счастливо всхлипнула женщина. За ее подол цеплялись дети, с завистью смотрели на старшего брата.

Боромир повернулся к подпарубкам:

– Горята! Третьяк! Неустрой!

Парни выступили вперед, напыжились, раздвигая плечи, стараясь выглядеть могучими и злыми. Боромир сказал веско:

– Вас троих назвал Старший Охотник. Станьте справа.

Таргитай обхватил себя руками за плечи, унимая дрожь. Парни уходили, группка редела. Постепенно ушли почти все, с ним остались только Назарко и Тилак. Оба намного моложе, зато умелые рыбаки. Про Тилака поговаривали, что умеет перекидываться волком. Враки, скорее всего, но все равно Тилак не по годам дороден, силен, оправдывая имя. Еще в детстве его звали Телесиком, ибо тело было крупное, дородное. Сейчас у него пробиваются волосы на груди, хотя Тилаку всего десять весен. Неразговорчив, в отличие от веселого Назарки, часто пропадает в Лесу. Когда возвращается, пахнет потом и кровью.

Боромир повернулся к оставшимся, проговорил медленно:

– Назар, ты еще не вошел в возраст... Но я видел, рыбу бьешь умело. Ты можешь стать вправо... если хочешь.

– Конечно, хочу! – воскликнул Назарко с негодованием. Его глаза загорелись. К отобранному он кинулся с такой прытью, что споткнулся и под гогот собравшихся растянулся во весь рост.

Дурак, подумал Таргитай. Набитый дурень. Чем худо оставаться подпарубком? У парубка обязанности, заботы. «Парубок» означает, что надо пароваться, брать пару, вить гнездо, кормить, охранять...

Боромир глядел острыми, как у коршуна, глазами. Лицо его искривилось, будто понял мысли Таргитая. Пронзив его взглядом, он сказал Назарке:

– Сейчас ты еще растешь... Хочешь – ловишь рыбу, хочешь – нет. А охотник ловить обязан. Подумай еще! У тебя три года в запасе.

Назарко даже взвизгнул, руки прижал к груди:

– Я всегда буду ловить рыбу! Я всегда буду охотиться! Разве есть еще что-то на белом свете лучше, чем быть охотником?

В толпе мать Назарки счастливо запричитала, закричала: «Кормилец!» За ее спиной мужик заулыбался, поддержал жену за плечи. Его звучно хлопали по спине, плечам, поздравляя с таким сыном.

Боромир снова бросил острый взгляд на Таргитая, сказал тяжело:

– Добро, Назарко. Из тебя получится охотник. Теперь ты, Тилак. Ты тоже молод не в меру, однако Лес знаешь, как свою поляну. Ты приносил мне целебные травы, находил золотые волосы берегинь, сумел уйти от кикимор... Если хочешь, стань вправо. Обряд посвящения тяжел, но пройдешь, чую. Я даже чую сердцем, что ты можешь стать моим младшим волхвом!

В толпе охнули, наступила мертвая тишина. Таргитай нашел взглядом Олега. Молодой волхв стоял как столб, его лицо медленно заливала бледность. Боромир объявил во всеуслышание, что собирается взять вместо него другого ученика!

Тилак, которого после Посвящения будут звать полным именем – Аттила, оскалил зубы в недоброй усмешке. Олег как волхв – ни бэ ни мэ, ни кукареку. Громобой говорил, что он ни рыба ни мясо и в раки не годится. Заклятия не помнит, все делает невпопад, а далеко ли до беды, когда деревню окружает Враг?

Боромир перевел глаза с затихшего, как мышь, Таргитая на Тилака, ощутил холодок. В подпарубке стремительно просыпается мрачная злая сила. Такой не станет ждать, когда Старший Волхв уйдет в вирий сам!

– Теперь ты, Тарх, – сказал Боромир. Он взял себя в руки, голос подтвердел. – Охотники решили к Посвящению тебя не допускать.

В толпе взвился одинокий женский голос, но люди за чертой стояли молча, смотрели на Боромира. Задние вытягивали шеи, лезли на плечи переднего ряда. Громобой рыкнул, отгоняя смельчаков, что переступали черту. На дереве трещали ветки, где, как воронье, сидели мальчишки.

– Деревня большая, – повторил Боромир, – но все на виду. Мы говорили с охотниками, старыми людьми. Из тебя не выйдет охотник, не выйдет волхв. Ты не годишься в рыбаки, бортники, горшечники. Ты не делаешь даже того, что умеют дети: собирать ягоды, орехи, хворост...

В толпе послышались перешептывания. Безднадежно всхлипнула Росланиха, мать Таргитая, рано увядшая, заморенная трудом. Ее поддерживал Жароок, брат погибшего в Лесу отца Таргитая.

Старики наклонили головы. Тарас смотрел прямо перед собой, избегая отчаянного взгляда внука. Длинные серебряные волосы падали на плечи. Он опирался на толстую суковатую палку, поставив ее между ног, руки Тараса были морщинистыми, широкими, с расплещенными пальцами, неровно сросшимися костями, сизыми шрамами, вздутыми венами. Руки бывалого охотника.

Громобой сидел на краю бревна рядом со старцами, нетерпеливо ерзал, морщился. Когда Боромир остановился, переводя дух, Громобой поднялся во весь громадный рост, похожий на столетний дуб, выросший на просторной поляне, сказал грубым, как неошкуренное дерево, голосом:

– Позволь слово молвить, волхв! Ты такой добрый и мягкий, что прямо в соплях утопаешь. Смотри, поскользнешься. Деды-прадеды резали правду-матку в глаза богам, а ты боишься сказать ее сосунку. Мы же еще намерены решить, что лодырей, согласно старому обычаю, изгоним. Как делалось всегда! Лодырей только двое: Таргитай, сын Вырвидуба, внук Тараса, и Олег, внук Дуболома!

В толпе запричитала, осела на землю женщина. Во весь голос заголосила другая. На них цыкали, потом оттащили, чтобы не мешали.

Боромир сказал неуверенно:

– Таргитай безнадежен, а Олег еще чему-то может научиться...

Громобой расхохотался, сказал грубым, как медвежий рев, голосом:

– Сам же берешь вместо него Тилака! Брось, мягким тебя делает старость. Чтобы в Лесу выжить, надо работать как муравьи. Все видят, что Олег – недотепа, неудачник. Поумнее Тарха, кто спорит, но ум занят чем угодно, только не делом. Мы решили? Решили. Так объяви общую волю!

Боромир вздохнул, сказал потухшим голосом:

– Невры Светлого Леса! Объявляю волю богов, которые сотворили нас, дали законы, ведут через Тьму. Этой весной, как всегда, мы перебрали молодняк. Боги благосклонны к Народу! Восемь подпарубков переводим в парубки. Лишь двое оказались никчемами. Вы знаете, как поступить.

Он повернулся к старцам, что сидели рядом на бревне, как сизые голуби. Народ тихонько переговаривался, вдали слышались вопли Росланихи. Тарас покачивал головой, но молчал. Боги, охраняя Народ, велели Маре и ее кровожадным дочкам забирать больных еще в младенчестве. Другие помирают в детстве. До парубочества дотягивают самые крепкие, выносливые. Однако здоровый люд тоже может сгинуть, если заведутся ленивые да робкие! Волей богов таких выбраковывали при Посвящении в Охотники. Таргитая кормили, одевали, берегли девятнадцать весен, но, как видно теперь, с трудом добываемый корм ушел зазря. Закон строг: кто не работает – тот не ест. А Таргитай пытается остаться дитятей, хотя перерос отца, в плечах – косая сажень, бера бы заломал, если бы довелось схлестнуться.

В полной тишине, когда даже мать Таргитая затаила дыхание, Громобой перекатился с пятки на носок и обратно, грянул устрашающе во весь голос, покраснев от натуги:

– Гоям – веселье в честь светлых богов! Изгоям – день на сборы!

Боромиру передали бубен, волхв постучал пальцами. Туго натянутая кожа отозвалась глухим протяжным стоном. Народ зашевелился, парни вытянулись в линию. Когда в ряд встали охотники, вокруг костра образовалось коло. Мужчины положили ладони соседям на плечи, переплетя руки.

Громобой молодецки крякнул, вломился в ряд. Он высился почти на голову над соседями, а его огромные, как бревна, руки едва не пригнули их к земле. Боромир начал постукивать в бубен. Мужчины покачивались, притопывали, еще не двигаясь с места. Девки легонько повизгивали. Босые, в рубахах из тонкой кожи, но у каждой на голове венок из травы, а то и бересты, в косах – плетеные шнуры с подвесками. Глаза дикие, шальные. После охотников придет их черед, а потом... потом начнется то, о чем мечтали всю зиму, при одной мысли о пахучих травах и горячих жадных руках начинает кровь шуметь в висках...

Бубен гремел громче, женщины били в ладони. В Лесу даже у женщин ладони широкие, мозолистые, и хлопки похожи на удары секиры по дереву. Мужчины медленно двинулись вокруг столба Велеса. Шли по ходу солнца, как ходили испокон веков их пращурь. Боромир говаривал, что однажды, вот так двигаясь за солнцем, пращурь забрели в далекую жаркую Индию. Многие там остались, но другие через сотни лет вернулись...

Оставшись один, Таргитай пятился, пока под ногами не захлопала вода. Над головой злорадно закричала птица, с низких ветвей посыпалась труха. Он повернулся спиной к деревне, деревья расступились, но еще долго слышал бубен, гром пляски. Земля вздрагивала: в нее одновременно били десятки ног.

За Таргитаем зашлепали босые ноги. Догнал Олег – бледный, худой, с вытаращенными глазами. Он сутулился, острые ключицы выпирали, грозя прорвать тонкую кожу. Одежда висела как на пугале.

– Тарх, – сказал он со страхом, – что теперь делать?.. Меня тоже... Тебя хоть за дело, а меня за что?.. Я старался, трудился... Пусть невпопад, но старался!

Крупные капли пота усеивали лицо, на носу висела капля. Глаза блестели, на худой жилистой шее нелепо болтался мешочек с засушенными жабыми лапками.

– Не знаю, – ответил Таргитай хрипло.

В животе было тяжело и холодно, словно проглотил огромную мороженую рыбу. Он сел, прислонившись к могучему дубу. Над головой пробежала, цокая крохотными коготками, шустрая белка. Из-за Реки доносился шум, ликующие крики.

Олег переступил с ноги на ногу, торопливо сел. Длинный балахон укрыл его ноги, молодой волхв стал еще больше похож на молодую девку.

– Неужели... изгонят? – переспросил он. – Были гоями, стали изгоями... Да лучше сразу головой в болото! В Лесу не выжить.

– Изгонят, – повторил Таргитай глухим голосом.

– Почему? Почему?

– А ты видел их глаза?.. Ликут! Оказывается, нас ненавидят.

– Скорее завидуют, – ответил Олег поникшим голосом.

Лес обступал их со всех сторон, оставался лишь узкий просвет, где журчала вода, прыгая по камням, издали доносились крики. От земли, скрытой толстой шкурой мха, тянуло сыростью, могилой. Мох вспучивался, кое-где лопался под напором белесых, как руки упырей, подземных корней. Те высывались, освобожденно шевелились, пытаясь схватить неосторожного человека или зверя. Пахло гнилью.

Олег нервно оглядывался. В деревне ничто не скроешь, особенно трусость. Ни одна девка, даже рябая Дашка, не решалась выйти за Олега. Он был на три года старше Таргитая, но ни разу не подрался, бледнел, завидев кровь. Когда однажды при нем резали козу, сомлел под насмешки парней и девок.

– Как пойдем в этот Лес? – спросил Олег. Он трясся всем телом.

– Кто сказал, что пойдем вместе? – ответил Таргитай грубо. – Я с тобой рядом... не сяду.

ГЛАВА 2

Вечером в дверь, она же и крыша, громко постучали. Грубый голос заорал, велел открывать, а то от двери останутся щепки, а землянку завалит землей и бревнами. Тарас, громко шаркая подошвами, заспешил к двери. Таргитай остался на прогретых костром камнях, уткнувшись в шкуры.

Сверху спустился, пригибая голову, огромный человек. Мохнатая душегрейка мехом наружу распахнулась, обнажив такую же густую длинную шерсть. Тугие мышцы обнаженных рук блестели в свете лучины, как отполированные корни старого дуба. Огромная тень метнулась по всему помещению, резко изламываясь при переходе со стен на потолок.

Человек выпрямился, задев потолочную балку. Тарас засуетился, вытер лавку чистым полотенцем.

– Садись, Мрак! Будь гостем. У нас беда, но тебе рады завсегда.

Мрак молча опустил на лавку. Дерево жалобно застонало, прогнулось. Черная тень замерла, погрузив половину комнаты в темноту.

Росланиха суетилась у очага, повернула к Мраку заплаканное лицо:

– Отужинаешь?

– Квасу, – гулко обронил Мрак.

Темные глаза изучающе пробежали по стенам, остановились на неподвижной фигуре Таргитая. Тот лежал как утопленник, вниз лицом и раскинув руки.

– Один пойдешь? – спросил Мрак лениво. – Аль с волх-вом?

Таргитай вздрогнул, словно пинками вырвали из сна. Непонимающе взглянул на Мрака, губы виновато поползли в стороны.

– Прости, замечтался...

– Дурень, – бросил Мрак досадливо. – У тебя не мечты, а грезы. Понял? Мечты – это когда сможешь, если сильно напряжешь пуп, а грезы... Иди с волхвом. Правда, трус редкостный. Такого куры лапами загребут, бурундуки забьют до смерти. Зато хитрый! Иной раз в ступе не влупишь, в ложке не поймаешь. Из-под стоячего подошвы выпорет... Гм, хотя в другой раз хоть кол ему на башке теши, хоть орехи коли...

– Не люблю Олега, – сказал Таргитай тоскливо.

– Почему?

– Трясется от всего. Противно.

– А ты прячешься от работы, как пес от мух. Тоже не яблочко! Два сапога пара.

Таргитай уныло промолчал. Старый Тарас проследил за невесткой, та с поклоном подала гостю расписной ковш, спросив с надеждой:

– Думаешь, могут добраться до... других?

Мрак запрокинул ковш, мощно, жадно пил, разливая квас по подбородку и волосатой груди. Росланиха перехватила ковш, опасаясь, что Мрак небрежно швырнет в угол, неслышно отбежала к очагу.

– Доберутся или нет, а идти надо. Живем как медведи, дальше Болота не ходим. Ты же знаешь, где-то есть люди еще. Я знаю, Боромир знает... только не говорим про них.

– А где они?

Мрак пожал плечами. Помолчали, потом Мрак бросил:

– Откуда-то зайды берутся?

Тарас вздохнул, покосился на внука. Таргитай крутил в пальцах глиняную свистульку.

– Убьют, как смекаешь? Или в Болоте утонут?

Мрак шевельнулся, скамья под ним взвизгнула.

– Здесь убьют точно. Кто не работает... Собери им еду на два-три дня. Больше не надо.

Он бросил косой взгляд на Таргитая. Вряд ли проживут больше дня что Тарх, что Олег. Неча зря еду переводить.

– Дай пару кресал, огниво. Я кое-что подкину от себя.

Не поднимаясь, он вытащил из петли на поясе небольшую секиру. Зайчик заплясал на блестящем каменном лезвии. Таргитай мигнул, глядя с тоской. Острое лезвие блестело недобро, зло. Мрак отсекал с тридцати шагов крыло у присевшей на дерево бабочки. Но секира слушалась только Мрака. Однажды Таргитай попробовал метнуть, до сих пор вспоминать стыдно.

– Дал бы свой лук, – проговорил Мрак в раздумье, – но ни ты, ни трусливый волхв не знаете, с какого конца браться. А жаль... Ладно, увидимся.

Коротким взмахом он послал секиру через всю землянку. Крутнувшись в воздухе, секира с хрустом врезалась в дверной косяк, задрал ручку вверх. Росланиха подала Мраку запотевший ковшик. В огромной ладони Мрака ковш выглядел детской чашкой. Кадык заходил вверх-вниз, две струйки потекли по краям подбородка. Мрак крикнул, не глядя, отбросил ковшик. Росланиха тихонько ахнула, отвернулась, но не услышала треска.

Ковшик висел на ручке секиры, а Мрак уже поднимался по земляным ступеням к двери. Он повернулся боком, ибо его плечи оказались шире дверного проема.

– Я не научусь по дороге? – спросил Таргитай вдогонку.

Мрак хмыкнул, молча вылез наверх. Тарас запер дверь на засов, удивленно покрутил головой:

– Лучший охотник!.. Стрелок, каких не помню. За что жалуется, не пойму!

Таргитай ответил жалобно:

– Потому что я не соперник. Никому не заступаю дорогу! Все знают, что я не заступлю. Так за что меня так?

Он опасливо покосился на дверной косяк. Каменное лезвие секиры погрузилось в твердое дерево почти до половины. Мрак ушел, черная тень его секиры перечеркивала землянку пополам. Мать подняла крышку скрыни, а дед повесил на ручку секиры кожаный мешок, бросил в него трут и огниво. Мать вытащила из скрыни хорошо выделанную шкуру, сшитую в плотный спальный мешок.

– Ни к чему не приучен, – проговорил Тарас печально. Он грустно посмотрел на краснощекого внука. – Одно слово – никчема...

Мать до полуночи собирала мешок, Тарас покрикивал, что-то выбрасывал. Раза три ссорились, Росланиха всплакнула, наконец лучина догорела, и они легли спать. Таргитай перебрался на лавку, где мать уже заботливо постелила для него самые мягкие шкуры.

Долго ворочался в темноте, заснуть не мог. В тишине что-то шуршало, скреблось. Таргитай поднялся, на ощупь подложил в мисочку печенки. Таргитай помнил только деда Иваша по матери, но тот был силач, богатырь, лютей в драке. Такой не останется домовым – с боевой секирой дерется в вирии, а если попал в подземный мир, то рубится со Змеем! С Таргитаем домовый не ладил. Дед Тарас загадочно поговаривал, что домовик чего-то требует, добивается, но Таргитай не догадывался... и не хотел догадываться.

В ставни поскреблось. Таргитай замер, руки похолодели. Донесся сдавленный шепот:

– Тарх... Тарх, ты спишь?

Таргитай подбежал к двери, с трудом отодвинул тяжелый засов.

– Тарх, это я...

В лунном свете появилась долговзая фигура. Олег был в своем белом балахоне, в слабом свете луны было видно, что шел сюда по лужам, собрал все репяхи и колючки.

– К тебе можно?

– Если только тихо.

– Я как мышь!

Олег проскользнул к нему на цыпочках. Таргитай неумело высек огонь, раздул трут. При свете лучины Олег осторожно пробрался к лавке, где лежали согретые Таргитаем шкуры, присел. Его трясло, он часто и сильно чесался. Застонал во сне дед, а мать забормотала несвязное, прикрыла ладонью глаза. Таргитай подтащил вторую лавку, лег рядом с Олегом и поспешно задул лучину.

В тишине пробежали маленькие ножки. Заскреблось, из Леса донесся протяжный волчий вой. Лежали долго, прислушиваясь, наконец Олег проговорил дрожащим голосом:

– Боязно, Тарх... Ох как боязно!

– А мне нет? – ответил Таргитай сердитым шепотом. Он нырнул было в сладкие грезы, вообразил себя маленьким, когда все ласкают, дают ломтики истекающих сладким медом сот, когда любим всеми, даже грозным Громобоем, а тут этот трус...

– Ты – боишься? А говорят, ты по дурости даже страха не ведаешь.

– Ну... просто уходить не жадется.

– Уйти – это умереть, понимаешь?

– Изгонят? Упросить не удастся? Вдруг только пугают?

– Изгонят, слабых и больных вон, таков искон.

– Горюта родился с больными ногами! Всей деревней кормят.

– То послано богами. Если бы тебя, скажем, деревом пришибло, миром бы выхаживали. Твоя лень и моя... нерешительность сидят в нас самих. В деревне бояться, что зараза перекинется на них. Если не уйдем завтра, забьют кольями.

Олег тихо всхлипнул, Таргитай застыл. Даже не стрелой или секирой, как лесного зверя, а кольями, словно осатаневшего пса, у которого глаза остекленели, а изо рта падает желтая пена!

– Я упрашивал Боромира, – прошептал в темноте Олег. – Клялся, что буду послушным... что выполню все-все... Уперся, старый пень!

– При чем тут Боромир? – возразил Таргитай. – Это закон.

– Законы составляют люди.

– Не богохульствуй! Законы дают боги.

Олег ответил погасшим голосом:

– Да-да, боги... Но боги не считают беличьи хвосты. Детям говорим, что без воли богов даже муравей не чихнет, но мы не дети. Боги намечают, кому сколько жить, когда умереть, но в наши дела не мешаются... Тарх, возьми оружие, ладно? Хотя бы секиру.

– Возьму, – ответил Таргитай неохотно. – Только вот что... Я почти не отходил от деревни, это ты шлялся по Лесу. Если идти, то куда?

Олег молчал, Таргитай подумал даже, что волхв заснул. Нет, потихоньку плачет. Всклипывая, сказал дрожащим, как осиновый лист на ветру, голосом:

– Если на север, то через три дня упрешься в Реку. Не такую, как наша, – большую. Ее не перейти, а плавать не умеем. Если на юг, то за нашим Лесом начинается Темный Лес. Там полулюди, убивают всех. На западе – Светлолесье, потом сразу Черный Лес. Там сгинешь с первых же шагов. На востоке за нашим Лесом лежит бескрайнее Болото. Упыри, водяницы, болотные кикиморы. Берегинь нет, там нет берега.

– Как это нет берега?

– Болотная вода переходит в жидкую грязь, та тоже тянется на версты. Из грязи торчит острая, как лезвия ножей, осока. Болото наполовину затянуто мхом. Кочки с кабана! Вроде бы лося выдержат, но мышшь прыгнет – тут же с головой навеки. У того болота нет дна, опускаешься до подземного мира.

– Ну-ну, дальше!

Из темноты пришло плачуще-раздраженное:

– Я назвал четыре стороны света! Пятого угла еще не придумали, хотя нам нужен до зарезу!

Таргитай повздыхал, спросил безнадежным голосом:

– Придется идти через Светлолесье?

– Всего Светлолесья – узенькая полоска. Туда забегают лютые звери из Черного Леса. Я долго думал, Тарх... Придется идти через Болото.

Таргитай ахнул:

– Это же верная погибель!

Олег промолчал, в темноте Таргитай услышал хруст пальцев, тяжелое дыхание, словно волхва засасывала топь, а он хватался за острые стебли.

– От волхва к волхву передается, что на болотах живут какие-то люди. Их так и кличут: дрягва, дряговичи, болотники. Больше о них ничего не знаю.

– Думаешь, примут? Чужаков положено убивать сразу.

– Здесь мы уже мертвые, – ответил Олег едва слышно.

Долго лежали молча. Таргитай прислушивался к скребущимся звукам, доносящимся сна-ружи. Что-то засипело, донесся тяжелый вздох.

– Почему не допустили до Обряда? – спросил он. – А если бы я прошел?

В темноте Олег шлепал по мокрому от слез лицу, вытирал щеки. Ответил прерывающимся голосом, как после долгого плача:

– Даже из отобранных проходят не все. Булгак вон третий раз идет. Терзают жутко, поверь! Только человек с каменным сердцем может оборачиваться волком, затем снова принимать человеческую личину. Сколько потеряли, не счесть! Большой соблазн остаться волком навеки...

Таргитай не поверил:

– Что ты мелешь?

– Тарх, волком жить спокойнее. Наша жизнь невыносима. Злые силы прижимают человека к стене, а податься некуда! Иной сдается слабости... Да-да, перекидывается волком.

– Пройдя Обряд?

– Даже камень со временем трескается, рассыпается в песок.

– Вот куда делся мой любимый вуй Ждан!

– Падать легко, подниматься трудно. Для того и придуман Обряд, чтобы удержать...

Прошел кто-то огромный, тяжелый, охнуло, зашуршало. Тьма сгустилась, стало тяжелее дышать. С нагретых валунов неся храп Тараса, тихонько постанывала Росланиха.

– Олег, разве мы были с берами одним народом?

Олег ответил сразу, даже всхлипывать перестал:

– Беры жили могучим племенем. Обитали в пещерах, не в логох. Никакой зверь не знал, встречаясь в Лесу с бером, разорвет или угостит ягодами. Беры могли сбрасывать шкуру, ходили на задних лапах, разговаривали... Я не дознался, почему разделились на беров-зверей и беров-людей. Теперь нам запрещено даже упоминать о них, чтобы отрезать дорогу назад.

– А они знают?

– Смутно помнят. И мы помним. Охотимся, как на зверей, но поминаем, просим прощения у убитых, устраиваем комоедины, медвежьи праздники. Но беры звереют все больше, а нам завещано раздувать священный огонь, что заронил в наши души великий Род... Ты спишь?

Таргитай задвигался на жесткой лавке, устраивая кости, ответил несчастным голосом:

– Светает...

Между плотно закрытыми ставнями медленно светлела узкая полоска.

Мягкие заботливые руки укрывали его толстыми шкурами. Таргитай сладко засопел, перевернулся на другой бок, собираясь проспать до обеда, как вдруг выплыло беспощадное: сегодня изгнание! Он поплотнее зажмурил глаза, стараясь снова погрузиться в сладкий мир грез, где он был самым сильным, самым смелым, умелым, легко побивал упырей, даже вытаскивал из подземного мира за хвост Ящера...

Руки тормошили, голос матери сказал печально:

– Вставай, чадушко...

Донеслось сиплое, бурчащее:

– Чадушко... Исчадие, а не чадо! До какого позора довел мою седую голову! Вставай, Тарх. Хуже, если поднимут другие.

Не поднимаясь, Таргитай приоткрыл один глаз. Соседняя лавка была пуста. В дверном косяке торчала секира Мрака, на рукояти висела раздутая торба. Свисали кожаные лямки, которых вчера еще не было. Дед пришел, чтобы внук мог нести на спине, высвободив руки.

Таргитай обреченно опустил босые ноги на пол. Свет падал в окно, наискось деля землянку. Мать хлопотала у огня, дед Тарас сидел на лавке, свесив ноги.

– Сегодня? – спросил Таргитай убито. – Хотя бы завтра...

Дед встал, натужно покряхтывая, поманил Таргитая. Они вылезли наверх, Таргитай зажмурился от яркого света. Плечи передернулись от утренней свежести. Дед Тарас остался в дверном проеме, закрываясь ладонью от слепящего солнца. Таргитай не сразу разглядел перед их землянкой странные серые хлопья.

– Зришь? – сипло спросили сзади.

Таргитай подпрыгнул от испуга. Покрасневшие глаза деда неотрывно смотрели на пепел. Там четко выделялись следы чудовищных трехпалых лап.

– Что это? – прошептал Таргитай.

– Помысли сам, – ответил дед мертвым голосом.

Он зашел сбоку, стараясь не наступить на отпечатки. Седые космы бровей сдвинулись на переносице, старческие слезящиеся глаза болезненно шурились. Он украдкой посмотрел по сторонам, но деревня была пуста.

– Следопыт из тебя как из моей задницы молот, – проговорил дед, – но такие следы поймешь даже ты, недотепа.

Колени Таргитая начали трястись, зубы застучали. Следы чересчур велики. Даже у глухаря, самой крупной птицы на свете, лапа впятеро мельче. Прилетели птицы из неведомых краев?

Он украдкой взглянул на потемневшее лицо деда. Нет, их деревня в суровом мире, где чудес не бывает.

– Навьи, – сказал дед дрогнувшим голосом. – Вчера не зря посыпал пеплом! Было у меня предчувствие, было! Видать, вот-вот уйду, раз уже начинаю... Прилетели, клятые, заглядывали в окна. Хорошо, ставни сам делал, тебе не доверил. Да и заклатья Боромир наложил.

– Дед, что мне теперь? – прошептал Таргитай в смертельном страхе, пугливо огляделся.

Поляну заливал яркий свет. Свежеотесанные бревна с резными ликами богов блестят, как сосульки, дупла закрыты щитами из дубовых досок. С них строго смотрят выпученными глазами древние птицы Сирий и Алконост, охраняя жилища от злых чар. Вдали бежит ватага мальчишек, расплескивая лужи. Прошла от Реки одинокая баба, жмурясь от солнца, а ведра раскачиваются так, что половину расплещет по дороге, дуреха.

– Сейчас у них власти еще нет, – буркнул дед. – А вот с заходом солнца чары Боромира ослабнут! Навьи чувствуют изгоев, прилетели за поживой.

– За мной?

– За всяким, кто слаб.

Таргитай уронил голову, вернулся. Мать запихивала в торбу ломти мяса, сала, сушеную рыбину, причитала, что мал мешок, лучше бы ей самой пойти в дальнюю путь-дорогу со своим непутевым старшеньким...

Добро, подумал Таргитай, что ключи от вирия хранит кукушка. Ворота после долгой зимы распахиваются лишь на девятый день весны, когда кукушка выпускает жаворонка – сказочную птаху, что первой вылетает из вирия. До этого времени властвуют навьи. Никакие

запреты, заклатья, просьбы не останавливают. Добро, зимой бояться морозов, не прилетают, но сейчас уже сороковой день весны!

– Навьи сильнее? – спросил он тоскливо. – Кривда сильнее Правды? Почему же нам велят быть добрыми? Ведь побеждает тот, кто бьет в спину, ниже пояса, дает подножку... Как Правда уцелевает в таком неравном бою?

Тарас вошел следом, тяжело передвигая непослушные ноги, опустился на лавку.

– Не всякий волхв тебе ответит, внучек... Знаю лишь, что век от веку Правды становится больше. Великая загадка! Но ты думай о делах попроще. Одевайся, бери мешок. Чую, Громобой с охотниками не ушли в Лес. Если они в деревне, это не к добру! Не к добру.

Таргитай набросил на плечи душегрейку из волчьей шкуры. Руки от плеч остались голыми, но шкура толстая, плотная, а мех густой и длинный. Не простой волк расстался со шкурой, но, чтобы навеки уйти от волчьего мира, надо убивать все волчье, даже если в волчьей личине узнаешь родного брата. Так велели волхвы, которые знают прошлое и умеют заглядывать в будущее.

Дед сказал тоскливо:

– Удался ты и ростом, и силой... Почему лень родилась раньше тебя? Ты был еще в пеленках, она – с лосенка. Надевай пояс, бери секиру. Надо выйти пораньше. Авось успеете дотемна приبلудиться куда-нибудь...

Сверху скрипнуло, хлынул яркий свет. Спустился высокий парень с кудрявой бородкой. Таргитай не сразу узнал Олега: молодой волхв сменил выделанный из тонких шкур балахон на короткую душегрейку и штаны из лосиной кожи. На широком поясе висели ножи, баклажка, из-за плеч выглядывал туго набитый мешок. Он и в балахоне казался худым, а сейчас длинные тонкие руки вовсе торчали жалобно, ребра выпирали, а ноги были худые, как жерди.

– Ой ты гой еси, – сказал он блеклым голосом. – Нет, уже не гой, а изгой. Здравствуйте, дедушка Тарас! Здравствуйте, тетя Росланиха. Исполать вам. Тарх, ты готов? Надо уходить, иначе... иначе я не смогу!

Губы его прыгали, глаза были красные, воспаленные, под ними висели, как сети с рыбой, темные мешки.

Таргитай обнялся с дедом, поцеловал мать, низко поклонился красному углу. Олег уже подхватил его торбу и секиру Мрака, шагнул к двери. Таргитай в последний миг метнулся к схованке, выхватил любимую свирель. Дед бросил сердито:

– Брось, дурень! Она-то и довела тебя до беды.

Таргитай заколебался, прижал свирель к груди. Олег сказал резко:

– В дальней дороге и свое ухо будет тяжелым! Выбрось.

Мать сказала сквозь слезы:

– Оставь ее, сыночек... Не до песен. И девок не встретишь.

Таргитай съежился, положил свирель на лавку. В крышу громко и бесцеремонно постукали. Заслоня солнце, грозно мелькнуло темное лицо с ощеренным ртом.

– Торопят, – напомнил дед.

Перед их землянкой стояли мужики, женщины, дети. В их глазах светилось жадное любопытство. Раздвигая люд, как могучий тур раздвигает телят, вперед тяжело шагнул Мрак. Коротко оглядев изгоев, хмыкнул. Олега хлопнул по плечу, едва не вогнав в землю. Таргитая обнял, прогудел сочувственно:

– Не держи зла. Для них это час праведного возмездия.

Обнимая за плечи, повел прочь с поляны. Навстречу несло холодным дыханием Реки. Олег топал сзади, суетливо подбрасывая на плечах мешок, что сползал набок. Мрак покосился на людей, те шли следом, напомнил:

– Не злись. Не злись, понял?

Сзади судорожно вздохнул Олег. Таргитай прошептал потрясенно, едва сдерживаясь, чтобы не зареветь:

– За что? За что так ненавидят?

– Они месили грязь в болотах, лазили за медом, падали, рвали штаны в буреломах, бегали за лосями, турами... А ты сладко ел, мягко спал, играл да пел. Теперь всякий чувствует себя отомщенным. Племя должно жить, Тарх... Они правы.

Он оглянулся на бредущего по пятам Олега:

– Я сегодня пытался уговорить Боромира и Громобоя.

– Что они ответили?

– Обычаи писаны для всех. Другим неповадно будет! А Громобой добавил, что мои дни тают быстрее, чем снег весной.

Большая Поляна осталась позади, они остановились на пригорке. Впереди за Рекой поднималась плотная стена Леса. Над верхушками деревьев пронеслась стая ворон, зловеще каркая, роняя перья. Мрак прижал Таргитая к широкой, как дверь, груди, отстранил, глядя с хмурым сочувствием.

Олег суетился, бил ладонями по нашитым карманам, щупал пояс, выворачивал шею, пытаясь увидеть свой мешок, а Таргитай замер, внезапно забыв о себе.

Мрак! Охотники перекидывались волками в полнолуние, к утру обретали прежнюю личину. Иным удавалось в любую ночь, если луна – солнце мертвяков и оборотней – светила ярко. Рыскали в Лесу, не зная страха, сильные и вольные. Возвращались под утро, но тяжела жизнь человека, и все охотнее оборачивались волками, все труднее возвращались в нелегкую жизнь людей...

Прибежит, бывало, огромный зверь к родному месту, грянется о промерзлую землю, но вздымается тем же зверем... Снова и снова бьется оземь. Так и уходит в Лес. Не раз жена находила утром замерзшего волка с жутко оскаленной пастью.

Мрак еще с той зимы оборачивался волком в любую лунную ночь. В эту зиму оборачивался даже вечерами. На той неделе перекинулся даже среди бела дня, по Лесу рыскал трое суток. Вернулся с окровавленной пастью, налитыми кровью глазами. Долго бился оземь, лишь чудом вернул себе прежнюю личину.

– Пусть боги хранят тебя, – пророкотал над головой Таргитая голос Мрака. – Не свидимся больше, а жаль... За что-то я любил тебя, Тарх!

Он снова обнял Таргитая, едва не задушив, похлопал волхва по спине. Олег закашлялся от могучего хлопка, и Мрак, заржав, с готовностью бухнул огромным кулаком между худых лопаток, похожих на прорастающие крылья.

Послышались голоса. На них шла целая толпа мужиков. За поясами блестели острые секиры из кремня, в руках угрожающе покачивались рогатины, короткие копья. Впереди шагал, разбрызгивая лужи, огромный Громобой. Палица торчала за поясом, но угрожающе разведенные в стороны руки, толстые, как бревна, выглядели еще страшнее.

Громобой зычно взревел издали:

– Эй, лизуны! Довольно!

От громового голоса, больше похожего на рев разъяренного бера, за Рекой в испуге взлетели, шумно хлопая крыльями, вороны. Охотники шли за Громобоем угрюмые, насупленные. Толпа, сопровождавшая изгоев, поспешно расступилась.

– Мрак, – гаркнул Громобой еще громче, наслаждаясь могучим рыком, – ты охотник, а пачкаешься с этими... тьфу! А вы, двое, прочь! Да побыстрее. Если поможем, не обрадуетесь! Рогатины у нас острые, а ваши задницы от сидения мягче лебяжьего пуха.

Таргитай в испуге дернулся к Реке, но сильная рука Мрака придержала за шиворот. Олег торопливо сбежал к воде, остановился, глядя затравленными, как у зайца, глазами.

– День только начался, – обронил Мрак низким голосом. – Куда спешишь, Громобой?

В его темных глазах вспыхнули кроваво-красные искры. Верхняя губа чуть поднялась, обнажая острые волчьи клыки.

Громобой остановился, его глаза быстро скользнули с Мрака на охотников, на баб с детишками.

– Мрак, надо проследить, чтобы не вернулись... Не первый раз изгоняем, знаем! Уйдут, а вечером пробираются обратно с другой стороны... Искон строг, Мрак. Должны остаться настоящие мужчины. Как ты, как я. Уроды не нужны.

Он стоял, тоже напрягши плечи, зло глядя Мраку в лицо. Мужики за его спиной покрепче сжали рогатины, сгрудились плотнее. Долгими вечерами, когда делать нечего, а спать рано, перебирали случаи, вспоминали драки, и всякий раз вспыхивал спор: побьет Громобой Мрака аль нет? Силу Громобоя знали, тот часто пускал в ход кулаки, а мощь Мрака мерили косвенно: в одиночку поднял большую валежину, в одночасье выворотил пенёк, заломал большущего бера, палицей убил вепря...

Таргитай, не желая ссоры для Мрака, выдрался из его рук, торопливо перешел по ледяной воде на другой берег. Мрак помахал рукой, что-то крикнул. Ладонь у него была широкая, как лопата. За редкой цепочкой мужиков-охотников металась, пытаясь прорваться к изгоняемым детям, мать Таргитая.

– Прощайте! – крикнул Таргитай. – Я не держу зла. Пусть боги благословляют Народ!

Деревья сразу сомкнулись за их спинами. Воздух здесь был сырой, холодный и влажный, как в погребе. Вместо утоптанной земли – пестрая шкура перепрелых прошлогодних листьев, кое-где под ногами мягко прогибалась подстилка темно-коричневого мха. Приходилось протискиваться между деревьями, на бока Таргитая налипла слизь и чешуйки шишек.

Кроны сомкнулись над головой, закрыв небо.

ГЛАВА 3

Они продирались через завалы без передышек и остановок, обходили ямы. Олег отмахивал версту за верстой длинными, как у цапли, ногами, петлял, поглядывая то вверх, где за деревьями пряталось солнце, то на муравейные кучи, уточнял дорогу. Таргитай притомился, взмок, начал спотыкаться. Когда Олег, не чуя усталости, надал ходу еще шибче, Таргитай разозлился:

- Одурел?.. Или тебя где-то ждут?
- Надо идти, – бросил Олег, не поворачивая головы.
- Дурень, без отдыха одни муравьи бегают!
- Еще и работают без отдыха, – напомнил Олег язвительно.
- Вот и работай с ними, – отрезал Таргитай.

Он плюхнулся на поросшую мхом валежину, с наслаждением вытянул ноги. Олег с беспокойством оглянулся:

- Здесь уже плохой Лес! Надо уйти подальше.

– Дальше хуже, – возразил Таргитай. Он стащил со спины мешок, начал дергать за узкий ремешок. – Обедать пора.

Над головой колыхались раскоряченные ветки, каждая могла бы стать стволом столетнего дуба. Ветки переплетались, стукались с треском, на землю падали кусочки коры. В листве что-то прыгало, верещало, скреблось. К земле опускались покореженные ветки, вытягивали крючковатые пальцы, угрожающе раскачивались.

– Тарх, – крикнул Олег настойчиво, – ты не понимаешь! Здесь очень плохой Лес! Надо уходить.

- Не пойду, – отрезал Таргитай.

- Тарх, поверь мне!

Из мешка пахнуло жареным мясом, старым салом. Рот наполнился слюной, Таргитай ответил сипло:

– Я устал и хочу есть. С тобой или остаться – какая разница? Ты утопнешь в Болоте, а меня, сонного и сытого, задавит ночью лесной зверь. Ты намучаешься, пока влезешь в топь, а я наемся, полежу, сладкий сон увижу.

- Тарх!

– Не шевельнись, пока не наемся и не отдохну, – буркнул Таргитай. Он чувствовал себя огромным камнем с тура величиной, который сдвинуть с места под силу разве что богам. – У меня ноги подкашиваются.

– Тарх, – проговорил Олег угрожающе, – если ты не пойдешь... Если ты не пойдешь сейчас же, я пойду один!

- Таргитай с жадностью откусил мяса, зажмурился, ответил с набитым ртом:

- Что же ты не сказал сразу? Я бы сел обедать еще возле Реки!

Он разложил на валежине ломти мяса, кусок сала, пучки сочного хвоща. Когда поднял голову, на поляне уже было пусто, а в чаще шелестели удаляющиеся шаги.

Таргитай с наслаждением вонзил зубы в одуряюще пахнущее сало. Спина ныла, ноги гудели и чесались, словно влез в муравейную кучу.

Поляну окружали толстые раскоряченные деревья, присевшие к земле, словно готовились схватить бегущую дичь. Даже ветви опустили до земли, дабы ни человеку, ни зверю...

Напротив сухо блестел огромный прямой ствол лиственницы, высохшей, как муравей на солнце. Плотным забором поднимался черный лес пихтача с темными, опущенными до земли ветками. Свисали длинные седые бороды лишайника – зелья колдунов и чародеев.

Таргитай чувствовал шевеление в прогнившей валежине, слабые толчки. С усилием повернулся, сбив локтем клок толстого мха с мясистыми краями. Спинай он раздавил пару огромных лишайев, другие тянули к небу широкие, как баклажки, горлышки. Таргитай заглянул, отшатнулся: из темной глубины кто-то смотрел пристально, неотрывно.

На другом конце полянки гнили бесформенные валежины. Поднимались мясистые стебли с разбухшими красными головками, похожими на сырое мясо. Воздух не двигался, тяжелый и сырой.

Ухозявав большой ломоть сала с хвощом, Таргитай дальше жевал вяло, выгрызая розовую жилку мяса. В сыром воздухе взмок, со лба катились капли пота, глаза щипало. Волчья душегрейка мерзко липла к спине.

Однажды мелькнул светлый бок оленя, Таргитай успел увидеть ветвистые рога. Пролетел, шумно хлопая крыльями, большой черный ворон. Уселся по ту сторону поляны, ветка затрещала, прогнулась. Ворон топтался, устраиваясь, желтые когти сжали ветку так, что молодая кора лопнула, брызнул сок.

Ворон медленно опустился на ветку брюхом, на человека посматривал со злорадным удивлением. Он был огромный, массивный, таких Таргитай еще не встречал.

– Есть хочешь? – спросил Таргитай напряженно. – Могу поделиться. Но знай меру, мне еще идти... Если встану, конечно.

Ворон посмотрел одним глазом, повернул голову, взглянул на Таргитая другим. Огромный твердый клюв сухо щелкнул. Таргитай не понял, хотел переспросить, но внезапно сзади затрещало, кто-то засопел мощно, свирепо. Он обернулся, замер с салом в зубах.

За деревьями дрались две огромные еловые шишки. Ростом с людей, с головы до ног в крупных чешуйках, они катались, сцепившись, как пауки, молотили сухими узловатыми руками, похожими на суковатые палки. Слышался треск, щелканье. Когда с разбегу натыкались на деревья, на землю падала серая чешуя. Один из драчунов был помоложе, в зеленых пластинках, ровных и блестящих, другой в серых, выщербленных, но дрался яростно, напрыгивал, теснил супротивника.

Таргитай откинулся к валежине и вытянул ноги. Лешие!.. В деревне знали – шкуру не снимешь, мяса нет, а из жил даже тетиву не сделаешь – рвется. Ни вреда от них, ни пользы.

Вдруг с другой стороны затрещали кусты. Что-то огромное несло через Лес, ломая и круша все на пути, ровно осатаневший буй-тур или разъяренный бер... Таргитай опасливо подгреб мешок поближе.

На поляну вывалился, прорвав колючие кусты, Олег. Выпученные, как у совы, глаза дико блуждали, по щеке текла кровь. Волосы и бороденка всклокочены. Он хватанул ртом воздух, сказал, задыхаясь:

– Ты... еще... здесь...

– Обедаю, – ответил Таргитай.

Он начал грызть сало, опустив голову, не показывая виду, что обрадовался возвращению волхва. Грудь Олега часто вздымалась, дыхание изо рта вырывалось с хрипами и всхлипами:

– Я шел... бежал... вдруг напоролся... на чешуйчатых!

– Леших, что ли? – спросил Таргитай буднично. – У тебя кровь на морде. Чего лез? Двое в драку, а третий в... другое место.

– Это я в кусты... Тарх, это страшно!

Таргитай жевал сало, сидя в той же позе, прислонившись к сырой валежине, широко раскинув ноги.

– А чем страшно? – спросил он лениво.

– Лешие, понял?

– Такие, да? – спросил Таргитай. Он ткнул ломтем сала за свою спину, потом сунул тем же концом в рот, откусил, чавкал, прикрыв глаза.

Олег ошалело посмотрел в ту сторону, подпрыгнул. Таргитай чавкал, жмурился, свободной рукой чесал вспотевшую грудь. Олег бросил панический взгляд по сторонам:

– Светлые боги!.. Мы в их землях!

– Разве у тебя с ними свары?

– Нет, но... Брось жевать! Ты начал, когда я был здесь! И все жрешь, как кабан. Нет, я с ними не ссорился, но я все равно боюсь до поросычьего визга.

– Почему?

– Не знаю, – ответил Олег натянутым, как тетива, голосом. – Просто боюсь!

Он был белым, с той желтизной, какая бывает у дерева с содранной корой. Крупные капли пота катились по лбу, но кровь подсохла, Олег запоздало тер ее пучком травы. Один лешак вырвался, другой в два раскоряченных прыжка догнал, повалил. Опять мерно катались взад-вперед, вереща сухими голосами, сдирая чешуйки.

– Есть хочешь? – предложил Таргитай.

– Нет, – быстро и с отвращением ответил Олег. – Тарх, какой ты... дурак, как все, только намного ленивее. Тебе что лешие, что звезды, что желтая глина, из которой не вылепишь горшок! А я волхв, понимаешь? Жажду знать, почему вода мокрая, почему зимой обращается в камень, почему Род разделил человека на мужчину и женщину... Люди бесстрашны по своей тупости. Они просто не ценят жизнь! А я знаю ей цену. Потому боюсь, что могут убить...

– Все-таки поешь, – посоветовал Таргитай. – Худой, как жаба, что ночь пролежала на муравейнике!

Олег в безнадежности махнул рукой. В молчании развязал мешок, в молчании ел, уткнув глаза и дергаясь при каждом шорохе. За деревьями сухо стучало, трещали кусты.

– Вдруг дерутся сутками? – предположил Таргитай лениво. – Или по неделе? Из-за них не евши?.. Я поесть и поспать нигде не откажусь!

– Какой ты...

– А чего бояться? – пробормотал Таргитай равнодушно. – Они же для нас... как вон те ветки. Никакие.

– Это ты – как ветка, – пробормотал Олег. – А лешие – древнейшее племя. Боги создали их раньше нас. Только они чем-то прогневили богов. Не выполнили какого-то важного предначертания. Сбились с пути, что ли?

– Если сбились с пути, разве виноваты?

– Дорогу выбираем сами! А среди богов сами ищем того, кому нас вести.

Таргитай приподнялся, всматриваясь, но лешие исчезли. За кустами еще слышался удаляющийся треск, стук, шелканье.

– Сколько им лет?

– Живут дольше, чем самые старые деревья. Они другие, Тарх! Это меня пугает. Мы живем общиной, они – каждый по себе. Они на другой день уже не помнят, что было вчера, а мы храним память не только свою, но и дедов-прадедов, пересказываем, вычерчиваем на бересте черты и резы, учимся не только на своей дури, но и на чужой. Поэтому мы хоть на маковое зернышко умнее пращуров, что бы нам ни вещали захмелевшие старики о великом уме предков! А эти древние всегда такие, как и тысячи лет назад...

Таргитай долго смотрел вслед лешим. Наконец его глаза отыскали молодого волхва.

– Эх, мне бы понять, почему отвернулись боги.

Олег перестал жевать. По его лицу читалось, что скорее валежина, на которой сидит Таргитай, поймет что-то умное, чем самый ленивый из Народа.

Таргитай закончил едва слышно:

– А потом придумать, что делать, чтобы боги не отвернулись и от нас.

Челюсти Олега двигались все медленнее, будто жевал смолу. Таргитай лежал бездумно, вольно разметаив руки. Чаши не боялся, но лучше идти, чем бежать, лучше стоять, чем идти,

лучше сидеть, чем стоять, а лучше всего лежать, закрыв глаза, а душа тем временем странствует, дерется, двигает горами, ловит берегов, спасает берегинь, придумывает ответы на самые трудные вопросы...

Над головой хрипло орали невидимые за листьями птицы. Олег часто вздрагивал, ронял ломоть, а потом долго и подозрительно осматривал его, тяжело вздыхал, очищая от крохотных сориннок. Таргитай поерзал, устраиваясь поудобнее, вытащил из-за пазухи сопилку. Когда стучали в окно, он цапнул ее, спрятал. Докучала, когда перли через Лес, но берег как зеницу ока – последняя! Другие побили дед и мать, охотники, Боромир...

Олег вскочил в страхе: Таргитай дудит прямо над ухом.

– Перестань! Услышат звери, со всего Леса соберутся. С косточками сожрут.

– Но я так давно не играл...

– Я тебе не девка!

– Я ж не только им. Себе играю. Деревьям, речке, облакам...

Олег едва не ронял пену от великой ярости, и Таргитай с великой неохотой сунул дудочку за пазуху. Олег пугливо крутил головой, вытягивал шею, и Таргитай заставил себя подняться, вдел руки в лямки заплечного мешка.

– Тогда пойдем, трус.

Олег послушно поднялся, пошел след в след, едва не тыкаясь в спину Таргитая.

– Надо идти, Таргитай. Все время.

За Серолесьем потянулись деревья Темного Леса. Гнили и мертвечины прибавилось, воздух из сырого и затхлого стал мокрым, тяжелым, как грех. Деревья теснились враждебные, подстерегающие, а засохшие прикидывались живыми. Ждали ветерка, чтобы обрушиться на живое, придавить, переломать кости. Таргитай удивлялся, когда в совершенном безмолвии отваливался огромный сук, тяжело падал, бесшумно рассекал воздух... Никого ведь нет, в кого мертвое дерево мечет сук? Боромир объяснял, что мертвое дышит злобой на все живое, швыряет сук даже на ползущего муравья... Поэтому в кострах заповедано жечь только мертвые деревья.

Шли как в жидком киселе, липком, забивающем дыхание. От земли поднимались ядовитые испарения. Мох стал толще, взбирался на деревья, а подземные корни вспучивали его такими буграми, что изгои опасливо обходили стороной.

Потом мох начал прогибаться, наверх брызгала желтая болотная вода. Чавкало, хлюпало. Темно-зеленая шкура мха часто прорывалась, ноги проваливались в паутину толстых белесых корней. Корни тут же выползали на свет, мертвенно-бледные, как толстые слепые черви.

Олег шептал заклятия, вскрикивал тонким бабым голоском. Над головой хлопали огромные крылья, в ветвях страшными голосами кричали неведомые птицы.

– Болото, – прошептал сзади Олег. – Обойдем?

Таргитай сам уже раскрыл рот, собираясь предложить обойти по краю, но с таким волхвом надо делать все вопреки, чтобы не сгинуть.

– Сдурел? Попадем в Черный Лес!

– Да, но Болото...

– Ты сам говорил, что надо идти через Болото! Увидел топь, поджал хвост меж задних лап?

– Страшно, – признался Олег. – Болото, упыри... Это самое древнее Болото.

– А что такое Болото? – сказал Таргитай, стараясь держать голос бодрым, хотя сердце ушло в грязные пятки. – Всего лишь постаревшее озеро. Старость уважать надо!

– А упыри?

– Ну... а вдруг это постаревшие лягушки?

Теплая грязь, что постепенно поднялась до колен, перешла в жидкую холодную жижу. Сзади часто хлюпало: волхв спешил, не отставал.

Внезапно хмурые, покрытые мхом деревья расступились. Из темной как ночь воды торчали осклизлые ветви кустов, но дальше тянулась ровная гладь. Широкие листья кувшинок, мясистые, ноздреватые, застыли неподвижно, как приклеенные. На зеленых с красными краями листьях сидели огромные, как валуны, лягушки.

– Пойдем? – сказал Таргитай. Он не двинулся, волхв откажется, можно будет отступить, но тот вздохнул обреченно, и Таргитай, выломав длинную палку, попер в темную гадкую воду.

Кое-где торчали островки мха, но дальше лежали толстые зеленые листья кувшинок. Лягушки застыли, неподвижные и громадные, как совы. Таргитай пер, взбаламучивая воду, на листе впереди сидела лягушка – рыхлая, поросшая мхом, усыпанная бородавками с орех размером. Она привстала на всех четырех, уже громадная, как упырь, уставилась выпуклыми, как у ящера, глазами.

– Тихо, тихо, – сказал Таргитай дрогнувшим голосом. – Обойду, не надо ссориться.

Лягушка величаво опустилась белым, как у утопленника, пузом на мясистую зелень. Лист потревоженно заколыхался, по воде побежали волны. Изгои брели уже по колено, вода лилась через холявы. Листья покрыли все Болото, вода не прогревалась, со дна тянуло могильным холодом.

Прямо из воды по одиноким стеблям карабкались, наползая друг на друга, толстые безглазые черви. Кто выполз раньше, сох на воздухе. Подсохшие черви лопались, из трещин выкарабкивались мокрые полудохлые стрекозы.

– Болото оборотней, – сказал Таргитай с завистью. – Здесь даже червяки перекидываются стрекозами, а вот я...

– Заклятое место! – вскрикнул Олег. – Поскорее отсюда!

– Куда скорее, – огрызнулся Таргитай. – Или ты думал, я спать тут лягу?

– Ты не понимаешь...

– Конечно, я не волхв!

– Тарх, не злись. Если даже черви... то в кого могут обернуться лягушки?

– В упырей, ясно. Или во что-то хуже?

– Здесь все, как гнилью, пропитано чарами!

– Ладно-ладно. Отдохнем в подземном мире.

– В подземном мире мною хоть забор подпирай, сейчас бы уцелеть...

Таргитай постоянно щупал дно палкой. Холод от ног поднялся к сердцу, за спиной слышен был дробный цокот: то ли стучали зубы волхва, то ли худые кости.

Далеко впереди из тьмы начала проступать кучка деревьев. За Таргитаем блестящей цепочкой поднимались пузырьки воды – крался водяной, норовя цапнуть за ноги. Олег пугался, шаркался, но проваливался сразу по уши, орал, захлебываясь, а когда Таргитай выдергивал на мель, долго отплевывал болотную воду и ряску.

– Что сигаешь, – сказал наконец Таргитай раздраженно, – ну наступишь водяному на уши, так пусть не škодит. Ты посмотри на свой след!

Олег обернулся, вскрикнул. За ним со дна поднимались серебристые бульбы размером с кулак!

– Таргитай, – взмолился он, – пошибче бы!

– Быстрота нужна при ловле блох...

Ноги до развилки погружались в воду и до колена – в мягкое, гадкое, опасное. Иной раз шест уходил в воду, дважды кто-то вырывал из рук, вел в сторону.

Островок приближался, деревья казались непривычно крупными среди ровного Болота, где и мохнатая кочка – редкость. Запах гнили усилился, дно начало повышаться. Таргитай выбрел на берег, заваленный пучками гнилых стеблей, расползающимися в студенъ лилиями, тонкими плетями болотной травы, останками водяных гадюк, жаб, пиявок. Серdito жужжали тучи мух, огромных, толстых, в гнилье копошились белесые и кроваво-красные черви.

Таргитай торопливо доковылял до сухого места, упал на спину, задрал ноги, выливая воду из сапог, лишь потом разулся, отодрал присосавшихся пиявок, уже раздутых, почерневших от крови. Олег торопливо разделся донага, разбросал одежду на кустах.

– Сопрут, – бросил Таргитай невесело.

– Кто сопрет? – не понял Олег.

– Упыри. Или жаба покрупнее.

Олег скривился, бросил укоризненный взгляд. Грязь покрывала его до ушей, даже лицо было в потеках грязи и пота, а на макушке прилипли тоненькие плети с ажурными листиками. Он едва держался на ногах, дышал тяжело, в груди хрипело.

– Надолго не располагайся, – предупредил Таргитай.

– Я не полезу обратно! – вскрикнул Олег в страхе.

– Полезешь. Когда к тебе ночью в постель заберутся упыри.

Деревья закрыли болотную воду, но запах гнили держался, воздух был сырой, липкий. Самые высокие и толстые стволы находились в середине островка.

Олег убирал с себя грязь, а Таргитай, вздыхая, стрёб в кучу высохшие стебли кувшинок и сухие ветви – их лежало много.

– Брось огниво!

Олег торопливо развязал мешок, суетливо рылся, едва не влезал в мешок с головой. Таргитай смутно удивлялся, что волхв, который старше на три года, даже не спорит, повинуетя.

Таргитай кое-как высек искры, раздул, набросал сверху сухих стеблей, упал на землю и раскинул руки.

– Не пойму, как люди всю жизнь суетятся, таскают, копают, охотятся, приколачивают, вяжут, обтесывают, рубят, чистят, сушат...

Голос внезапно оборвался. Олег в испуге наклонился над Таргитаем, глаза волхва распахнулись во всю ширь. Рожа Таргитая была перекошена, изо рта потек устойчивый храп, а губы кривились в глупой улыбке.

Олег поспешно вытряс из мешка обереги: деревянные, каменные, сплетенные из жабьих жил, вырезанные из косточек кожаниц. Таргитай всхрипнул, заплямкал губами, перевернулся на бок, едва не угодив в костер.

Олег пнул его носком сапога:

– Эй! Просишься в вирий, где светит черное солнце?

Таргитай отодвинулся от огня и, не раскрывая глаз, вытащил из мешка мясо. Олег с отвращением отвернулся. Большая сытость брюху вредит!

– Хвороста маловато, – пробурчал Таргитай. Он с хрустом жевал сочные стебли хвоща. – Принеси, ты же волхв, лесной человек.

– А ты?

– Я? Мы – простые, попелюшные. Был бы теплым очаг, а Лес хоть бы вовсе сгинул.

Олег привстал, оглядывая окрестности. Со всех сторон несет гнилой водой, голоса лягушек доносятся тяжелые, бухающие, словно вбивают в мокрую землю сваи.

– Я лучше послежу за костром, – предложил он услужливо. – Все-таки дело волхвов – огонь. Да и обереги выставлю по старшинству...

– Кого страшат твои обереги? Разве что муху перепугать до смерти... нет, до полусмерти, если твоим оберегом треснуть по башке. Лучше собери ветки, пока светло.

Он лежал на спине, медленно двигая крепкими челюстями. Глаза стали пустыми, в них отражались нависшие ветви. Олег с трудом поднялся, морщась от боли в мышцах. Таргитай по своей тупости не ценит жизнь, этот молодой и здоровый парняга умрет при одной мысли, что надо поработать.

– Не давай погаснуть костру, – сказал Олег, уходя. – Кроме нас, никто ветку не подбросит.

Таргитай дожевал, бережно вытащил свирель. Приложил к губам, набрал в грудь воздуха, но вдруг за ближайшими деревьями заверещало так страшно, будто кого-то придавило деревом. Таргитай выпустил воздух, задумался: подниматься или погодить, а вскоре на поляну, пятясь, вывалился волхв. Брякнулся, упал на спину, перебежал на четвереньках к костру.

– Что стряслось? – поинтересовался Таргитай голосом умирающего лебедя. – Опять лягухи?

Трясущийся палец Олега дергался, попадая то в небо, то в землю, наконец волхв чуть не заплакал, кивнул в сторону ближайших деревьев. Там булькало, хлюпало, вонь накатывала густыми волнами. Олег присел на корточки, став похожим на крупного зайца, зажал ладонями уши и зажмурился.

– Что там? – повторил Таргитай. – Удирал от простых жаб, а попал к их деду?

Олег закивал так истово, что стукнулся лбом о землю. Таргитай замедленно перевернулся на брюхо. От костра идет тепло, сжигает гнилостный запах. За деревьями же сыр, грязь, пахнет слизью. Но волхв так причитал и трясся, что Таргитай пересилил себя, поднялся.

Дальние края Болота исчезали в волнах желтого тумана. Между широкими, плавающими по воде листьями вскипали бурунчики, лопались бульбашки, распространяя гадостный запах. Мелькнула худая желтая рука с длинными когтями, похожая на осклизлую ветку. Судорожно запрыгали, погружаясь в воду, толстые листья и крупные белые цветы.

По Болоту плыла грязная желто-серая голова, облепленная ряской и тиной. Застыла, неотличимая от болотной кочки, медленно двинулась, почти не тревожа неподвижную воду, к торчащему выворотню. Лягушки не шелохнулись, как замороженные в листья кувшинок, а упырь добрался до выворотня, полез – толстобрюхий, с блестящей скользкой кожей. Вислый живот поднимался и шлепался о мокрое дерево, тонкие кривые ноги с перепонками подрагивали, он цеплялся за корни тонкими паучьими лапами. Упырь казался огромным горбатым слизнем, лишь глаза были как у лягухи: выпяченные, немигающие.

По Болоту повсюду выныривали голые, как колено, головы. Уже не прячась, потянулись к одинокому выворотню. Листья кувшинок начали раскачиваться, лягушки шумно прыгали в воду. Один упырь, нащупав под водой лежащий на дне ствол, вскарабкался, пошел к выворотню, высунувшись до пояса. Донный ил и грязь поднялись наверх, вода помутнела.

Послышались крадущиеся шаги. Таргитай пригнулся, пряча голову от удара, а другой рукой выдернул секиру из ременной петли.

– Это я... – сказал Олег торопливо. – Они еще там?

– Заскучал по родне? А с виду такие разные...

– Тарх, что они там делают?

– Твою шкуру делят. И обереги.

Олег выглянул из-за плеча Таргитая. Он дышал шумно, будто пробежал пару верст, его кудрявая бородашка щекотала Таргитаю шею.

– Вот тот, – указал Таргитай пальцем, – требует делить обереги поровну, а вон тот кричит, что надо по-братски... А старшой велел отдать тому, что сдерет шкуру с волхва.

– Я не волхв!

– Им скажи. Я знаю, что из тебя волхв, как из моего...

Он не договорил, а Олег выпрашивать не стал. Вокруг выворотня головы торчали плотно, для воды не осталось места.

– Откуда столько? – прошептал Олег с мукой. – Не ночь, а повылезли. Правда, небо в тучах, но все-таки светло!

– Хвороста набрал? – спросил Таргитай.

– Как я мог? – прошептал Олег яростно. – Ты дурак и лодырь, потому не зришь опасности. Упыри – самое большое зло! Богов еще не было, а мир уже был поделен между упырями и берегинями!

Таргитай скривился от мощного запаха. Хоть секиру вешай... Наверное, потому и не живут здесь берегини?

– Почему не набрал? – спросил он.

– Упырей увидел, говорю тебе! Мы прошли через Болото, потому что они боятся солнца, но сейчас нагнало туч. Вдруг да хлынет ливень?

– В ливень даже лягушки скачут по берегу, – заявил Таргитай.

– Ежели лягухи, то и упыри...

– Это как два пальца замочить. За жабами и упыри не отстанут. Ты нагребви хворосту. Стемнеет, быть нам в Болоте.

Верхушки деревьев грозно зашумели. По Болоту прошла рябь, кувшинки с оставшимися лягушками заколыхались. Небо темнело быстро. Тучи ползли темные и тяжелые, как грех. Над Болотом темнело, но упырь блестел, как смазанный свиным салом, вокруг поблескивали такие же безволосые бородавчатые головы. Упырь приподнимался на всех четырех лапах, тяжело и надсадно квакал. Его живот с трудом отрывался от мокрого дерева, а покрытая слизью кожа стала матовой, собралась складками.

– Во стая, – сказал Таргитай удивленно. – Сила! Гуртом и бога бить можно. Кто бы подумал, что в нашем Лесу столько гадости? В чужих – понятно, но чтобы в нашем?

Олег облизал пересохшие губы:

– Чую магические силы...

– Пойдем собирать хворост, – ответил Таргитай.

Когда стаскивали ветки, Олег держался к Таргिताю так близко, что тот не утерпел, зло отмахнулся. Волхв упал на спину, задрал ноги.

– Не лезь под руку!

– Я нечаянно...

– За нечаянно бьют отчаянно. Не жмись ко мне, как к бабе! Дам в лоб, и уши отпадут.

Олег чуть отодвинулся, но, когда плеск стал громче, волхв снова пугливо жался к Таргिताю, держа его как щит между собой и Болотом.

Последнюю охапку притащили вовремя: от костра остались одни багровые угольки. Таргитай набросал мелких щепочек, с силой подул, морщась от взлетевшего пепла и страшно раздувая щеки. Угли покраснели, блеснул язычок огня.

Он добавил хвороста, сказал твердо:

– Большой огонь разводить не надо.

– А упыри?

– Найдут, не волнуйся! На всю ночь хвороста не хватит. А когда догорит последняя ветка, нас утащат сонными.

– Я не сомкну глаз! – вскрикнул Олег. Он дрожал как осиновый лист. Тощие руки не находили места, он все время пересаживался, вытягивал шею.

– Вот и ладненько, – обрадовался Таргитай. – Последни за огнем. А я без сна помру. Я слабый. Мне надо много спать и вволю есть.

Он снова развязал мешок. За Олегом посматривал одним глазом. Говорят, однажды ночью была страшная гроза, когда Небо любило с Землей. Ветер ломал вековые деревья, срывал вершинки и уносил, тучи нависали над Большой Поляной страшные и грохочущие, от блеска молний было светлее, чем днем. Испуганные люди забились в норы и дупла, дрожали, пережидая грохот и начавшийся ливень. Но все-таки кто-то видел, как самая огромная молния ударила в дупло Дуболома, с небес донесся удовлетворенный вздох, и тут же гроза стала затихать. Из дупла еще шел дым, когда люди сбежались, вытащили обугленные тела. Уцелела только молодая дочь Дуболома. Волхвы хмурились и качали головами. И в самом деле, ровно через девять месяцев родила мальчика, на голове которого были ярко-красные волосики. Ребенок, родившийся от брака Неба и Земли, должен быть великим волхвом или великим героем, как

утверждали старики, такие дети еще в детстве, а то и в колыбели совершают великие подвиги... Но в этот раз мудрые старцы ошиблись. Олег вырос огненно-рыжим, с красными, как пламя вечернего костра, волосами, но племя еще не видало такого труса и никчему!

Олег походил по острову, собирая хворостинки, а когда вернулся, Таргитай уже спал, подогнув колени. Рот перекося, мешок прижимал обеими руками, будто собирался есть, не просыпаясь.

ГЛАВА 4

Таргитай тянул на голову шкуру, спасаясь от яркого света, умащивался, подтыкивал края, чтобы не дуло. Вдруг прижгло так, что услышал шипение и запах горелого мяса. Он дико заорал, открыл глаза.

Олег, бледный как смерть, раскорячился над едва тлеющими углями. Снизу его подсвечивало красным, лицо казалось залитым кровью.

– Уже утро? – спросил Таргитай в испуге. – Только глаза закрыл...

Из нижней губы Олега текла кровь, борода слиплась коричневым клином. Он сказал хрипло:

– Думал, ты околел... Здесь были упыри! Собрались вокруг, тянулись... Я бросил последнюю хворостину, когда рассветало... Еще бы чуть...

Таргитай подул на обожженные пальцы, пожаловался:

– То-то мне всякая пакость мерещилась. Каюсь, грешил на тебя.

Олег прошептал с ужасом:

– Как ты мог... Они так орали!

– Поспать я умею. Говорят, что я ни на что не годен. Дурость! Поспать и поесть – с кем угодно схлестнусь! Когда сплю, на мне хоть дрова руби!

Он зевнул, потянулся. Суставы затрещали, как деревья в сильный мороз. Не глядя, пошарил в изголовье, нащупал сапоги. На ладони осталась слизь, словно по холявам проползли улитки. На дереве блестели мокрые пятна, гнилью пахло сильнее.

– Просыпаться не люблю, – объяснил Таргитай со вздохом. – Все что-то требуют, орут, гонят, всегда недовольны... У тебя в мешке что-то осталось?

– Осталось. Я брал на неделю.

– Зачем еще пропадать? Развязывай.

Олег не двигался, глаза его медленно закрывались. Таргитай развязал мешок волхва, а завязку бросил на деревья. От Болота несло гнилью. Таргитай повернулся к ветру спиной, налег на хвощ, перебивая вонь.

Олег вздрогнул, от непонятного хруста очнулся. Таргитай перемалывал крепкими зубами птичьи кости, облизывал залитые жиром пальцы. Губы блестели, словно всю ночь целовался с упырями. Он шумно чавкал, высасывая мозг из костей, сопел, взрыгивал, обглоданные кости разбрасывал по всей поляне.

– Жрешь, как стадо свиней, – сказал Олег со злостью, – а что завтра есть будешь?

– Думаешь дожить? – удивился Таргитай.

Утро перешло в день, наконец Олег, не вытерпев, выхватил из его рук свой наполовину опустевший мешок. Небо оставалось в тучах, там перемещались тяжелые массы, солнце редко проглядывало мутным пятном.

– Надо идти!

– Надо так надо, – согласился Таргитай нехотя.

Он увязал мешок, который стал намного легче, поднялся. Олег послушно вскочил, и снова Таргитай удивился, что волхв даже не пытается выйти вперед.

Таргитай соступил в жидкую грязь, уже прогретую на мелководе. Тучи двигались на небе, отражения быстро бежали по Болоту. Расходились круги, словно крупная рыба на лету хватала комаров. Поубавилось широких листьев болотных растений, лягушки исчезли вовсе. Над темной водой мелькнула тень, Таргитай с изумлением узнал крупного кожана.

Вода поднялась до коленей. Сзади взвизгнул Олег, ухватился за мешок Таргитая. Волхва колотило, он смотрел в мутную воду, со дна поднимался рыжий ил. Когда тень от тучи падала особенно густая, сумрачная, снизу поднималось что-то бледное, мертвенно-желтое. Таргитай

различил сквозь толщу воды крупные немигающие глаза, полные лютой нечеловеческой злобы. Туча сдвинулась, и упырь ушел от дневного света в глубины, укрылся в клубах коричневой донной мути.

Олег закричал:

– Тарх, нам не выйти! Островок окружен. Здесь их целое племя.

– Князя выбирают, что ли, – сказал Таргитай. Он постоял в воде, чувствуя, как холод поднимается по ногам. – Не повезло нам... Кого боги невзлюбят, тот и в носу палец сломит. Это ты их прогневил, любимец богов!

– Боги не любят еще больше ленивых!

– Может быть, упыри скоро разойдутся? После выборов? Или изгоняют... изупыривают кого-нибудь? Тогда разойдутся еще раньше.

Олег с мукой в глазах следил за небом.

– Тучи, будь они неладны! Хорошо, не дождь, а то упыри прямо сейчас вылезли бы на берег!

– С чего бы? Они смолodu привыкли сидеть в Болоте. Так мы идем или нет?

Олег оглянулся на берег, поднял глаза кверху, считая тучи, снова пошарил глазами по Болоту. Таргитай спросил нетерпеливо:

– Ну? В Лесу волки воют, а дома страшно?

– Тарх, сейчас мы не пойдем... Надо переждать.

– А что изменится?

– Тарх, ты совсем дурак, если не понимаешь. Упыри боятся солнца. Тучи уйдут, солнце прожжет воду огненными лучами. И мы пройдем по мелководью, как шли сюда.

– А когда тучи уйдут?

– Только боги ведают.

– Сам ты дурень, а еще волхв, – сообщил Таргитай злорадно. – Дед Тарас в точности знает, когда будет дождь, когда снег... Даже червяки, жабы, муравьи ведают, а ты – боги!

Олег попятился к острову, не отрывая глаз от упырей. Лицо было таким же желтым, а глаза тарацились и не мигали. Даже шерсть на волчьей шкуре прилипла, блестела как покрытая слизью.

Таргитай вернулся следом, довольный, что сейчас бездумно ляжет, разбросает руки. Даже поиграет на свирели – руки чешутся давно.

– Хвороста нет, помнишь? – сказал он, ложась под деревом. – А ночью здесь шастают твои друзьяки.

Олег побелел, будто кровь через пятки ушла в землю. Таргитай даже отодвинулся, чтобы сомлевший волхв не грохнулся своими костями на него, но Олег подергал-подергал кадыком, сглотнул, проблеял:

– Мы... мы залезем на дерево.

– А упыри не лазают? Не знаешь, а еще волхв... Чему тебя только учили. Ладно, ночью узнаем. Мне тоже не хочется мочить задницу в Болоте. Переждем. А у тебя сало осталось?

Олег сел на выжженное костром пятно, сжал ладонями голову. Таргитай вытащил свирель, тонким прутиком потыкал в дырочки, прочищая от шерсти, грязи и другого непотребного мусора.

Волхв дернулся, едва Таргитай заиграл, отвернулся.

Пока Таргитай играл, мощно раздувая щеки, Олег злился, дергался, но, когда тот отложил свирель, волхв пожалел, что песни такие короткие: Таргитай тут же почти с головой залез в мешок. Олег долго терпел, морщась от хруста, чавканья и сопения, наконец взорвался:

– До копчений добрался, ненасытное брюхо! Мне положили еды дней на десять!

– Кто хорошо ест, – ответил Таргитай с набитым ртом, – хорошо и работает.

– Ты хорошо работаешь?

– А чо?

– Не набивай пузо! К утру корчи схватят.

– Не тревожься, – ответил Таргитай сыто. – Я все предусмотрел!.. Нас сожрут задолго до утра.

Он сыто рыгнул, отпихнул ногой мешок и взял свирель. Олег смотрел зло, не находя слов. Редкостный дурень уже в своем дурацком придуманном мире, где именно он – редкостный герой и умник, а все вокруг дураки. Он там самый сильный, самый неустрашимый. Побивает упырей, смоков, полканов, спасает берегинь, а униженный Громобой виновато кается, что недооценил, недопонял... На самом же деле только он, Олег, понимает, что оба живут именно в этом жестоком мире, другого нет. Если упыри сожрут, то сожрут, и это уже навсегда.

– Великие боги, – прошептал он с отчаянием. – Как нас выперли, таких разных, вместе? Или мы на крайних концах палки, а Народ – посередине?

Он часто вскакивал, не в силах слышать пронзительные звуки свирели прямо над ухом. Вода блестела вокруг островка тусклая, темная, похожая на деготь. Листья кувшинок уже не лежали царственно, а плавали, помятые, сорванные, притопленные. На выворотне враскоряку все еще сидел упырь, только по шею сполз в воду, но упырей собралось еще больше. Издали Болото казалось покрытым болотными кочками.

До вечера Олег бродил по островку, осмотрел и пересчитал все деревья. Таргитай не расставался с сопилкой, дудел и дудел, вконец охрип. За весь день лишь разок перевернулся на другой бок. Он сложил новую песню, сыграл на все лады, спел на два голоса. Начал пробовать еще одну, но на поляну с радостным воплем вывалился Олег.

– Отыскал хороший толстый дуб! Ветки широкие, крепкие. Можно не привязываться. Отсидимся? Ветки до самой земли, залезать легко, лягушка и та заберется...

Он осекся. Таргитай лениво привстал, нащупал мешок.

– Во упыри обрадуются. Ну, идем?

Олег затрясся как лист на ветру.

– Об одном думаешь, другое упускаешь... Тогда вон на ту березу! Высоченная, а веток совсем нет.

– Тебя хоть сейчас вместо Боромира. Как там просидим ночь, если веток нет?

Со стороны Болота тихо хлопнуло. Потом что-то тяжелое шлепнулось на берег, словно баба швырнула ворох мокрых шкур. Бухнуло в другом месте, зачавкала грязь, захлюпало, потянуло густой вонью.

Олег отпрыгнул, лицо его было страшным:

– Быстрее! Быстрее же!

– Быстрота нужна при ловле блох...

Все же, держа мешок в одной руке, подхватил секиру, бросился за волхвом. Тот, петляя как заяц, подбежал к высокому явору. Раздутый ствол безобразно горбился под мохнатыми лишаями, корявыми наростами и наплывами. Бросив мешок Таргитаю, Олег подпрыгнул, ухватился тонкими пальцами за короткий сук, лег брюхом, кое-как зацепился ногами.

Сзади зачмокала земля, словно по грязи шли огромные гуси. Между деревьев показались белесые тела. Таргитай торопливо швырнул мешки Олегу, тот старался повесить на сучок, промахивался, а утиные лапы с перепонками шлепали уже за спиной.

– Быстрее! – крикнул Таргитай. – Быстрее, сонный червяк!

Олег наконец-то опустил руку, Таргитай ухватился, едва не раздавив тонкие, слабые пальцы волхва. Тот потянул изо всех сил, под ним затрещало. Таргитай тяжело дотянулся до первой ветки, кое-как взобрался, прошептал, задыхаясь:

– Надо лезть выше... Меня уже хватают за ноги.

Олег взвился как белка, заверещал, через минуту сидел уже на верхушке дерева, обняв ствол. Кляня себя за дурость, Таргитай повесил оба мешка на себя, залез выше, свесился, чтобы

срубить за собой ветки. Мешки с силой потянули вниз, едва не передавив горло. Если бы не съел половину запасов, задушило бы насмерть. Вот и решай, кто дурак.

Пот заливал глаза. Карабкался задницей вверх, ибо срубал, даже стесывал каждую ветку. Секира Мрака была острой, тот умеет выбирать нужные камни, но больно тяжела, и пот заливал глаза, такой густой и липкий, будто даже с задницы бежало только по лицу, выедавая глаза.

Он поднимался все выше и выше, срубая сучки, ветки, затесывая и сравнивая наросты. Ствол за ним оставался чистым, как плод каштана, с которого сбили шипастую кожуру.

Волхв качался на верхушке, похожий на нахохлившуюся ворону. Веточки под Таргитаем начали потрескивать. С той стороны ствола темнела толстая ветка, прямо от ствола раздваивалась, а дальше расчленилась. Таргитай повесил оба мешка, развязал.

Олег в панике каркнул сверху:

– Ты опять будешь жрать?

– Сперва привяжусь. У тебя ремень есть? Я брыкаюсь во сне. С лавки часто падал, как сейчас помню. Да и перекусить время. Я всегда хочу есть, когда сижу на дереве.

– Ты недавно ел! – крикнул Олег с безнадежностью в голосе.

– Да? Не помню.

– Как ты можешь сейчас... есть?

– Как птицы. Они всегда едят на деревьях.

Олег крепче прижался к раскачивающейся вершине. Не рискнул напоминать, что птицы на деревьях еще и поют, а то дураку только напомни... Под ним уже послышалось довольное чавканье, сопенье, хруст.

Таргитай проснулся от собственного крика, мокрый, облепленный слизью. В крошечной тьме его тянули, дергали, горло сдавили холодные скользкие пальцы. Другая ладонь уперлась в лицо. Дыхание забивал запах сырой рыбы и лягушачьей икры.

Он заорал, отшвырнул скользкое тело. Сверху неся несмолкающий крик:

– Тарх!.. Тарх, проснись!.. Тарх, на тебе упыри!

Дрожа, он ударил во все стороны локтями, кулаками. Правая рука высвободилась, он выдернул из петли секиру. Ударил, попал в мягкое, заорал еще громче и начал остервенело махать тяжелой секирой Мрака во все стороны. Вдруг лезвие звонко ударило по твердому, под ним опасно дрогнула и затрещала ветка.

Мокрая рука шлепнула по лицу, холодные пальцы с силой сжали губы. Таргитай дернул головой, остервенело сжал челюсти. Ему показалось, что он перекусил худую рыбу с ободранной чешуей.

Сверху орал и визжал Олег. Наконец Таргитай отчаянным толчком сбросил в темноту последнюю мокрую тушу. Внизу хлопнуло, словно лопнул бычий пузырь. Под деревом зашлепали ноги.

Таргитай перевел дыхание, прислушался. Снизу приближалось осторожное шлепанье. Таргитай взял секиру за конец рукояти. Когда шлепанье стало совсем близко, он повертел головой, определяя, с какой стороны ствола поднимается ночной зверь, отвел руку, выждал, с силой рассек темноту.

Лезвие наткнулось на преграду на полпути. Рукоять рвануло. Чуть погодя снизу донесся смачный шлепок. Таргитай плюнул вслед, ногтями сдирая с языка гнилостный налет.

Внизу по-прежнему шлепало, квакало, чавкало, наверху верещало тонким противным голосом. Таргитай крикнул:

– Да заткнись! Снизу – упыри, сверху – ты!

Олег заорал еще громче:

– Ты цел?.. Они ушли?.. Я кричал тебе, кричал, а ты спишь как пень!

Таргитай не слушал, в темноте пытался нащупать ноги. Упыри уже отъели? Нет, сапоги на месте, значит, и ноги уцелели. Правда, сапоги упырям вроде бы ни к чему, но все-таки...

Окоченевшими от ночного холода пальцами пытался ослабить узлы, но ремни за ночь стянуло, узлы слились в сплошные наросты. Дерево подрагивало – то ли он тряс, то ли карабкаются мокрые скользкие твари.

Сверху неся умоляющий вопль:

– Тарх, ты только не спи!.. Тарх!

– Да заткнись, – ответил Тарх чуть не плача. Ногти вроде бы зацепились за кончик, теперь надо тянуть, ослабить узел. – Я уже выспался, трус поганый. Тебе там сверху виднее: рассвет скоро?

– Уже грядет! – закричал Олег. – На востоке светлеет!

– Добро... Тогда посплю еще малость.

Ремни ослабили, по затекшим ногам побежали мурашки. Таргитай охал, растирал ноги, чесался, драл кожу крепкими ногтями, разгоняя невидимых муравьев. Наконец зуд стих, но ушло и тепло. Таргитай положил секиру на колени, съежился, сберегая остатки тепла. Внизу шелестело, словно там бегали тысячи крупных муравьев.

Очнулся он от прикосновения холодных рук. Ледяные пальцы хватали за лицо, и Таргитай взвизгнул, едва не сорвавшись с ветки, одной рукой с силой ударил твердое, нависшее над ним, другой ладонью похлопал по коленям.

Секиры не было!.. Он замахал кулаками, снова угодил в холодное и мокрое.

– Да очнись же! – заорало у него над ухом. – Это я, Олег!

Над ним колыхалось бледное лицо волхва, правую половину уже заливал огромный кровопотек. Верхушки деревьев горели под яркими лучами солнца.

– Проснись! – крикнул Олег лютю. – И дай мне слезть! Ты разлегся на дороге.

Таргитай ошалело огляделся. Ремни ослабели, но держали. Земля далеко внизу под деревом была истоптанной, мокрой, словно прошел дождь. У самого подножия блестела облепленная слизью секира.

Волхв за ночь позеленел, исхудал, и от него гадко пахло. Таргитай кое-как распустил узлы, а волхв, которого руки уже не держали, сполз прямо на голову. Таргитай полез по стволу вниз, кляня дурака, который стесал все удобные сучки и веточки. Олег постоянно наезжал на голову сапогами, а последние сажени Таргитай скользил неустойчиво, обдирая живот о шершавый ствол – душегрейка задралась к подбородку.

Олег повалился на землю, как мешок с травой, а Таргитай бросился к секире. В руке осталась палка, а тяжелый камень с острым лезвием соскользнул, больно ударив по ноге. Жила, которой каменная секира крепилась к древку, лопнула, болталась изломанная.

Он повертел секиру, отбросил. Мрак починил бы, да и то надо добыть хорошего зверя; взять крепкие жилы, выделать, туго затянуть, а сверху залить рыбьим клеем!

Олег лежал на земле едва живой.

– Теперь они не уйдут...

– Ты тоже, – успокоил его Таргитай.

Он вляпался в слизь, пересел, а пальцы уже доставали из-за пазухи свирель.

– Почему? – спросил Олег.

– Спи, – посоветовал Таргитай. – Днем тоже хорошо спать. Хочешь, вместо тебя прилягу, а ты посторожишь?

Глаза Олега уже заволокло пеленой. Третья ночь без сна – первая была еще в доме Тарха. В последнем усилии он подгреб мешок и положил на него голову.

Таргитай сердито отвернулся. У запасливого волхва еще оставались сало и рыба!

Во сне Олег вскрикивал, дергался. Таргитай наигрывал спящему на дуде, отгоняя злых духов, но волхв брыкался еще сильнее, дышал часто, словно зайцем убегал от хорта. Таргитай попробовал осторожненько вытащить мешок, но волхв цеплялся судорожно, всхлипывал, кривил рожу в плаче.

Таргитай не выдержал, растолкал волхва:

– Не спи, замерзнешь. Давай посмотрим, сало не испортилось?

Олег подгреб мешок, прижал к груди.

– Что? Где?

– Упыряки?.. Не переживай, никуда не делись. Можешь пересчитать. Во-о-он из-за деревьев выглядывают!

Олег покатился в другую сторону, все еще прижимая к груди мешок. За деревьями виднелась болотная вода, расходились круги. Мясистые листья, мелкая зелень ряски, белоснежные цветы кувшинок – все исчезло. Вода была непривычно голая, бурая от ила, страшноватая.

– Всю болотную траву вытолочили, – заметил Таргитай с укором. – Видать, большой табун пасется... Ты развязывай мешок, развязывай! Все одно не уйдем.

– Может быть, растянем на пару дней?

– Не евши на ветках не усидим.

– Мы привяжемся!

– Голодный не усидит и на привязи. Мне надо есть часто. И много. Я слабый.

Олег покорно развязал мешок, а очкур обреченно забросил в кусты. Таргитай подгреб к себе ломти побольше:

– Налегай! Не дадим проклятым жрать наше сало.

Олег нехотя взял самый маленький кусок. Таргитай ел за троих, последнюю кость швырнул за спину. В кустах зашуршало, залопотало.

– Как ты сейчас? – спросил Таргитай с интересом.

– Непривычно...

– Это от упырей, – объяснил Таргитай. – Место такое. Давай доедим мясо? У меня еще осталось.

Олег покосился на серые ломти с налипшими чешуйками коры.

– Нет... не буду.

– Как знаешь, мне надо заесть жирное.

От мяса пахло дымом, натопленной землянкой, лежанкой, полатами с ворохом шкур. Таргитай разложил его на коленях, любовно выбирал поджаристое, чтобы хрустело, поглядывал на небо. Тучи плыли тяжело, едва не задевая за деревья.

Олег откинулся на спину, захрапел. Тонорукий и тонконогий, с широкой грудью бревном... передавленной, он выглядел жутко с нынешним вздутым животом, что начинался сразу от вмятой груди.

Таргитай догрыз последний ломоть, вытащил свирель. Едва заиграл, лицо волхва перекопилось, и Таргитай повернулся к нему спиной. Над головой громыхнуло, по низким тучам прокатился тяжелый грохот. Верхушки деревьев зашумели.

Таргитай доиграл, растолкал волхва:

– Ну и спишь... Сразу видно, в мешке уже пусто. Вставай! Твои дружки уже вылезли.

– Кто?

– Ну, которые в Болоте.

Олег подхватил пустой мешок, торопливыми прыжками понесся к дереву. Таргитай полез следом, подталкивая волхва в тощий зад, подставляя сцепленные ладони. Сучья и наросты стесал, дурень, самому бы залезть, а тут еще служителя культа тащи...

Олег покарабкался выше, а Таргитай уселся на прежнее место, привязался. На голову сыпались щепочки, чешуйки коры и мелкие листочки – у волхва начался сезон гнездования.

Внизу темнело быстрее. На поляне двигались белесые пятна, шлепали босые ноги. Шлепанье было частым, сливалось в монотонный плеск затяжного дождя.

Тучи все еще застилали небо, ни одна звезда не проглянет, но дождя нет, лишь вдалеке едва слышно рычит небесный зверь. Дерево дрожало: волхв шумно драл свою грудь ногтями. У

Таргитая тоже зудело и чесалось от болотной пакости, он шикал на Олега, снова вслушивался и опять слышал лишь царапанье ногтей по коже. Еще в прошлом году, когда Олег пожаловался Боромиру, что страдает от зуда, тот подумал и спросил: не пробовал ли он мыться. Пробовал, ответил Олег сердито, не помогает, через месяц все опять чешется.

Запах гнили вдруг усилился. Таргитай почти ощутил слизь по всему телу. Он брезгливо вытер пальцы, снова цыкнул на волхва. На голову посыпались кусочки коры.

– Пора им лезть, – сказал Таргитай. Сердце колотилось, пыталось выскочить, пальцы начали вздрагивать. Он крепко сжимал рукоятку секиры – все-таки лучше, чем ничего.

– Молчи, – прошептал Олег.

– Думаешь, забыли? – удивился Таргитай. – Держи карман шире. Наверняка видят нас в темноте.

– Мы ж не видим!

– А упыри как совы.

Снизу послышался тихий вой. Упыри были так тихо, что Таргитай сперва решил, что почудилось, но кожа на голых руках пошла пупырышками. Вой стал громче, озноб побежал по всему телу. Волосы на руках, на затылке, везде-везде зашевелились, поднялись дыбом.

– Что с ними? – спросил он шепотом. – Помер кто? Добро бы главный, что на пне... Перегрелся, видать, на солнце.

– Таргитай, – донеслось сверху отчаянное, – мы пропали...

– Совсем?

– Совсемей не бывает...

Вой стал громче, распался на разные голоса. В ушах нарастал шум, словно Река вдруг встала на дыбки и вода полилась на землю с огромной высоты. Тело свело судорогой, горло перехватило тугим обручем, губы онемели. Таргитай с огромным трудом шевельнул языком: тот стал деревянным, словно бы объелся зеленых яблок.

Сверху услышал затихающий отчаянный шепот:

– Тем...ные заклятия... Черные силы Зла...

Вой нарастал. Сердце Таргитая начало останавливаться, тело медленно холодело. Он попытался дернуться, по дереву уже ползут, их хотя бы рукоятью...

Из темноты вынырнула слабо освещенная звездами оскаленная ширококоротая морда. Упырь перелез со ствола на ветку, где сидел Таргитай. Следом полез другой, а по стволу шлепало множество лап.

Упырь схватил Таргитая за руку. Ремни натянулись, упырь дернул, руку ожгло болью. На Таргитая полез второй, ветка угрожающе затрещала. Хотя бы обломилась, мелькнуло в затухающем мозгу. Сразу бы конец...

Первый упырь, располосовав Таргिताю плечо, наткнулся на привязанные ремни, квакнул. Второй возбужденно зашлепал мокрыми губами, оба вцепились в узлы. Таргитай задышался, упырь сел задом прямо на лицо, жирная слизь залепляла глаза, ноздри...

Внезапно шум в голове начал стихать. Таргитай с усилием шевельнул головой, тут же на его горле сомкнулись холодные скользкие пальцы. Ремни ослабили, Таргитай увидел под собой темную бездну. Он не упал, ноги попали в развилки, упыри тянули в разные стороны.

Таргитай хрипло закричал, ухватил ближнего упыря за горло. Нижняя челюсть отвисла, из пасти пахло таким зловонием, что желудок Таргитая сам по себе прыгнул к горлу. На упыря обрушился водопад пережеванного сала, мяса, рыбы, птицы. Упырь завизжал, попытался отвернуть морду, но Таргитай сжимал горло упыря, самого трясло, желудок старался выскочить вслед.

Наконец пальцы разжались, полумертвый упырь исчез в темноте. Внизу послышался звучный шлепок, и Таргитай внезапно понял, что в Лесу стоит мертвая тишина.

Внизу между деревьями мелькал огонек. Таргитай, дрожа от слабости, свесил голову. Огонек приближался, превратился в пылающий факел. В красноватом чадающем свете мелькнуло бледно-зеленое рыло упыря. Факел резко дернулся, на миг потерял блеск, затем вспыхнул еще ярче, а упыря уже не было видно.

Таргитай хотел заорать, но губы не двигались, он стал развязывать ремни, забыв, что упыри уже развязали, шипел от злости, наконец дотянулся до ствола и, обхватив руками, заскользил вниз. Душегрейка задралась, но лучше уж по слизи голым пузом, чем мордой.

Ноги еще не коснулись земли, как что-то могучее сдавило плечи. Таргитай задуманно пискнул:

– Мрак, откуда ты?

Мрак высился огромный, как дерево, могучий, широкогрудый. В одной руке держал смолистый факел размером с доброе бревно, в другой руке хищно блестела огромная секира. Мрак свирепо улыбался, крупные белые зубы блестели.

– Захотелось попрощаться, – бросил он хриплым мужественным голосом, – или мы уже попрощались?.. Вы чего на дереве? Пробуете в ворон перекидываться?

– В сов, – ответил Таргитай. Он прижался к силачу, чувствуя себя маленьким и удивительно защищенным. – Мрак... Как здорово, что ты здесь.

– Надо развести костер, – сказал Мрак. – А где Олег?

– Он на дереве. А костра не развести... Все сырое.

– Так разведите из сырого!

– А как?

– Лови!

Он швырнул факел, Таргитай едва схватил на лету. Искры опалили лицо. По Лесу пошел стук и треск, и, когда с дерева слез ошалевший Олег, посреди поляны уже высилась гряда хвороста.

– Вовремя, – сказал Мрак одобрительно. – Зажигать огонь – дело волхвов.

Олег растерянно улыбался – лицо было бледное, жалкое.

– Да, но... Мрак, я не умею сырое...

Мрак сверкнул очами. Его рука мелькнула как молния, в пятерне оказался жгут бересты. Таргитай затаил дыхание, а Мрак выхватил факел, швырнул вместе с берестой на кучу хвороста. Береста вспыхнула жарко, чадно. Пламя застонало от наслаждения, рванулось вверх багровыми языками с черной каймой копоти, лизнуло ветки, затрещало, разгрызая ветви.

Поляна озарилась слепяще ярким светом. За деревьями тьма стусилась еще больше, но здесь было сухо, тепло, здесь был могучий Мрак. Таргитай нелепо переступал с ноги на ногу, везде блестело и воняло, наконец вступил в поблескивающую лужу, от которой несло отвратительно кислым запахом. Это было намного хуже, чем слизь упыря, – это оказалось содержимое его желудка.

Таргитай перебежал на другую сторону костра. Олег со страхом и надеждой заглядывал в лицо Мрака. Подсвеченное снизу багровыми бликами костра, оно казалось особенно свирепым и жестоким.

– Мрак, как ты нас отыскал? Или наткнулся случайно?

Мрак сел подле костра, вытянул к огню ноги, на сапоги налипла ряска.

– Что вас искать... Шли, будто стадо туров. Да и от деревни далеко не ушли. Не успеет Боромир снять заклятие, как я успею туда и обратно.

Он сидел, широко расставив ноги, посмеивался. От него валил пар, багровые блики плясали по крупному жесткому лицу, страшно вспыхивали в расширенных зрачках. Когда улыбался, белые острые зубы вспыхивали как молнии на темном от загара лице. Он был в своей безрукавке из шкуры волка-оборотня, бугристые от мышц плечи блестели, как отполированные корни старого дуба. На широком поясе из двойного слоя толстой кожи висели два швы-

ряльных ножа. Рядом с собой Мрак воткнул в дерево секиру вдвое больше той, что отдал Таргитай.

– Ты спас нас, Мрак, – сказал Таргитай. – Эх, если бы мы умели зажигать огонь из мокрых веток! Ты великий охотник, Мрак!

В темных глазах Мрака запрыгал злой смех.

– Я думал, одного дурака выгнали, оказалось – двоих! Да зажигать огонь из любых веток – это же... Эх, никчемы. Кроме солнца, упыри боятся только огня, его младшего брата.

Олег суетился вокруг костра, повизгивал от щенячьего восторга. Таргитай сказал с беспокойством:

– Мрак, тебе пора. Не знаю, как ты ночью прошел через Болото, но ты должен вернуться в деревню до утра. Для Народа мы – мертвяки. Кто общается с нами, сам считается мертвым.

Мрак замедленными движениями отстегнул пояс, снял перевязь с луком и колчаном со стрелами. Зубы блеснули в непонятной усмешке:

– Кто сказал, что я вернусь?

Олег радостно дернулся. Таргитай почти подпрыгнул, но задавил в себе счастливый вопль, сказал с усилием:

– Мрак... изгнали только нас. Тебя чтят. Ты должен занять место Громобоя.

Он поперхнулся, вдруг все поняв. Мрак решил уйти в Лес подальше, чтобы за ним не охотились как за зверем. Не носит ли он сам шкуру троюродного брата?

– Ты для нас – спасение, – сказал он поспешно. – Мы с тобой как за стенами родного дома!

– Ну-ну, – буркнул Мрак. – Так я и дам вам отсиживаться за стенами.

Олег суетливо подкладывал веточки в костер, помешивал угли.

– Мужчина не должен отсиживаться. Ни за стенами, ни за чужой спиной! На то он и мужчина.

Мрак кивнул с одобрением, а Таргитай буркнул:

– А на дереве может?... Умные слова говорить и я умею.

Мрак бросил на землю туго натоптанный мешок:

– Тарх наверняка проголодался. Здесь свеженькое, только что зажаренное! Налегайте, ребята.

Олег на еду посмотрел мутным взором, отвернулся. Живот у него пучило от мяса, в боку кололо. Таргитай, у которого опустевший желудок уже слипался от голода, поспешно развязал мешок:

– Спасибо, Мрак! Я в самом деле малость проголодался. Олег не хочет, он все пожрал в наших мешках. Хоть худой, как червяк, а ест за трех медведей! Я перекушу. Поверишь, у меня маковой росинки в желудке не осталось!

Он ел быстро и жадно. Олег косился с завистью. Пока сидел на дереве, живот раздуло, к горлу подкатывала тошнота. Таргитай чавкал, шумно облизывал залитые жиром пальцы.

Небо быстро светлело, проявилось легкое белое облачко. Из-за края земли ударила огненная стрела, облачко вспыхнуло оранжевым огнем.

Солнце медленно поднялось над краем земли, пустило горящие стрелы по верхушкам деревьев.

Мрак задрал голову, глядя на небо:

– До полдня будет чистым. Потом нагонит тучи. Пойдет ливень, тогда костер вам не поможет.

Олег спросил с надеждой:

– А если разведем побольше? Веток вдоволь...

– Забросают тиной и грязью. Не отступят, еще не поняли? Тарх, завязывай мешки, надо уходить. В чем ты так вывозился?

– Упыри оплевали, – пробормотал Таргитай, пряча глаза. – Или Олег. Он наверху сидел. Мрак поднялся, без усилий выдернул секиру. Он был силен и мрачно красив. Обреченно красив, сказал себе Таргитай. Как яркий цветок, что расцветает на одну ночь, а утром погибает. Наверное, Мраку как раз и осталась ночь.

– Шевелись, дудошник! – рявкнул Мрак. – И ты, акудник! Идти надо сейчас. Солнце уже прожигает болотную воду. Упыри уйдут в глубокие места, а мы проскользнем по мелководью.

Олег засуетился, хватаясь сразу за все три мешка.

– Мы готовы, Мрак! Поскорее отсюда, только скажи как!

Таргитай закинул мешок за спину, вдел руки в лямки, пришитые дедом Тарасом. Он оставил свою испорченную секиру, а сопилку бережно спрятал за пазуху. Мрак оглядел обоих, сплюнул:

– Эх, людишки... Держитесь по следу.

С востока плыли кудрявые облачка, росли, смыкались краями. Солнце сверкало яркое, ослепляющее.

Мрак медленно соступил в воду. Волхву велели идти следом, а Таргитай безропотно пошел задним. Ноги по колено погружались в клубящуюся муть и месиво выскакивающих со дна крупных пузырьков воздуха.

Потом вода поднялась до пояса. Таргитай споткнулся об Олега, волхв побелел, нижняя челюсть отвисла. Таргитай через силу улыбнулся. Он тоже видел мелькающие в темной глубине белесые тела.

Солнце еще не взобралось на вершину неба, но огненные стрелы пронизывали воду. Мрак, не только отважный и могучий, как тур, но и чуткий, как волк, с первых же шагов выбрал место, где тень от деревьев не падала в воду, и дальше шел настороженный, без шеста чуя впереди глубокие места, резко сворачивая к мели, делал петли, обходя понятное только ему.

Они шли по бесконечной тухлой воде, в которой отражалось такое же бесконечное перевернутое небо. Таргитай взмок от удивления: он никогда не видывал подобного простора. Постепенно обогнал Олега, тот тыкался ему в спину, Таргитай не огрызался.

Ледяные струи пробегали по сапогам, на дне Болота явно били ключи. Обжигающие стрелы накаляли спину и затылок. По шее и по спине вдоль лопаток покатила первая струйка пота.

Таргитай быстро устал, брел пошатываясь, загребал ил ногами. Следом, в почти прозрачной после Мрака воде, поднималось темное облако, и Олег вступал в этот взмешанный ад, умирая от страха.

Мрак часто брал то вправо, то влево. Оглянулся всего дважды, лицо его было нахмуренным. Таргитай сразу начинал оправдываться, но Мрак смотрел поверх его головы. Из-за островка выползло уже не облачко, а темная туча.

Таргитай был сухим до пояса, глубже Мрак не заводил, зато волхв вымок, как лягушка. На ушах висела ряска, он часто оступался, плюхался в воду, обдавая брызгами Таргитая. Болотная грязь высыхать не успевала, волхв стал похож если не на упыря, то на бредущего через Болото лешего.

Среди бескрайней воды встречались поляны горбатых кочек мха. Иногда все трое забирались на колышущийся ковер, брели за Мраком. Мрак был весь как натянутая струна, ибо глубину под шкурой мха не угадать, а ноги нет-нет да и прорывают мох!

Попадались крохотные островки с одной-двумя замороженными березками. Болото тянулось до виднокрая, а скопления деревьев впереди оказывались завалами притопленных стволов, что прибились к какому-нибудь торчащему из воды выворотню. Внезапно на темную воду упала черная тень, вода сразу стала темной. В небе раздалось торжествующее рычание.

– Упыри... – вскрикнул Олег отчаянно.

В темной воде бледные, как утопленники, тела засновали ближе к поверхности. Кто-то осторожно тронул Таргитая за ногу. Мрак все ускорял шаг, вода за ним закручивалась водоворотами, едва не сбивая Таргитая с ног.

Вдруг Мрак резко остановился. Таргитай с разбегу ткнулся ему в спину, споткнулся. Впереди из ядовитых болотных испарений выступали странные домики на высоких столбах, похожие на серых цапель.

Пронесся ветер, вздыбливая барашками воду, разорвал болотную дымку. Столбы блестя, гладко выструганные, смазанные жиром, дабы звери не взобрались...

– Дрягва, – прошептал Олег в великом изумлении. – Все-таки они существуют!

Все трое всматривались в необычную и такую огромную деревню. Восемь домов, как они тут помещаются, чем живут?

– Пошли к ним, – сказал Таргитай торопливо. – Гроза настигает! Вот-вот влупит со всей дури!

Мрак подозрительно всматривался в строения.

– Чем-то не нравятся...

– Мрак, – сказал Олег отчаянно, – мы ведь сюда шли, к ним!

– Упыри, – бросил Мрак коротко. – Мне не нравится, что эта дрягва в союзе с упырями.

– Они просто отвоевали место среди Болота!

– Нет, волхв. Это племя отринуло светлых богов.

Загрохотал гром. Огромная туча захватила половину неба, лишь на востоке оставалась синь, где плавали в зное оранжевые облака. Туча снизилась, двигалась почти над темной водой. В недрах тучи полыхали ядовито-белые молнии. Гром из раскатистого стал резким, сухим, отрывистым.

Хлупнуло. В двух шагах вынырнули мертвенно-белые пальцы, тут же скрылись, оставив круги. В другом месте с плеском высунулась круглая голова, люто зыркнула выпученными глазами и бесшумно ушла под воду.

– Они могут без упырей, – вдруг сказал Олег. – Мы не утопи, нащупав тропку, которой дрягва ходит в Лес. Зато им не выжить без Леса! Не все же у них из грязи и рыбьей чешуи?

– Дома из бревен, – сказал Таргитай слабо. – Таких на Болоте нет, из нашего Леса перли!

– Не верю болотникам, – сказал Мрак угрюмо.

– Но упыри...

– Человек опаснее любого зверя, если он... зверь.

Он круто взял в сторону, обходя свайную деревню. Над головой погромыхивало, а из глубин Болота навстречу бредущим людям поднималось множество белесых тел. Ветер сильно толкнул в спины, сорвал с верхушек волн гребешки и понес над темной, словно кипящей водой.

Мрак шел быстро, почти бежал. Внезапно вода колыхнулась, из ветра и брызг вынырнули люди с широкими острогами в руках.

– Стойте! – раздался сиплый голос. – Кто вы?

Их было семеро: тощих, угрюмых, костистых. Грязная вода стекала по мокрым лицам, жидким бородам, где зеленела застрявшая ряска. Желтые пальцы побелели, судорожно сжимая древки острог, красные воспаленные глаза ловили каждое движение пришельцев.

– Мы с миром, – торопливо сказал Олег. – Мы не враги!

– Кто вы? – повторил мужик. Он был широкий в плечах, с бледным нездоровым лицом, правая сторона была изуродована жутким шрамом. Глаза гноились, он щурился и часто мигал, но руки у него были толстые, острогу держали цепко. Острые ключицы резко выпирали из-под желтой кожи.

– Люди, – ответил Олег. – Мы из Леса!

– В Лесу нет людей, – ответил мужик убежденно. – Кроме нас, Народа другого нет. Боги создали только нас и... зверей.

Он колебался, то ли всадить в них острогу, как всегда делал, встречая зверей, или же поступить как-то по-другому, но как – не знал. Остроги упирались в ребра чужаков, дряговичи нерешительно переглядывались.

Наконец один сказал решительно:

– Чушак, надо их убить!.. Гроза вот-вот, мы не успеем добежать.

Чушак недовольно дернул плечом. Мрак следил за каждым движением дряговича, чуть присел, напряг мускулы. В спину хлестнуло ледяным ветром. Ветер срывал гребешки по всему Болоту, нес брызги.

– Надо кончать! – повторил мужик.

Чушак задержал дыхание, его гноящиеся воспаленные глаза наткнулись на чистый непонимающий взгляд Таргитая. Тот смотрел без страха, даже с радостным удивлением. Люди разговаривали с ними, а деревня у дряговичей просто громадная...

– Кончай их! – взревел мужик.

Чушак резко вскинул голову, его голос хлестнул по ушам:

– Окунь, кто Старший Охотник? Участь прищельцев решит Старик.

– Но...

– Заткнись. Эй вы, зайды! Налим, иди впереди, показывай дорогу.

Сильный ветер ударил в спину. Таргитай упал, в бок резко кольнуло. Отплевываясь, он поднялся, встретился взглядом с перепуганными глазами худосочного мужика. Тот держал рогатину у его ребер, руки тряслись.

– Поторопимся, – сказал Олег. – Поторопимся, люди!

Шерсть на руках Мрака вздыбилась, в горле рокотало. Четыре остроклювые остроги упирались в него со всех сторон. Олег поспешно пошел за Налимом, Таргитай спешил следом, Мрак шел последним, рычал, вращая налитыми кровью глазами.

Туча догнала, грохотала над головами. За их спинами Болото пошло крупной рябью, поднялась серая мгла.

Таргитай проваливался, его подхватывали сильные руки. Мрак успевал за дряговичами, выдергивал из ям изгоев, наконец схватил нахлебавшегося воды Олега, потащил на плечах, как убитого оленя.

Ветер швырнул крупную горсть дождя, с неба обрушились потоки воды. Болото забурлило, страшно полыхнула ослепляющая молния, над головами словно разломили сухое бревно. Таргитай от оглушающего треска присел, вода сомкнулась над головой, и сразу что-то ухватило за руки, за плечи, поволокло...

Могучая рука выдернула его из воды, свирепый голос яростно крикнул, разрывая уши:

– Быстрее, упыри уже вылезли!

Таргитай забарахтался, вскочил, бросился за едва различимыми в ливне фигурами. Вода кипела, косые струи ливня закрывали видимость, лишь голые черепа упырей холодно блестели среди кипящей воды, немигающие глаза смотрели на Таргитая с лютой злобой.

Мужики орали, подталкивали острогами. Упыри смыкали кольцо, высовывали из воды руки. Таргитай нессся через падающую стену воды, задыхался, наконец что-то впереди вынырнуло из серой стены дождя, ударило в лицо. Он обхватил толстый, ускользающий из рук ствол.

Внезапно он понял, что стена дождя обрывается в двух шагах, а сюда ветром бросает водяную пыль. Над головой темнели тонкие бревна, уложенные ровным рядом. Оттуда кричали, и Таргитай, наполовину оглушенный громом, полез вверх по столбу. Снизу кольнули, сверху дернули за шиворот, и он пролез в широкую дыру. Следом поднялся промокший мужик, захлопнул ляду и, отбежав к стене, выставил перед собой острогу.

Таргитай поднялся на ноги. Просторный сарай из толстых прутьев, окон нет, свет просачивается сквозь щели. Вдоль всех четырех стен встали плечом к плечу тощие оборванные

мужики – все как один с желтыми больными лицами, воспаленными глазами, но жилистые, широкогрудые. Все держали остроги, направив жуткие зазубренные острия на пришельцев.

Напротив Таргитая застыл подросток. Он держал нацеленное в горло пришельцу острие из крупной рыбьей кости. Глаза горят, только бы шелохнулся чужак!

Сильно пахло тиной, лягушками и рыбьими внутренностями. На стене висели большие и малые остроги, сети, невод. За стенами глухо ревел ливень, швыряя сквозь щели охапки брызг.

– Даже не подумайте двинуться! – сказал Чушак резко. – А вы, если шелохнетесь, убейте этих существ сразу.

– Мы не существа, – сказал Олег как можно спокойнее. – Мы – люди.

– Люди – это мы, – отрубил Чушак.

Он скрылся за перегородкой. Там слышались тихие голоса. Когда туда скользнул Чушак, затихло, потом после долгой паузы вышел, опираясь на длинную суковатую палку, согнутый в поясе дед. Борода касалась пола, беззубый рот непрерывно двигался. Чушак держал его под локти, бережно усадил на лавку. Старик весь был сморщенный, дряблый, похожий на древнюю старушку.

Он долго отдыхал, наконец поднял на пленников выцветшие от старости глаза:

– Невры?

– Что-что? – не понял Олег.

– Говорю, невра... люди Леса.

– Люди Леса, – подтвердил Олег. Он оглянулся на Мрака и Таргитая, но те молчали, давая волхву вести разговор. – Мы мирные, мы шли к вам. Только мы люди, а не невра.

– Невры, – ответил дед вялым сиплым голосом. – Вы невра.

Мужики переглянулись, их глаза снова повернулись к деду. Тот безостановочно жевал морщинистым ртом, мигал красными, с воспаленными веками глазами. Сказал с непонятным оттенком в голосе:

– Не знаете... Эти тоже не знают, что на белом свете есть еще люди. Называют себя Народом.

– У нас тоже, – сказал Олег.

– У вас тоже, – повторил дед. Помолчал, сказал снова: – Один я здесь еще знаю, что мы – дрягва, а в Лесу другие племена... Самое близкое к нам – невра. Могучий и опасный народ.

– Могучий? – повторил Олег с недоверием. – Опасный?.. Нас в деревне всего шесть жилищ...

Дед приподнял голову, в его старческих глазах впервые блеснула какая-то искорка.

– Шесть?.. Считаете, что это весь ваш Народ?.. Ну-ну...

Он уронил голову. Дряговичи не шевелились, даже дышать вроде бы перестали. Из-за плетеной перегородки слышалось тяжелое дыхание, кто-то шмыгал носом, отчаянно чесался.

– Зачем шли через Болото? – спросил старик.

Мужики затаили дыхание. Их остроги все так же упирались в животы пришельцев, но глаза были на губах старика, потом так же разом повернули головы к Олегу.

– Нас изгнали, – ответил Олег убито. – Мы надеялись, что вы примете нас. У нас теперь нет племени. Кто нас примет в свое племя, с теми мы и будем жить.

Мужики переглянулись, кто-то сказал вполголоса пару слов, но невра не расслышали. Дед долго молчал, тряс седой головой, наконец произнес погасшим голосом:

– Даже будучи изгоями... вы – невра.

Олег вскрикнул, ощутив в голосе старика неясную угрозу:

– Мы – изгои!

– Невра – народ... странный, – проговорил старик, он смотрел в пол. – Могучий и опасный. В древних пророчествах сказано, что, когда невра выйдут из Леса... мир уже не будет прежним.

Мужики тревожно переглянулись, острия уперлись пленникам под ребра. Старик наконец поднял голову, взглянул в лица пленникам:

– Не надо было идти через Болото.

Мрак громыхнул раздраженно, опередив Олега:

– Но мы уже здесь!

– Это беда, – ответил старик. Он снова уронил голову, голос упал. – Теперь вы знаете, где мы хоронимся.

– От чего хоронитесь? – спросил Мрак.

– От всего, – ответил старик просто. – Мы – простые, простодушные. А вы – опасные. Вы – невры. Весь мир должен бояться невров...

Мрак сказал саркастически:

– Потому мы и живем в Лесу?

– Я не знаю, чьей волей... какие боги сумели запереть вас в Лесу. Какие заклятия наложили, чтобы сковать, усыпить... Но это хорошо для всего белого света, всех народов и всех земель... Я знаю мало, но достаточно, чтобы бояться вас...

– Вы всего боитесь! – рявкнул Мрак. Он оглянулся. Мужики заворчали, острия едва не прокалывали его толстую душегрейку.

– Всего, – согласился старик. – Заяц всего боится, потому и цел.

– Если бы страх спасал, заяц был бы бессмертным!.. Но уцелели и волки, а их напугать труднее.

– У вас троих на плечах волчьи шкуры. Значит, гибнут и волки.

– Все гибнут, – ответил Мрак беспечно, – но гибнут по-разному. Как и живут! Ладно, живите как зайцы, бобры или болотные жабы. Нас это не касается. Но зачем тычете этими колючками? Вы спасли нас от бури на Болоте...

Старик ответил глухим старческим голосом:

– Не спасли... Чушак не знал, что делать. Они не знают, что на белом свете есть другие люди.

– Понятно, – прервал Мрак, снова опережая Олега, беззвучно раскрывавшего рот, – если бы знал, нас бы оставили. Упыри закончили бы сами.

Старик проговорил таким тихим голосом, что из-за шума падающего дождя едва слышали:

– Вы – невры. Мы боимся невров.

Мрак сказал тяжелым, как речные валуны, голосом, его темные глаза зыркали по лицам мужиков, по стенам, где висели остроги:

– А когда боимся, то убегаем или убиваем, верно?.. От нас не убежишь, мы уже здесь. Уже знаем ваше болотное гнездо.

Старик попробовал подняться, страдальчески охнул. Чушак подбежал, помог встать на ноги. Старик сказал растерянно:

– Мы беззащитны... Мы даже не умеем врать. Кроме меня, никто не знает такого слова.

– Все ясно, – буркнул Мрак. Он небрежно махнул рукой, и четыре остроги уперлись в его грудь и живот. – Утопите? Рыбам на прокорм?.. Хотя какие здесь рыбы? Вы небось только жаб да пиявок жрете?

Старик с помощью Чушака доковылял до перегородки, с трудом повернул голову:

– У нас жестокие боги! Нужна жертва...

Мрак зарычал, толстые руки вздулись буграми мускулов. Таргитай подумал было броситься, сокрушить, разметать, именно так поступал в грезах, но мужики стояли реальные, вонючие, острия острог блестят... Длинное зазубренное лезвие пропорет глубоко – он видел, как резали оленей, – толстые кишки вывалятся через жуткую рану, на крупных зазубринах

повиснут окровавленные клочья печени, селезенки, а кровь будет хлестать через широкую рану, заливать пол...

Рядом шумно дрожал Олег. Чушак вернулся, заметил налитые кровью глаза Мрака, бросил хрипло:

– Кто шевельнется – убивайте!

Он снял со стены длинную веревку. Таргитая ухватили сзади, веревка опоясала грудь, туго стянула руки. Рядом вязали Олега, тот закрыл глаза, боясь видеть осатаневшие лица. Всех троих связали туго, жестко. Руки Таргитая сразу онемели, начали синеть, наливаясь тяжелой кровью.

Жилистые пальцы ухватили сзади, между связанными руками скользнул толстый шест, другим концом просунули в веревку, стягивающую ноги. Таргитай упал, больно ударился плечом и лицом о грязный заплеванный пол.

Вдруг плечи рвануло болью, мир перевернулся. Мужики подняли шест на плечи, Таргитай повис лицом вниз, боль в суставах стала нестерпимой.

Пахнуло холодным воздухом. Перед глазами Таргитая поплыл колыхающийся пол из тонких бревен, усеянный застрявшими рыбьими костями, внутренностями, чешуей. Мощный ливень уже прекратился. Воздух был свежим, однако все еще пахло нечистотами.

Мужики несли невров, поглядывая на пленников со страхом и ненавистью. Постоянно сбивались с шага, а невров раскачивало так, что едва не рвались жилы и суставы.

Таргитая понесли ногами вперед, перед глазами снова поплыли мокрые, покрытые рыбьей слизью жерди, внутренности, где суетливо сновали толстые зеленые мухи и копошились жирные белые черви. Позади несли волхва, он держал глаза плотно зажмуренными, губу закусил до крови.

Наконец все остановились, разом сбросили ношу. Таргитай снова ударился лицом, едва не распорол рот сучком, во рту сразу ощутил соленый вкус.

– Болотные вы гады! – сказал он с отвращением. – Самые настоящие! Как и ваши болотные боги...

Мужик, что стоял над ним, довольно крикнул, сказал другим:

– Слыхали?.. Как славит нас теперь!.. Припекло, заюлил.

– Никому помирать неохота, – буркнул второй. Он подошел ближе, помочился на Таргитая, захохотал, когда тот пытался отвернуть лицо, крикнул: – Эй, внизу! Готовы?

Мужики с кряхтением подняли шест. Руки Таргитая снова вывернуло. Его поднесли к краю помоста, спустили головой вниз, там подхватили другие руки. Запах тины и дохлой рыбы усилился. Теперь их понесли по Болоту. Когда вода поднималась мужикам до пояса, Таргитай набирал в грудь воздуха и задерживал дыхание, но нести его так было легче, и он нахлебался грязной, взбаламученной недавним ливнем воды.

– Здесь, – донесся голос Чушака.

Мир перевернулся, веревка врезалась сильнее, затем шест с Таргитаем поставили стоймя. Мрак и Олег уже стояли в воде, привязанные к столбам. Те за их спиной торчали голые, с бесстыдно отвалившейся корой, гадостно склизкие от постоянной сырости. Мрак бешено дергался, сыпал руганью, Олег висел на веревках, уронив голову на грудь.

Руки Таргитая были вжаты в слизь, пальцы погрузились в жирную плесень. Что-то гадко-скользкое зашевелилось в ладони, поползло по руке. Таргитай задержался, но мерзость карабкалась дальше.

Чушак быстро проверил узлы, оглянулся. Его мужики уже спешили обратно к свайным домикам, те виднелись в двух-трех сотнях шагов. Там уже собрался Народ, виднелись женщины с детворой, все смотрели жадно.

– Так велят наши боги, – буркнул Чушак, словно оправдываясь.

Он заспешил вслед за мужиками. Те уже побросали шесты, они разом затонули, словно были из камня. Или их утащили под воду невидимые руки.

Таргитай дергался, скользкий гад всполз на шею, норовил втиснуться в ухо.

Мрак сказал угрюмо:

– Недалеко ушли вы, ребята...

– Мы ведь шли к ним! – всхлипнул Олег. Он поднял заплаканное лицо, где слезы промывали дорожки среди грязи. – Зачем они так?

– Все-таки попали к упырям, – сказал Таргитай с ужасом. – Лучше бы разорвал бер, лучше бы деревом пришибло...

– Бер? – переспросил Олег. Он вскрикнул погромче: – Бер!.. Мы не боимся тебя, бер!.. Мы зовем тебя, бер!

– Не смеши лягушек, – бросил Мрак досадливо. – Вон как нахохотались, перетопли со смеху! Бер в Болото не ползет. Упырей любой бер испугается.

Далекие фигурки, как плывущие гуси, разрезая воду, достигли ближайшего дома. Сверху швырнули веревочную лестницу, мужики взобрались, лишь Чушак, его не спутаешь даже отсюда, быстро вскарабкался по столбу.

Мрак сказал понимающе:

– Ждут. Значит, вот-вот... Прощайте, хлопцы! Тарх, я любил тебя больше, чем брата. Олег, ты никудышный волхв, но человек терпимый. Будь моя воля, я бы оставил вас двоих, а прогнал бы Боромира и Громобоя... Не понимаю, почему так, ведь они – лучший волхв и лучший охотник, но так подсказывает мое волчье чутье.

Он внезапно вскинул голову, стукнувшись затылком о столб, взвыл. Рот раскрылся, над Болотом пронесся жуткий нечеловеческий вой.

– Прощай, – ответил Олег отчаянно, – но... неужели погибнем? Сейчас всплывут упыри, будут есть нас живыми? Отъедать ноги, выгрызать у живых животы? Это с нами, не с кем-то другим?

Мрак оборвал вой, бросил грубо:

– Заживо? Ты их надуешь!.. Околеешь с перепугу. Или обгадишься со страха так, что даже упыри есть не станут. А вот нам с Таргитаем...

– Я тоже надеюсь помереть со страха, – проговорил Таргитай, он с трудом выталкивал слова через стиснутое ужасом горло. – По мне что-то мелкое ползет, и то я уже кончаюсь...

– Я останусь один?

– Мрак! – закричал Олег. Он отчаянно дергался, столб мелко дрожал. – Надо придумать что-нибудь! Ты сам говорил: тони с надеждой выбраться на берег!.. Давай как-нибудь захватим упыренка... Когда все вылезут, скажем, что порешим, если нас не отпустят!

– Волхв, не перехитри самого себя. Упыри не знают родства. Они даже не звери!

Мрак откинул голову с такой силой, что из столба брызнула желтая вода. Туча уходила за виднокрай, небо засияло, из-за тучи брызнули солнечные лучи. Глядя в небо, Мрак вдруг жутко взвыл. Лицо покраснело, напряглось, вздулись жилы. Челюсти были сжаты. Лицо начало удлиняться, потемнело, словно на солнце набежала тучка. Таргитай понял в страхе, что тучка ни при чем, лицо Мрака покрывается шерстью! Воющий рот превратился в жутко оскаленную пасть, страшно блестели острые клыки.

У столба, туго привязанный, люто рычал и дергался получеловек-полуживотное. Он выл, хрипел, брызгал желтой слюной. Веревки врезались глубоко, оборотень задышался, одна из петель давила горло. Оборотень дернулся, высвободил истончившиеся лапы из узлов, рассчитанных на человеческие икры, стал рвать острыми когтями веревку. Та впилась так глубоко, что волк рвал когтями и свою грудь. Полетела шерсть, брызнула кровь.

Олег поспешно отвернул голову:

– Никогда не видел... Не знал, что так страшно!

На далеком помосте забегали дряговичи. По столбу поспешно соскользнул Чушак, за ним в Болото слезли с десятков мужиков. Им сверху побросали остроги, дубины. Вооружившись, они заспешили к болотному капищу.

Веревка лопнула с сухим звоном, как обрезанная тетива. Волк упал, разбрызгивая гнилую воду. Таргитай решил, что оборотень мертв, но волк тяжело поднялся, в упор посмотрел на Таргिताя, перевел жуткий взгляд на Олега. Это был настоящий волк-оборотень – огромный, впятеро крупнее любого волка, лобастый, с торчащими клыками, похожими на ножи. Глаза горели красным огнем, как угли костра, с которых сдули пепел.

– Мрак, – прошептал Таргитай умоляюще, хотя то был уже не Мрак, а лютый зверь, более страшный, чем стая волков. – Мрак... порви мне глотку! Спаси от упырей!..

– И мне! – крикнул Олег. Глаза его были плотно зажмурены, он судорожно запрокидывал голову, выставляя белое горло.

От свайных домов бежали, вспенивая воду, дряговичи. Волк оскалил зубы, присел. Таргитай подставил горло, страшно лязгнули зубы. Шею полоснуло острой болью. Свирепое рычание оглушило, даже в голове раздался звон. Таргитай чувствовал жаркое дыхание зверя, открыл глаза, тут же зажмурился изо всех сил. Оскаленная пасть, зубы блестят!

Он в испуге распахнул глаза, успел увидеть грязную воду. Мелькнул разлохмаченный конец веревки, и Таргитай с шумом упал в болотную воду. Онемевшее тело не слушалось, он нахлебался тухлой воды, заглотнул мелкую водоросль, следом в рот заплыло что-то живое. Таргिताя стошнило, поднялся с великим трудом.

Огромный волк уже перегрызал веревку на ногах Олега. Волхв с плачем растирал распухшие кисти.

Дряговичи бежали цепочкой, кричали, Таргитай видел широко разинутые щербатые рты, гнилые зубы. Бежали медленно, расплескивая воду, сосступали с тропки, торопливо вытаскивали друг друга.

Олег крикнул в страхе:

– Тарх!.. Теперь бы не даться!

Первым бежал Чушак. В его жилистой руке качалась длинная острога. За ним едва поспевали Налим и Окунь, их увесистые дубины были усажены острыми костями.

Волк зарычал, чуть присел, опустившись на воду. Чушак замахнулся острой. Они застыли, глядя друг другу в глаза. Чушак побледнел, но не отступал, хотя зверь был огромен, страшен. Мужики за спиной Чушака загалдели, вытягивая шеи. Волк зарычал громче, под намокшей шерстью вздулись чудовищные мышцы. Чушак поспешно швырнул острогу. Она пронеслась по длинной дуге, плюхнулась рядом с волком, обдав его брызгами. Мужики сердито загалдели. Чушак обернулся, крикнул резко. Двое мужиков, что стояли за Окунем и Налимом, подняли остроги над головами. Чушак присел, хлопнувшись задом о воду, а мужики разом метнули остроги через головы Налима, Окуня и Чушака.

Волк не дернулся ни вправо, ни влево, а скакнул назад. Мокрым задом сбил Таргिताя, тот упал, снова хлебнул гнилой воды пополам с донной грязью. Обе остроги плюхнулись перед волком.

Мужики закричали. Еще один швырнул издали, явно метил в Таргिताя, что барахтался как ошалевшая жаба. Олег выловил остроги, одну бросил Таргитаю. Тот с трудом поймал, вода с него бежала в три ручья.

– Бросать не умеют! – крикнул Олег. Он трясся, прыгал в воде, судорожно озирался во все стороны. – Рыбу бьют, не выпуская из рук...

Он без размаху швырнул острогу, едва не упав следом. Чушак видел летящее в него острие, но сосупить в сторону – попадешь в топь, шагнул назад, ударился спиной в Налима, в последний момент решил присесть, но запоздал – тяжелое острие из заточенной рыбьей кости угодило в горло. Он повалился навзничь, ухватившись за древко.

Олег торопливо швырнул вторую острогу, та заточенным концом угодила в живот Налиму. Налим закричал по-заячьи тонко и жалобно, прижал ладони к широкой ране, откуда, пузырясь, полезли сизые кишки, и упал, подняв столб брызг.

Таргитай с силой метнул свою острогу. Окунь запоздало качнулся назад, тяжелое зазубренное острие с хрустом, словно ломая яичную скорлупу, до половины вошло в левую глазницу. Окунь без звука рухнул лицом вниз. Дряговичи орали, потрясали дубинами, двое тащили раненого Налима.

– Отобьемся! – закричал Олег хриплым злым голосом. – Тропка узкая!

– Отобьемся! – крикнул Таргитай. Его трясло, губы прыгали, он все время дергался, вертел в руках последнюю острогу. – Мы покрепче! Отобьемся...

Внезапно волк зарычал. Олег отпрыгнул, Таргитай попятился, пяткой ощупывая дно, чтобы не плавать в своей блевотине, что уже окрасилась кровью Чушака. Из пробитого горла дряговича хлестала кровь, пенилась, грязная вода стала зловеще красной.

Волк продолжал рычать. Мокрая шерсть на загривке поднялась, верхняя губа люто изогнулась, выпустив наружу клыки-ножи.

– Чует упырей, – прошептал Олег в ужасе.

Дряговичи, подхватив раненых, поспешно отступали. Тело Чушака медленно погружалось. На поверхности расширялось кровавое пятно. Последний мужик оглянулся, потряс кулаком:

– Боги Великого Болота не выпустят жертву!

– Кому боги, – закричал Таргитай им вслед, – а кому жабы! Только жирнее.

Рядом икал Олег, глаза его дико блуждали. Он был мокрый, на голове и ушах висели водяные растения. Таргитай провел руками по лицу, сбрасывая грязь, листья, сказал, едва двигая непослушными губами:

– Еще не сгинули, верно?

Кроваво-красные глаза волка вспыхнули желтым фосфорическим огнем. Облака полыхали, подсвеченные снизу заходящим солнцем, а на другом краю небосвода, чистом от облаков, неясно выступил бледный серп луны – ночного солнца упырей и мертвяков. Еще не налилась в полную силу – не позволяет солнце! – но, когда дневное светило опустится в Мировой Океан, луна засияет во всю колдовскую мощь. По ее зову выплывут упыри, навьи, из могил поднимутся злые мертвецы, а берегини в страхе взберутся на самые высокие деревья, переживая опасную ночь.

По Болоту пробежала странная рябь, взбурлила волнами. Над водой мелькнули костлявые пальцы, ухватили что-то и скрылись.

Волк прыгнул, брызги окатили Таргитая с головой. Он невольно отшатнулся, а волк поплыл, шумно шлепая лапами, высоко задрав морду.

– Хоть он уцелеет... может быть, – сказал Таргитай. – Я любил его, Олег!

Олег непонимающе смотрел вслед волку, потом вдруг подпрыгнул:

– Тарх, за ним!

– Вплавь? Я не умею.

– За ним! – крикнул Олег.

Он подхватил плавающую одежду Мрака, бросился за волком, упал, окунулся с головой, поднялся весь в тине и болотной траве.

– Я не умею плавать! – закричал Таргитай.

Олег не отвечал, он ломился через грязную воду, поднимая тучи брызг. Таргитай, боясь остаться, бросился за ним: Олег тоже не плавал, как и все невры!

Волхв торопился изо всех сил, но Таргитай все же догнал, крикнул:

– А если поплывет через глубокое? Что тогда?

– Не... поплы... вет, – ответил Олег на бегу. Он с усилием ломился по Болоту, вспарывая воду и цепляясь за листья кувшинок, поднимая тучи мутного ила. – На глубокое... его ухватят упыри...

– Он знает?

– Чует...

Сзади сильно плеснуло, словно за комаром выпрыгнула огромная рыба. Таргитай на бегу повернул голову, ноги его от ужаса подкосились. Далеко позади, где расплывалось широкое пятно крови, вода уже бурлила, мелькали голые пальцы.

Олег вбежал в скопище болотных трав, запутался, повалился на бок. Мелькнули вытаращенные глаза, волна накрыла с головой. Таргитай на ходу схватил волхва за волосы. Олег всхрипнул, молча кинулся за плывущим далеко впереди волком. На плечах Олега висело целое поле толстых болотных стеблей и мелких трав, там билась мелкая живность, но волхв мчался, впериwв глаза в затылок волка, ни на что не обращая внимания.

Таргитай едва поспевал за худым волхвом. Мокрый, облепленный зеленой травой и коричневой грязью, тот мчался, разбрызгивая воду на десятки саженей, сбивая мшистые кочки. Дышал он хрипло, страшно, словно закипающий котел с ухой.

– Олег! – закричал Таргитай из последних сил. – Я больше не могу...

– Там берег... Берег...

Таргитай ломился на голос волхва, почти ничего не видя, кроме бурлящей затхлой воды. Ноги проваливались в вязкую грязь, под подошвами что-то шевелилось, дергалось, вонзало острые зубы в толстую кожу сапог.

– Тарх! – хлестнуло по ушам. – Быстрее! За нами гонятся!

Таргитай оглянулся. Три жертвенных столба отсюда казались тонкими лучинками, от них за беглецами словно бы катился водяной бугор. Внезапно бугор распался на два холмика, оба пошли быстрыми зигзагами по обе стороны мелководья.

– Скорее, лодырь! – орал Олег. – Быстрее, дурак!

Ноги Таргитая сами в смертельном страхе понесли через зловонную жижу, ил, муть, заросли болотной травы.

Олег, хрипя широко открытым ртом, выполз на мокрую траву, упал, ломая кусты, но сразу повернулся, протянул руку Таргитаю. Таргитай едва брел, его шатало из стороны в сторону. На нем висели раздувшиеся пиявки, ноги спотыкались о каждый болотный стебель.

– Скорее! – вдруг закричал Олег страшно. Он с ужасом смотрел поверх плеча Таргитая. – Прыгай!.. Прыгай, дурак!

Таргитай попробовал скакнуть, но упал плашмя, вытянув руку вперед. Тело скользнуло по воде, кончики пальцев коснулись горячей ладони Олега. В тот же миг холодные нечеловеческие пальцы схватили за лодыжку. Он слабо лягнулся, пальцы сдавили лодыжку сильнее. Олег кричал, упорно тащил за руку. Заляпанное грязью и бледное до синевы лицо волхва вдруг налилось тяжелой кровью, жилы на шее вздулись.

– Тарх... – прохрипел он. – Ну, Тарх...

Суставы Таргитая трещали. Хрипя, Олег тянул к себе, из Болота тащили в воду. Олег перехватил Таргитая и другой рукой, но сам начал сползать в коричневую жижу. Судорожно раскинул ноги, зацепился за выпирающие из земли корни вяза, охнул, но руку Таргитая все еще держал.

За спиной Таргитая трещали стебли кувшинок, за них тоже хватались, ища опоры, вода бурлила. Олег вдруг прошептал, перекосив рот:

– Все... не могу... Сейчас выпущу...

Таргитай из последних сил задергал ногами. Его хватали уже со всех сторон, наваливались со спины, пригибали голову, топили. Он захлебывался, затем что-то жесткое ударило по

лицу, он упал на твердое. Руки волхва перехватили за шиворот, дернули, и Таргитай, ухватившись за покрытые слизью толстые корни, потянул себя на берег.

На миг показалось, что суставы вывернули, потом тяжесть вдруг исчезла. Сзади шумно плеснуло. Его потащило лицом по грязи, мокрому мху и твердым, как речные валуны, корням вяза.

ГЛАВА 5

Оба лежали, тяжело дыша, не в силах шелохнуться. Таргитай с трудом повернул голову, чтобы не захлебнуться грязью. В Болоте шумно хлюпало, квакало, шлепало по воде. Истошно кричала выпь.

– Неужели... выбрались? – выдохнул Олег. Он приподнялся, но руки подломились, он без сил упал лицом вниз. С головы до ног покрытый зеленой травой, листьями кувшинок, он походил на огромную голодающую жабу. – Выбрались?

Таргитай закашлялся, выплюнул гнилую воду, с ней вместе полузадушенного болотного червяка. Он охнул, повернул голову в другую сторону.

Отдышавшись, Олег приподнялся, сел. Возле Таргитая разлилось новое Болото, чуть поменьше, но, похоже, он сразу населил его из своего желудка головастиками, водомерками, пиявками...

– Ушли, – повторил Олег. В его глазах был страх. – Мы ушли? От лютой дрягвы, от страшных упырей?.. Тарх, ты бы видел, что за тобой гналось! Что тащило тебя обратно!

– Если бы не Мрак, – прошептал Таргитай, – мы бы не ушли...

Плечи его вздрогнули. Олег выждал, сказал тоскливо:

– Он нас спас дважды. Все-таки погиб не зря.

– Не зря?

– Тарх, он обречен, ты знаешь. Зато в свой последний час сохранил наши шкуры! Правда, если сейчас не уйдем от Болота подальше, упыри нас все равно достанут.

Таргитай с трудом поднялся. Натыкаясь на кусты, они заспешили в чащу. Перелесок скоро кончился, пошли огромные толстые деревья. Земля вокруг них была непривычно сухая, корни выпивали всю влагу, каждое дерево стояло особняком, а на голой земле темнели остатки прошлогодних листьев, скорлупки желудей, расклеванные шишки, сухие иглы, крупные чешуйки коры.

Чужой Лес, непривычный, но все-таки Лес, не Болото. Самое надежное место на свете – Лес. Чем дремучее, тем надежнее. Чем непроходимее, тем роднее.

– Вроде бы ушли, – проговорил Олег мертвым голосом. – Либо в глазах темнеет... либо уже вечер.

– А как разведем костер? – спросил Таргитай. – У нас забрали все.

Кроме дудочки, подумал он с нежностью. Пальцы коснулись спрятанной за пазухой сопилки, украдкой погладили.

– Собирай хворост, – сказал Олег вдруг. – Я берусь развести огонь. Волхв я или не волхв?

Едва держась на ногах, Таргитай сгребал сухие веточки. На обратном пути наткнулся на гигантскую березу. Кора лохматилась, в темноте казалась усеянной белыми бабочками. Таргитай напихал пучков бересты за пазуху, с охапкой хвороста вывалился на поляну.

– Я принес, – сказал Таргитай с угрозой. – Там лежит толстое сухое дерево. Я и его притащу, хватит на две ночи. Но если не разведешь костер, я тебе шею сверну.

Волхв перевернулся на спину. Таргитай поразился изможденному лицу. Олег был полумертвым от усталости.

– Ну? Покажи свое умение, волхв!

Олег молча полез за пазуху. На лице его появилось отрешенное выражение, потом он очень медленно вытащил узелок из грязного промокшего лоскута кожи. Не спеша развязал тугой узел, помогая зубами, развернул на ладони...

Таргитай сердито сплюнул под ноги, чувствуя себя обманутым. Олег бережно вытащил кремь и огниво, ехидно заулыбался. Крохотные красные искорки вылетали по дуге, падали на промокший трут, на бересту, там вспыхивали синие дымки, тут же гасли. Тьма сгустилась,

Таргитай видел только искорки и слышал редкие удары. Правда, кроме стука кремня и надсадного дыхания волхва, слышал и крики ночных птиц, далекий треск в кустах, странный топот, осторожные шаги...

– Дай сюда, – заявил он наконец, отбирая кремень. – Волхв ты, кто спорит, не простой...

Намучившись с огнивом, как медведь возле рыбы, все-таки высек огонь, раздул искры, а когда береста вспыхнула, заставил себя притащить сушину. Хворост уже полыхал вовсю, Таргитай сунул сухую валежину концом в огонь.

– На ночь хватит, как думаешь?..

– Хватит, – ответил Олег. Глаза его были закрыты, на лице быстро подсыхала корка грязи.

Он вздрагивал, дергал плечами.

– Ты жилистый, выносливый, – сказал Таргитай, – а я совсем дохляк. Посплю малость, ладно?

– Спи, – ответил Олег чужим голосом. Лицо в разводах грязи с пляшущими бликами костра выглядело жутким, нечеловеческим. – Я все равно не засну. Есть хочешь?

– Хочу, – ответил Таргитай. Он сразу ожил, протянул ладонь. – Давай!

– Утром поищем ягод, – пояснил волхв. – Спи! Натощак приходят вещие сны.

– Вещие сны нужны волхвам, – ответил Таргитай разочарованно. – Меняю свой вещий сон на кусок мяса. Можно даже сырого...

От мокрой одежды шел пар. Он поставил сапоги возле головы и сразу провалился в плотный сон.

Проснулся, стуча зубами от холода. Утро было хмурое, холодное. Сушина сгорела, на ее месте застыл густой слой серого пепла. Волхв спал с подветренной стороны, весь покрылся налетом. Таргитай сунул ему травинку в ноздрю, повертел. Олег глухо замычал, шлепнул ладонью по лицу, но не проснулся.

Ежась, Таргитай сунул озябшие ладони за пазуху, кончики пальцев уперлись в дудочку. Она мирно спала в тепле и уюте. Таргитай с нежностью выудил, оглядел со всех сторон. Цела! Падал, тонул в Болоте, дрался, но родимая уцелела...

Он заиграл тихонько, стараясь не будить Олега. Птицы еще спали, мелодия пошла через Лес одиноко и вольно, не расшибаясь о шелест, птичьи вопли и треск кустов, когда ломаются стада свиней.

Озябшие пальцы медленно перебирали дырочки, но отогревались, песня шла быстрее, громче. Олег зло скрипнул зубами, лягнул обеими ногами, попытался натянуть на голову несуществующую шкуру.

Таргитай поспешно перешел на другую сторону поляны, но мелодию не прервал. Волхв чуть успокоился, разжал кулаки, но лицо оставалось злым. Над головой сонно чирикнула разбуженная птичка. В ветках зашуршало, посыпалась древесная труха, словно белки чистили дупло. Простучали крохотные коготки, среди зеленых листьев, как огонь от бересты, мелькнул красный хвост.

Темные верхушки деревьев внезапно стали яркими, как кожа молодого лягушонка. Огненные стрелы беззвучно просекали листву, заставляя листики просыпаться, тянуться навстречу солнцу. Олег сердито засопел: солнечный зайчик прыгнул ему на глаза. Не просыпаясь, Олег выпятил губы, сдувая назойливую муху, подергал крыльями носа, щеками, подвигал бровями, наконец пытался смахнуть ладонью. В конце концов выругался, глаза сердито открылись.

– Я тебя в жабу превращу, – сказал он сонным злым голосом. – Прокляну, в порошок сотру, навьям отдам...

– Просыпайся, – ответил Таргитай. – Доброе утро. Сторожишь здорово! Никто из зверей близко не подходил. А кто и решился, упал замертво от твоего храпа. Надо в кустиках поискать для обеда.

– Врешь, – заявил Олег убежденно. – Я никогда не храплю. А что, я спал?

– Как бревно, – заверил Таргитай. – Меняешься, Олег.

– Зато ты все тот же ленивый дурак, с кем я вышел. Мрак успел многое. Конечно, если бы он прожил еще хоть с недельку, мы бы хоть чуть приспособились...

Олег встал, сгорбившись, зябко сунул ладони под мышки. Он все еще был в разводах грязи, волчья шерсть душегрейки свалилась в засохшем иле, топорщилась грязными комками.

– Надо найти ручей, – сказал он, лязгая зубами. – Обычаи требуют омовения по утрам и вечерам. Умываются зайчата... Да и пить хочется, спасу нет. От нас воняет, как от упырей!

– А где ручей?

– Был бы я охотником...

– Волхв должен чують.

– Не дело волхва – искать простые ручьи.

– Я и в чародейском не прочь помыть ноги. Пойдем куда глаза глядят? Все равно надо идти. Болото чересчур близко.

Таргитай спрятал сопилку, обулся и пошел через поляну. Едва проломился через густые кусты, как над их головами прогремел густой сильный голос:

– Куда глаза глядят? Ишь, какие храбрецы!

Они подпрыгнули, как зайцы при виде волка. Таргитай запнулся, сел на землю. Над остатками прогоревшего костра стоял... Мрак! Огромный, с блестящими на солнце глыбами крутых плеч. От него сильно пахло кровью, на щеке кровоточила глубокая царапина.

– Мрак... – прошептал Таргитай. – Это ты, Мрак... или привид?

Темные глаза Мрака блестели хмурым весельем.

– Вроде я... а может, привид.

– Мрак, ты все еще не стал волком!

Таргитай подхватился, с радостным воплем бросился Мраку на шею, обнял, чувствуя защищенность, надежность. Мрак похлопал его по спине, отодвинул, кивнул остолбеневшему Олегу:

– Хлопцы, вы все-таки уцелели. Не думал найти вас живыми! Как выбрались?

– Разве не помнишь? – спросил Таргитай.

Мрак поспешно подобрал свою одежду, молодец волхв, хоть и трус, но не забыл захватить, одевался, а Олег сказал торопливо, напуская на себя значительный вид:

– Перевертни помнят себя только в людской личине. Мрак, это ты спас! Перегрыз веревки, а потом мы бежали за тобой. Ты нас вывел по мелководью.

Мрак с недоверием оглянулся на Таргिताя. Тот кивнул.

– Чудно, – проговорил Мрак. – Зачем я грыз веревки? Я был волком.

Таргитай подпрыгнул, глаза у него сияли как звезды. Рот расплылся до ушей.

– Это еще что! Ты сумел снова обернуться человеком!.. Этого еще никому не удавалось! Ведь ты стал волком, когда светило солнце...

Мрак пожал плечами, голос его был насмешливым, но с ноткой печали:

– Видать, я оказался на одну попытку крепче. Это понятно, я никогда не был слабеньким. А вот вы... Через такое Болото пройти!

– Они хотели нас остановить, – горло Таргिताя сжало судорогой. Он с трудом проглотил комок, голос стал хриплым. – Оказывается, это легко – убивать... Помнишь Чушака? Олег убил его. И еще Налима. Или покалечил. Я тоже одного... Мы боимся это вспоминать, Мрак, но мы убивали. И ничто у нас в душе не оборвалось, и гром с небес не сразил. Мы ушли через Болото, оставив позади трупы...

Олег зябко передернул плечами, кровь ушла у него со щек. Мрак бросил на него быстрый взгляд, с недоверием повернулся к Таргिताю. Изгои стоят жалкие, худые, бледные. Один – трус, другой – лодырь. Червяка не обидят, лягушке не дадут сдачи. Поверить, что такие могут

убивать?.. Впрочем, даже бурундук дерется с бером, когда тот запускает лапу в дупло с его запасками на зиму!

– Ладно, – сказал Мрак нетерпеливо. – Мы без секир, ножей, даже лук отобрали. У вас палки? Я себе выломаю по дороге. Надо уходить, здесь Чернолесье. Тут даже на берегу хозяйничают упыри, а не берегини.

Не оглядываясь, он пошел через Лес широким шагом. Таргитай и Олег заспешили следом, толкаясь, почти повизгивая от радости. Воздух был еще по-утреннему свежий, на листьях блестели крупные капли росы. Мрак шагал широко, кусты не обходил, ломился как тур, а Таргитай с Олегом застревали даже в проломах, верещали, пихались.

Когда под сапогом Мрака вдруг брызнуло красным, Олег упал на колени, выхватил красные доспевающие ягоды. Таргитай сглотнул голодную слюну, подобрал несколько раздавленных и неспелых ягод, бегом догнал Мрака.

Мрак хмыкнул, поморщил нос:

– Захворал или заболел? Или в лося пробуешь перекинуться?

– Мрак, это мы с голоду!

– Голодные легли спать? – не поверил Мрак. – Даже ты, жрун? Ни в жисть не поверю. Ты на пустой желудок никогда не ляжешь. Разве что на чужой...

Он на ходу подхватил с земли увесистый сук, примерил по руке, Таргитай и Олег переглянулись, затаили дыхание. Таргитай сглотнул слюну, но та набежала снова. Мрак почти без размаху метнул сук в зеленые ветки. Затрещало, посыпались щепки, веточки, мягко зашелестело. У Таргитая екнуло сердце. На землю тяжело обрушился крупный тетерев.

– Жрякайте побыстрее, – велел Мрак резко. – На ходу!

– Перья мешают, – пробормотал Таргитай. Он сбегал за птицей, поднял ее за лапы на вытянутой руке.

– Вам еще и перья повыдергивать?

– Не нам, лучше – тетереву. Только мы сырое... отвыкли.

Мрак посмотрел на обоих с отвращением:

– Как вы живете?.. Никчемы. От сырого мяса мускулы крепче, сердце здоровее! Жареное мясо делает человека слабым.

Ругаясь, кляня обоих, он молниеносно развел костер, тетерева обмазал сырой глиной, швырнул в огонь. Изгой подсели поближе, глотая слюны. Мрак пнул Таргитая сапогом, велел убираться к ручью, что во-о-он за теми деревьями, с такими грязными рожами не показываться.

Ручей выныривал из-под камней, бежал десятка два шагов по песочку, прятался под мшистую валежину. Таргитай опустился на колени, жадно зачерпнул ладонями. Первый глоток был живительным, второй отдавал грязью и Болотом, третий был вообще гадостным, а после четвертого Таргитая едва не вывернуло наизнанку. Он поднял голову, увидел Олега, что сидел тремя шагами выше по течению прямо посреди ручья, смывал болотную грязь. С него текли жирные струи ила.

Когда вернулись, злые и рассорившиеся, Мрак прутиком выкатил из костра пышущий жаром шар окаменевшей глины. Посмеиваясь, ударил по обожженной глине кулаком. Шар разлетелся на десятки сухих осколков, поляну наполнил густой мясной запах. Перья как влипли в сырую глину, так и остались, а нежно-розовое мясо было без единого пятнышка...

Мрак оторвал лапу, неспешно вонзил зубы, поморщился:

– Терпимо. Налегайте, неженки! Только кости не глотайте. Я не волхв, травами отхаживать не буду. Так по спине шарахну, что заодно и ваши косточки вылетят.

Сожрав тетерева, они бежали, уже не чувствуя усталости. Лес угрюмо шелестел вершинками, деревья как на подбор – толстые, древние, широкие. Земля пошла сухая, кусты исчезли, Лес просматривался далеко.

Дерево от дерева держалось особняком, невры не опасались, что из-за кустов или бурелома прыгнет лютый зверь. Впрочем, буреломы обходили, как и густые заросли малинника. Малина еще не поспела, но нетерпеливые беры уже могли наведываться, проверять свои ягодные места.

Впереди высился гигантский дуб, что наверняка помнил еще племена ариев. В несколько обхватов, с толстой темной корой, пригнутый к земле своим неимоверным весом, он держал грозно растопыренными огромные толстые ветки, не давая другим деревьям подойти ближе. Нижние ветки были толщиной с бревна, а на самой вершине виднелось исполинское гнездо.

У Таргитая от удивления отвалилась челюсть. Что за птица вьет гнезда из прутьев толщиной с его ногу?

Мрак рывкнул злым голосом бера, бросился к дубу бегом. Изгой помчался следом, но Таргитай на полпути разом остановился, будто уже налетел на дерево. На дуб взбиралась огромная толстая змея!

Олег тоже остановился, пальцы пробежали по шее, разыскивая обереги. Таргитай рассматривал змею с ужасом и омерзением. Змея, что проживает дважды по семь лет, превращается в смока. Потому каждому ребенку с детства внушают: увидел змею – догони и убей! А эта змеюка, похоже, прожила три раза по семь лет – толстая, чешуйки с ладонь, а голова огромная, как горшок!

Змея только начала взбираться, гибкое тело все появлялось и появлялось из травы. Если смок живет дважды по семь лет, у него отрастают огромные кожаные крылья. Начинает летать, нападает на скот и людей. В лесу становится тесно, деревья мешают крыльям, потому перебирается в горы, потому такого смока начинают звать Горынычем. Если и там проживет еще дважды по семь лет, то начинает дышать огнем, одолеть такого Змея почти невозможно. Так что догони и убей, пока это просто змея...

Таргитай поспешно шарил глазами по земле, отыскивая палку. Олег вскрикнул. Мрак бежал к змее с занесенным над головой тяжелым суком. Змея доползла почти до середины дуба, внизу тянулся ее хвост. Мрак с разбегу ударил по этому хвосту. Змея судорожно дернулась, чуть сползла, Мрак ударил снова, хвост начал дергаться, с силой рассекая воздух. Мрак ударил еще, хвост с размаху задел его по голове, Мрак рухнул, ломая кусты, сук полетел в сторону.

– Мрак! – закричал Таргитай.

Он с разбегу ударил змею подобранной палкой. Сухое дерево с хрустом переломилось, обломок больно стукнул Таргитая по лбу. Мрак перекувыркнулся, на ходу подхватил свой сук, ударил прицельно острым краем. Чешуя прогнулась, из рваной раны брызнуло зеленым. Мрак отпрыгнул, а змеиная кровь зашипела, словно вода на раскаленных камнях, взвился белый пар.

Змея начала яростно мотать хвостом, Мрак увертывался, бил суком. Таргитай забежал с другой стороны, замахнулся богатырским замахом, мощный удар хвоста смел его, как муравья. Когда очнулся, возле дуба с двух сторон по змее молотили Мрак и Олег. У волхва в руках мелькала толстая суковатая палка, он поднимал ее над головой с усилием, сам шатался, но по змее бил.

На вершине дуба верещали птенцы. Из широкого гнезда сыпался сор, через плетеный край свешивались головы размером с кулак Мрака, рассматривали змею.

Таргитай отыскал палку потяжелее, бросился к дубу. Змея сползла вниз, толстое тело дергалось. Тяжелый сук Мрака пробил чешуйчатую спину, изломал ребра, те торчали сквозь зеленую кожу, как острые зубья. Олег бил изо всех сил, он выглядел сильным и бесстрашным, как хомяк в своей норе.

– Берегись! – крикнул Мрак.

Змея тяжело рухнула на землю, вздыбилась, выгнула шею, огромная пасть и горящие глаза оказались на одном уровне с лицом Мрака. Мрак выставил перед собой сук, его отшвыр-

нуло, он перекатился через голову, а змея остервенело крушила в красной пасти крепкое дерево.

Олег бил палицей, как показалось Таргитаю, по траве. Там был хвост, а Таргитай с разбегу споткнулся о скользкое бревно, упал, ухватился за крупные пластинки, похожие на чешуйки сосновых шишек, только размером с ладонь. Это было туловище, а Мрак сражался шагах в десяти, где была голова.

Палица Олега с треском разлетелась вдреизг. Он бросился на четвереньках по траве, разыскивая хотя бы камень. Мрак ударил по змее наискось, змеиная голова качнулась вправо. Таргитай поспешно стукнул тоже, пользуясь удобным случаем. Змея рассерженно повернула к нему огромную голову, глаза затянуты полупрозрачной пленкой, зрачки сверкают, как острия ножей. Мрак быстро шагнул вперед, тяжелая дубина обрушилась на голову змеи, как падающее дерево.

Страшно хрустнуло. Змея уронила голову до самой земли, но немигающие глаза не оставляли лица Таргитая, и тот ощутил, как ослабели пальцы, палица выскользнула... Мрак ударил снова, кости хрустнули громче. Змея перекатилась в траве, начала поднимать голову, дубина грохнула по плоскому темени, пасть захлопнулась, и слышно было, как сломался огромный ядовитый зуб.

Подбежал Олег, закричал торопливо:

– К земле, к земле жмите!

Таргитай навалился всем телом, чувствуя под руками скользкие чешуйки. Олег прижимал голову оглушенной змеи раздвоенной палкой. Мрак ожесточенно лупил, голова змеи на миг оказалась плотно на земле, и дубина Мрака грохнула в последний раз. Череп треснул, во все стороны брызнула желто-зеленая кровь. Голова сплюснулась, один глаз вытек, другой висел на белесой мокрой жилке. Зашипело, и Олег закричал предостерегающе:

– В сторону!.. Скорее в стороны!

Мрак оттащил ошалевшего от запаха змеиной крови Таргитая. За их спинами тяжело дрогнула земля. Змеиное туловище подпрыгнуло, собралось в тугие кольца.

Мрак удерживал Таргитая за шиворот, другой рукой сжимал дубину. Таргитай медленно разжал кулак. Мрак присвистнул, на ладони Таргитая лежала забрызганная змеиной кровью крупная чешуйка, которую он выдрал с мясом.

Таргитай со злостью отшвырнул ее, Олег вскрикнул, бросился искать по измятой траве.

– Отлазилась, гадина... Не сиротить больше пташек!

Таргитай пошел вокруг дуба, пытаясь рассмотреть птенцов. Орлица должна быть с лоса, если не крупнее. Птенцы завидели человека, заверещали громче, раскрывая огромные клювы с ярко-красными ртами. Таргитай развел руками, потом указал на дергающееся туловище змеи: прилетит мама, скормит им этого большого червяка.

Змея еще пыталась ползть, голова бессильно волочилась, за камни и пни цеплялись торчащие из черепа хрящи, оборванные жилы. Из ран, пробоин, трещин по всему туловищу бежала, пузырясь, зеленоватая тягучая жидкость.

Таргитай ощутил жжение, поспешно бросился рвать траву, обдирал руки, вычищал мех, выворачивал шею, пытаясь рассмотреть спину, но видел только мокрую от змеиной крови задницу.

Олег вернулся, с торжеством показал змеиную чешуйку. С края белело змеиное мясо, пальцы волхва были в желтовато-зеленой жидкости.

Мрак сбросил душегрейку, разделся, травой вычистил сапоги, одежду. Змея еще слабо дергалась, собиралась кольцами. Олег бережно упрятал в мешочек с огнивом драгоценную чешуйку. Таргитай обошел вокруг дуба, сказал виноватым голосом:

– Совсем озверели... Пойдемте? Противно здесь.

Мрак захохотал, крепко ударил ладонью по колену:

– Одурел? А птичку забыл? Сейчас прилетит, голубушка.

– Ну и что? – не понял Таргитай.

– Как что? Птенцов надолго не оставляют, сейчас прилетит с червячками... ну, с лосями, турами, бера авось зацапнет. Должна же понять, что змея перла на дерево не для того, чтобы плевать с высоты на муравьев.

Олег оглянулся на дерево, сказал с сомнением:

– Как бы сдуру не кинулась. Всякая птаха защищает птенчиков... Кому боги дали разум, а кому – крылья.

– Сообразит, хоть и в перьях, – ответил Мрак, но посерьезнел, опустил ладони на дубину. – Змея могла не первый год жрать ее птенчиков! Вон какая толстая. А если птаха сообразит, что мы ее птенцов спасли, то отблагодарит, верно? Я в детстве часто лазил по деревьям, вороньи гнезда рушил. Часто находил в них такие диковинные вещи, что только старый волхв Огневит мог догадаться, что это такое. До сих пор помню чужие слова, которые что-то значат, но в нашей деревне их не знают: золотые монеты, бляхи, диаманты, яхонты, жемчуг... Наверное, что-то магическое... Огневит хранил у себя, но чудес так и не дождался.

Олег отбежал, запрокинул голову, рассматривая гнездо.

– Думаешь, там тоже магические штучки?

– Ну, это не ворона... Здесь могут оказаться потяжелее. Секиры, палицы, боевой доспех, колчан со стрелами! Среди них могут оказаться ведарские, зачарованные...

Олег с уважением перевел взгляд на Мрака:

– Мрак, ты молодец. Птицы всегда воруют блестящие вещи. И таскают в гнезда.

Мрак с удовлетворением прикрыл глаза, расслабленно ждал, прислушивался, ожидая первым вычленить из лесного шума взмахи могучих крыльев. Змея затихла, дергался лишь кончик хвоста. Олег палкой растопырил змее изувеченную пасть, голыми руками начал выдирать длинный раздвоенный язык.

Таргитай остановился перед Мраком, глядя сверху вниз.

– Мрак, тебе не стыдно?

Мрак открыл глаза, смерил Таргिताя настороженным взглядом.

– За что мне должно быть стыдно?

– Нас учили с детства, что добро надо делать бескорыстно. А ты?

– Я тоже делаю бескорыстно, – ответил Мрак.

– Но ведь ты ждешь плату! Уплату за доброе дело!

Мрак пожал плечами, ответил с неудовольствием:

– Разве это плата? Услуга за услугу. Для нее безделушки, а для нас может оказаться до зарезу нужным.

– Мрак, – повторил Таргитай настойчиво. Он шагнул чуть вбок, стараясь поймать ускользающий взгляд Мрака. – Ты сам учил меня правде! Ты заменял брата, отца, волхвов... Это говоришь ты? Или змеиный яд попал в твою кровь?

– Тарх!

– Мрак, ты делал это не бескорыстно?

Мрак взвился на ноги, как подброшенный змеей. Лицо его налилось тяжелой кровью. Он навис над Таргитаем, как дуб, под которым прибили змею.

– Я защищал птенцов! Но что плохого, если птаха тоже бескорыстно швырнет нам что-нибудь из своего вороньего гнезда?

Таргитай повторил потрясенно, глядя на Мрака с ужасом:

– Ты ждешь уплату... за доброе дело...

Голос его прерывался. В больших глазах заблестели слезы. Мрак взревел в ярости, кулаки его сжались. Мгновение он смотрел бешено в лицо певца, потом люто плюнул ему под ноги, оглушительно свистнул Олегу.

Волхв поднялся из травы, глаза его были непонимающие. Таргитай медленно побрел за оборотнем. Олег, ругаясь, бросился за ними, явно собиравшись пограбить змею основательнее.

Мрак шагал решительно, широко. Брови его грозно сдвинулись, он дышал яростно, словно разъяренный тур весной. Олег порывался что-то спросить, Таргитай показал кулак, шикнул.

Они прошли деревья-великаны, миновали мелколесье, черный пихтач, рощу молодых березок. Наконец впереди послышалось журчание, блеснул тоненький, как веточка, ручеек, что пугливо прыгал, как суетливая ящерица, с камушка на камушек.

Мрак внезапно остановился, бросил резким грубым голосом, не поворачивая к ним головы:

– Быстренько смойте грязь! Особенно ты, волхв. Возился со змеей, яд поганяющий.

Таргитай оттолкнул Олега, первым с размаху сел задом в мокрый песок. Ледяная вода обожгла разгоряченное тело. Истошно завопил Олег, шумно шлепнул обеими ладонями, подняв брызги.

Мрак вошел в ручей неторопливо, как могучий царственный тур. Стал на колени, тщательно смыл грязь и слизь, посидел в воде, со странной усмешкой глядя на изгоев, что уже сидели на берегу, стуча зубами и прижавшись друг к другу, как те птенцы, что верещали в гнезде.

ГЛАВА 6

Они не считали, сколько дней шли через Лес. Мрак выломал изгоям по крепкой дубине. Таргитаю удалось удачным броском сбить с дерева белку, а Олег дважды поражал сорок. Созрела земляника, а Олег, продираясь через малинник, обнаружил среди колючек поспевающие ягоды.

Весной зверье голодное, отошавшее за долгую зиму. Мрак постоянно уходил вперед, чтобы изгои не мешали, сшибал палкой птиц, даже скворцов, бил ужей и змей, заставлял Таргитая и Олега сдирать с них шкуры, жарить на костре. Всех троих терзал постоянный голод, весь день на ногах, но изгои на десятый или двадцатый день почти не отставали от Мрака и лишь вечером валились замертво, а Мрак уходил охотиться.

Он был все таким же суровым, неразговорчивым, в глазах часто вспыхивали красные искры, и сердце Таргитая сжималось от тоски. Мрак держался, хотя стал раздражительным, орал по каждому поводу, однажды ударил Олега с такой силой, что тот полдня лежал без памяти. Но волком все еще не стал, хотя дважды Таргитай замечал, что Мрак возвращается с охоты с кровью на подбородке, а добыча – заяц или косуля – не сбита дубиной, а загрызена.

Перед сном Олег мастерил обереги, он сохранил чешуйку громадной змеи и кончик ее языка, а Таргитай играл на дуде. Он сложил несколько песен, перекладывал слова так и эдак. Лишь когда из темных зарослей внезапно показывалась громадная фигура Мрака, он откладывал сопилку, а Олег – обереги, и оба бросались навстречу, осматривали добычу.

Всего дважды натыкались на следы человека. Первый раз это были зарубки на дереве, наполовину заплывшие, и однажды обнаружили остатки бревенчатой избушки. Давно развалилась, сгнила, но сердца невров радостно застучали – есть еще люди на свете! Не только невры да болотники.

Однажды они бежали втроем – Мрак приучал изгоев передвигаться по Лесу быстрым охотничьим шагом, что по Таргитаю значило бежать высунув язык. Они роптали, но Мрак ярился, пускал в ход кулаки. И бежали, сцепив зубы, боясь потерять его широкую спину. Тяжелый, как бер, громадный, однако несется как легконогая косуля, лоб сухой, в то время как ты исходишь потом, а пальцы так дрожат, что потом промахиваются по дырочкам на дуде.

Бежали, обливаясь потом, как вдруг Мрак замедлил шаг, и страдальцы догнали, поплевались за ним в затылок. В Лесу странно светлело. Привычный влажный воздух исчез, деревья стояли в сухом прокаленном мареве. Земля под ногами больше не пружинила мхом. Деревья стояли сухие и голые, без привычных глаз толстых шуб зеленого и рыжего мха.

Очень медленно впереди засиял странный свет. Мрак напрягся, волосы на затылке встали дыбом. Олег на ходу щупал самодельные обереги. Еще несколько шагов, мимо проплыли толстые стволы вязов, и впереди внезапно распахнулась...

...пустота!

За деревьями дальше тянулась бесконечная пугающая поляна. Голая как ладонь, заросшая низкорослой травой. Огромные, надежные и такие родные деревья высились, не защищая, за спиной. Мрак даже прислонился к одному, ноги тряслись, со страхом смотрел в незнакомый мир.

– Здесь... – прохрипел он сдавленным голосом, – кончается Белый Свет... Вот как это... все...

Поляна тянулась вдаль без конца и края. Лишь на виднокрае смыкалась с беспощадно синим небом. Тоже огромным, немыслимым, пугающим. Такого неба никто из невров не видел.

Таргитай пролепетал дрожащим, как стрекоза на ветру, голосом:

– Так вот какой он, Конец Мира...

Мир был страшен пустотой, голой землей, непривычно ровной, как стол. Только выгоревшая под нещадным солнцем трава! И эта пугающая пустота злобно тянулась до самого стыка небесного купола с голой землей.

Небо угрожающе синее, пустое, без привычных зеленых веток. Все трое, не замечая, что делают, попятились и застыли, пугливо выглядывая из-за могучих стволов. Олег громко стучал зубами. Мрак суетливо двигал плечами, поправлял пояс, щупал секиру. Таргитай смотрел ошарашенно, с дурацким восторгом, и Мрак не хотел, чтобы ушибленный богом заметил, как у него дрожат руки.

А Таргитай прислушался, сказал неуверенно:

– Слышите?.. Птица поет...

Олег прошептал мертвыми губами:

– Здесь не могут быть птицы.

Мрак вытянул шею, как лось к водопою, выглянул из-за дерева. Глаза сощурились, он указал корявым пальцем на едва заметную в небе точку:

– А что ж тогда вон то? Либо птаха, либо зверь крылатый... Видать, все же залетают за Край Мира. А то иные живут. Но мы ж не птицы!

Олег кашлянул, сказал робко:

– В старых книгах сказано, что люди могут жить везде. Даже там, куда ни зверь не забегит, ни птица не залетит, ни червяк не заползет...

Мрак сказал твердо:

– Это страна чужацкой! Или дивов. Без охоты жить нельзя, не прокормишься, а как здесь охотиться? Я узрю мышь на три полета стрелы, а она меня узрит еще раньше!

На лбу у него впервые выступили мелкие капельки пота. Таргитай ощутил, что непривычный жар от прямых лучей солнца накаляет голову, а горячий сухой воздух сушит грудь. Над голой землей, едва-едва прикрытой травой, колыхалось дрожащее марево. Вдали ветерок закружил пыль и погнался, как пугливого оленя.

– Что это? – вдруг воскликнул Олег.

Его трясущийся палец указывал на две странные вмятины. Они тянулись на стыке пустоты и Леса, оставаясь в тени от солнца. Мрак вытянул шею еще сильнее, жилы натянулись, едва не прорывая кожу. Но из-за дерева не вышел, рассматривал оттуда.

– Это след двух гигантских змей?

– Похоже... Но это было давно. Смотри, травой заросло.

– Да, но если здесь плодятся такие змеи?

– Не знаю, – ответил волхв в затруднении. – Может быть, прошел велет, что-то волочил!

Мрак покачал головой:

– Больше похоже, что проползла пара змей. Вон как извиваются вместе, повторяют одна другую! Только что спарились, ползут яйца класть. Но если это прошел велет, то еще хуже. Люди опаснее всех змей на свете. И ядовитее. Ежели нас заметит, то и в лесу догонит.

Он опасливо отодвинулся. Перед ним и страшной пустотой были два толстых ствола, и Таргитай видел, что Мрак готов отгородиться еще двумя. Таргитай и не думал о том, чтобы идти в эту знойную жуть, но Мрак осточертел, помыкает как щенками, и Таргитай сказал неожиданно даже для себя:

– В Лесу не нашли себе племени. В Болоте едва не убили... Если уцелеем в Лесу снова, то боги все равно отвернутся. Для них мы – пустоцветы. Человек обязательно должен найти племя, взять жен, наплодить здоровых детей. Лишь тогда боги перестанут гневаться. Таков ведь Закон?

Олег, стоя над следом, смотрел на Таргитая, раскрыв рот. Мрак с усилием поднялся, словно держал на плечах весь небосвод:

– Мы ведь вышли на смерть, не так ли?

На них пахнуло холодом, будто распахнулась могила, залитая грязной весенней водой. Олег и Таргитай стояли жалкие, раздавленные. Олег все отворачивал голову от страшной пустоты за деревьями.

Мрак отпихнулся от дерева с таким трудом, будто был его ветвью. Изгои смотрели с ужасом. За деревьями он сразу стал оранжевым, заблестал, как осколок камня. В черных волосах запрыгали искры. Все еще горбясь и держа секиру обеими руками, он зашагал в бесконечную пустоту. Изгои глядели обреченно, потом Таргитай, боясь остаться без могучего защитника, вскрикнул и побежал следом.

Яростное солнце обрушилось на плечи и голову с такой мощью, что он даже пригнулся. Сзади шелестела трава под сапогами Олега. Волхв крепился, но вскоре сбросил душегрейку, понес на палке через плечо. Тело его было болезненно белым, как у личинки, худым, ребра торчали. Плечи Олега были широки, как у огородного пугала, и весь он был как пугало – костлявый, худой, плоскогрудый.

Таргитай с тоской оглянулся на родной Лес. Дернул бес за язык! Над головой выгибается немыслимо широкий купол, края смыкаются с краями земли. В родном Лесу взгляд останавливался на деревьях, а здесь глазам больно от безысходной беспредельности!

По сапогам хлестала сухая трава, непривычно жесткая, цепкая. Иногда земля была такая иссохшаяся, твердая, что лопалась трещинами, а трава разбегалась в страхе, не решалась пустить корни. Ядовитая пыль вздымалась при каждом шаге, долго не оседала. Мутные капли начали срываться со лба, кончика носа, оставляя на лицах грязные дорожки, побежали едкие струйки.

Таргитай тоже снял волчью шкуру, закашлялся от жара. Рядом зло харкал Олег, выплевывал темные сгустки пыли. Мрак шагал размеренно, быстро, но не бежал. Сапоги его стучали чересчур громко, он морщился, подгибал колени, стараясь по твердой сухой земле идти так же неслышно, как и по мягкой шкуре Леса, посыпанной старыми листьями, хвоей.

Наглотавшись пыли от сапог Мрака, Таргитай и Олег догадались догнать оборотня, пристроились по бокам. Мрак шагал с каменным лицом, глаза напряженно обшаривали виднокрай, что здесь уже стал видноколом. Олег постепенно начал меняться в лице, надсадно сопел, морщился, наконец выговорил с мукой:

– Здесь в самом деле Край Мира... Ни одного деревца! Я либо лопну, либо уписаюсь...

Мрак хмуро хмыкнул, но не повернул головы.

– Как же, по-твоему, здесь живут люди?

Олег крепился долго, бледнел, зеленел, с надеждой осматривал бесконечную поляну. Уже не до дерева, хотя бы куст... Наконец приотстал, застонал. Таргिताю хотелось посмотреть, как мудрый волхв найдет выход из безвыходного положения, но Мрак не сбавлял шага, головы не поворачивал, и Таргитай вынужденно мчался следом. Он лишь оглянулся на миг, волхв зачем-то присел по-бабьи, тут же нога Таргитая провалилась в норку подземного зверька, Таргитай шлепнулся, больно расквасил нос о непривычно твердую землю.

Волхв догнал их не скоро, зато прыгал, как лосенок. Похоже, свет за Краем Мира уже не казался таким ужасающим.

У Мрака начали хищно подрагивать широкие крылья носа. Изгои видели, как оборотень настороженно оглядывается, посматривает вверх. Их все чаще обгоняли пчелы, толстые и гудящие тяжело, с грузом. Таргитай беспечно напевал песенку, Олег же спросил встревоженно:

– Беда?

– Непонятное впереди.

– Значит, беда, – сказал Олег убежденно.

Он взялся за обереги, суетливо щупал, другой рукой делал отгоняющие жесты.

Впереди показался холмик, близился. Огромная человеческая голова, размером с козу, лежала прямо на земле, упираясь подбородком в стебли травы. Длинная седая борода и сереб-

ряные волосы покрыли половину лужайки. Белые волосы на лбу придерживал железный обруч шириной в две ладони и толщиной в два пальца. На густых бровях сидели нахохленные воробы. Когда невры приблизились, птички с недовольным чириканьем взлетели, а огромные, как щиты, набрякшие веки медленно пошли вверх.

– Живой! – ахнул Таргитай.

Все трое попятились так спешно, что Олег и Таргитай даже брякнулись на спины. Один от ужаса, другой от неожиданности, но брякнулись позорно. Мрак пораженно качал головой:

– Ты кто, мужик?

Огромные, как побелевшие на солнце валуны, глаза уставились прямо перед собой. Белки были желтые, полопавшиеся от сухости и зноя, кровяные жилки набухли, лопались от непонятных усилий, но все же глаза были глазами разъяренного воина. Мясистые губы, тоже покрытые корочкой от сухости и пыли, шелохнулись, мощный голос прогудел:

– Мимир... я – Мимир! А кто вы, дерзкие?

– Люди, – ответил Мрак. Он оглянулся на Олега, тот поднимался с четверенек, бледный, дрожащий. – А ты чего такой? Уродился аль как?

Брови сдвинулись, на переносице заскрипела крепкая, дубленая ветрами и морозами кожа.

– Я – Мимир, – прорычал он. – Мимир! Хозяин медового источника!

Ноздри Мрака снова задвигались. В теплом воздухе пчелы гудели мощно, довольно. Похоже, медовый источник в самом деле рядом.

– А где твой мед? – спросил он. За его спиной Таргитай шумно потянул слюни, сглотнул. Глаза певца стали голодными, как у стаи волков.

– Мед мой, – прорычал Мимир еще грознее, – он же мед мудрости! И всякому бродяге недоступен. Я сторожу с начала времен... Сам Один – бог богов! – за глоток... глаз в залог! А что могут безродные бродяги? Никчемные изгои?

Таргитай пощупал свои глаза, попятился. Олег тоже коснулся век, на лице волхва боролись страх и странная жадность. А Мрак развел широкие ладони:

– Успокойся, батя. Храни свой мед. Если бы мудрость делала людей счастливыми! А то еще Боромир рек, что во многой мудрости много печали. Спи, а мы пойдем дальше неграмотными, но смотреть будем в оба.

Таргитай и Олег еще вовсю глазели на чудную голову, вон какие диковины здесь, а Мрак уже ухватил за шивороты, потащил, дал по пинку, и оба побежали впереди, размахивая руками, как взлетающие птицы крыльями.

Таргитай оглядывался, пока голова снова не превратилась в крошечный холмик. Не выдержал:

– А почему не дал? Задурно?

Мрак пожал плечами, всякие люди на свете, жадных больше, чем щедрых:

– Задурной бывает только приманка в капкане.

Олег сказал торопливо:

– Ничто даром не дается, за все надо платить... Мимир... он даже сам не помнит, из богов ли он, из ванов или альвов... Мрак, я не знаю, что это, так Боромир говорил!.. Но источник под ним! Накрыв задницей... ах да, бородищей и власами, не сразу и догадаешься. А может, и еще что-нибудь помимо источника.

Мрак оглянулся:

– Вернемся? Пока далеко не утопали. Я там в траве целое бревно за приметил. Подვაжим, сковырнем...

Олег вскрикнул испуганно:

– Возвращаться? Ни в коем случае!

– Почему?

– Дурная примета. Удачи не будет.

– Тогда вперед, – согласился Мрак. – Навстречу утренней заре. Если с начала времен, то еще столько просидит. А за это время найдутся, кто сковырнет и пошарит жадной дланью, что под ним. Да и вообще... Вас не учили чужое не брать?

– Нет, – ответил Таргитай недоуменно.

– Хорошо, – вздохнул Мрак с великим облегчением, – а то бы намаялся с вами... Тихо! Я не волхв, но что-то чувствуется.

Он замедлил шаг, а Таргитай и Олег задержали дыхание. Хищные крылья носа Мрака трепетали, как крылья бабочки на ветру. Он сказал напряженно:

– Непонятно... Много зверей, очень много!

– Как в нашем Лесу? – вскрикнул Таргитай счастливо.

– Больше. Намного больше! Но вот люди... Люди идут вместе со зверями, чего быть, конечно же, не может!

Таргитай и Олег послушно нырнули в заросли, отползли. Олег расправил за собой стебли, Таргитай начал рассматривать желтую гусеницу, что переползала с травинки на травинку. Гусеница тоже оборотень, она будет спать в твердой куколке, потом обернется красивой бабочкой... Таргитай в ранних мечтах тоже летал крылатым оборотнем над Лесом – могучий, красивый, отважный. Да и не только в ранних.

Земля начала подрагивать. Гусеница упала, затаилась. Издали донесся далекий неясный гул, сотканный из сотен тысяч стонов, вздохов, угроз и проклятий. Очень медленно гул распался на отдельные крики, мычание, вой, а земля застонала, словно изнемогая от непомерной тяжести.

Мрак всматривался, чуть раздвинув стебли, Таргитай сделал щелочку и для своего глаза. Наискось по бесконечной поляне двигалось, подминая траву, стадо неведомых толстых зверей. Таргитай ахнул, бросил взгляд на волхва. Тот смотрел бледный, щупал обереги.

Земля стонала и прогибалась под тяжестью грузных животных. Впереди шли самые могучие звери, похожие на туров, но крупнее, шире в груди, массивнее. Глаза зверей были налиты кровью. Они злобно озирались, яростно сопели, били в землю копытами. Следом шли крупные коровы – длиннорогие, с раздутыми боками. Рядом взбрыкивали тонконогие телята, стучались безрогими лбами.

Внезапно вдоль края стада пронеслись, вздымая пыль и грохоча копытами, пятеро зверей, смахивающих на безрогих лосей. На их спинах – Таргитай не поверил глазам – сидели люди! Они гикали, орали, свистели, их лица были дикие, лютые, а в глазах горели злоба и жестокость. Безрогие лоси неслись во весь опор, с разодранных ремнями губ срывало ветром желтую пену, а на их спинах по-хозяйски сидели страшные люди с желтыми плоскими лицами.

У одного из всадников у пояса развевались привязанные женские волосы... сорванные вместе с окровавленной кожей! Густая кровь забрызгала звериный бок, ее размазывало по гладкой коже встречным ветром.

Всадники унеслись, окружая стадо. Невры потрясенно задерживали дыхание. Огромные звери, перед ними туры – козы, но не набрасываются на всадников, не поднимают на рога, не вбивают в землю копытами! Покорно повернули, пошли левее...

– Это боги? – прошептал Таргитай в страхе. – Боги этой Необъятной Поляны?

Мрак молчал, челюсти его были плотно сжаты. Олег с трудом расслышал – земля гудела от копыт, – ответил дрожащим голосом:

– Боги... или очень могучие волхвы.

– Это боги, – выговорил Таргитай дрожащими губами. – Даже волхвы не смогли бы... Их растоптали бы эти безрогие лоси, а могучие туры вовсе растерли бы в кровавую кашу вместе с лосями!

– Боги! – согласился Олег. Подумав, добавил осторожно: – Или очень-очень могучие волхвы.

Они оглянулись на Мрака, но тот смолчал. Таргитай спросил испуганно:

– Неужто Велес... за них?

Олег задумался, а Мрак резко бросил, не поворачивая головы:

– Велес наш! Он бог охотников.

– Бог зверья, – поправил Олег. – Смелому охотнику дает из своего стада, от ленивого ограждает. Но здесь... гм... не знаю. Может быть, помогает и чужакам? Те не убивают его зверей, а лишь перегоняют на другое место. А вдруг там трава лучше? Вдруг здесь люди служат зверям? Зверью Велеса?

– Скорее гонят на бойню, – предположил Мрак. Глаза его сверкнули красным огнем. – Жрать надо всем, даже богам... Ребята, не зря мы вышли из Леса?

Таргитай признался дрожащим голосом:

– Да, в Лесу не так страшно. Упыри знамые, понятные... А здесь только вышли – сразу страсти!

Земля дрожала, огромное стадо двигалось почти в двухстах шагах. Ветер донес мощный запах мочи, нечистот. В разрывах между массами животных виднелись странные повозки, запряженные такими же могучими зверями. Повозки были не на полозьях, а на четырех круглых штуках, что не волочились, а вращались, и повозки двигались с непривычной для невров легкостью. На повозках стояли шалаши из невыделанных шкур. Солнце палило, края шкур были завернуты трубочками, как скрученные гусеницами, ветер продувал эти шалаши насквозь. На повозках сидели и лежали женщины, дети. Лица у всех плоские, желтые, с узкими глазами, а вздутые скулы занимали половину лица. Дети и на повозках орали, дрались, плевались. Один мальчишка на глазах у невров расквасил противнику нос, схватил за волосы, бил лицом о край деревянной повозки. Кровь заливала второму мальчишке лицо, губы его были разбиты, но он не плакал, не просил. Взрослые смотрели спокойно, не вмешивались.

– Это не боги, – сказал Таргитай с некоторым сомнением. – Может быть, это не люди, но и не боги. Боги такие не бывают.

– Много ты знаешь о богах! – хмыкнул Мрак.

– Боги бывают разные... Но это не боги.

– Даже если и боги, – сказал Мрак медленно, в его суровом голосе прозвучала угроза, – то и у них, как видим, льется кровь!

Облако желтой пыли сгустилось, видно было только ближних зверей. Остальные мелькали в разрывах облака пыли, оттуда слышался надсадный угрожающий рев. Проносящиеся мимо всадники хлестали своих огромных зверей плетью, орали, свистели, улюлюкали, будто то были не могучие создания Велеса, а живые горы мяса.

Таргитай ошалел от грохота, рева, стука копыт. Небо потемнело от пыли, а воздух был плотный, колыхался тяжелыми волнами. Рядом с Таргитаем шумно дрожал Олег, его пальцы до половины вонзились в твердую землю.

Они видели, как одна повозка начала двигаться медленнее, пока не осталась позади. Из нее выпрыгнули два низкорослых мужика в серых кожаных куртках, сняли третьего – старого, сгорбленного, с белой головой. Старик обнял их по очереди, поцеловал, потом расцеловал двух детишек, что прыгали и радостно визжали на повозке. Один из мужиков вытащил откуда-то длинную блестящую полоску, похожую на длинное тонкое лезвие секиры. Старик медленно опустил на колени, нагнул голову. Мужик широко размахнулся, с силой ударил блестящей полосой по шее старика.

Таргитай ахнул, вцепился в Олега. Голова старика отвалилась, брызнула кровь, а обезглавленное туловище медленно повалилось на бок. Мужик быстро вытер полоску о мертвого,

запрыгнул в повозку вслед за другим, а женщина, что держала в руках поводья, сразу истошно завизжала на зверей, огрела длинным бичом по широким спинам.

Звери ускорили шаг, и повозка начала медленно догонять стадо. Следом скакали загонщики, с гиком и диким свистом нещадно хлестали отставших коров и зверотуров. Никто даже не глянул на лежащего в луже крови старика.

У Таргитая от долгого лежания заныла спина, а звери все шли и шли. Солнце уже опускалось за виднокрай, прогибая кордон, зажигая все вокруг себя багровым огнем. А когда стадо появилось, напомнил себе Таргитай в страхе, солнце стояло над головой!

Наконец Мрак поднялся, повел плечами. Суставы затрещали. Он выглядел спокойным, хотя брови грозно нависали черными дугами, а глаза беспокойно блеснули.

– Волхв, – сказал он требовательно, – мой нос говорит, что нас ждут большие неприятности. А что речет твое ведовство?

Олег прокашлялся, с отвращением выплюнул сгусток грязи размером с кулак. Лицо волхва было в желто-серых разводах. Таргитай провел рукой по своему лицу, но ничего не изменилось – рука была мокрая от пота и грязи.

– Ты не прав, – ответил Олег надломленным голосом. – Мое ведовство говорит, что нас ждут даже очень большие неприятности. Это дикий народ Степи!

– Чего-чего?

– Это не поляна, а Степь. Так это кличут в древних книгах.

Мрак покачал головой, но смотрел с уважением. Книг не было ни у Боромира, ни у Огневита. Они пересказывали что слышали от предшественников, те в самом деле когда-то читали древние книги ведунов. Те так и назывались – Веды, но все остальные волхвы только пересказывали древние знания, в каждом поколении что-то забывая или перевирая. Но если в Ведах сказано и об этой страшной Поляне, то невры, выходит, здесь бывали?

– Это дикий народ Степи, – повторил Олег с нажимом. – Его как песка в Степи, как капель воды в реке... Он уничтожает всех, кого видит. Вон там лежит прародитель, его зарезали свои же дети! Здесь все еще уничтожают престарелых родителей, увечных детей и больных друзей, как делали некогда и мы...

Мрак нахмурился, люто зыркнул из-под нависших бровей:

– Мы так не делали!

Голос его был как гром. Олег поспешно отступил на шаг:

– Мы не сами, а невры. Это было очень давно! Так написано в древних книгах.

– Брехня, – отрезал Мрак. – Узнать бы только, кто написал!

Он сжал огромные кулаки. Олег отступил еще дальше:

– Тот, кто написал, умер тысячи лет назад. Разве что наплюешь на его могилу... если отыщешь. А этот народ все еще дик, лют, свиреп. Страдания других ему в радость. Он изощряется в пытках, жестоких казнях. Он не знает милосердия, а лютость у него – вместо доблести. Мрак, нам лучше вернуться!

Мрак задумчиво смотрел вслед стаду. Там подрагивала земля, а желтое облако поднималось до небес. Доносился глухой рев, кровь холодела в жилах.

– Да, – сказал Мрак. – Мы не все... трусы – верно, Таргитай? – но здесь не выжить. Те невры, которых изгоняли, здесь погибали наверняка сразу.

– Они могли стигнуть еще в Лесу, – напомнил Таргитай. – Упыри, навьи, звери, неведомые чудища...

Мрак покачал головой:

– Мы не самые сильные и не самые удачливые. Сюда добирались многие изгои. Наверняка! Но как здесь можно выжить, не представляю.

Он искоса взглянул на солнце, махнул рукой. В чужом Лесу ночевать рискованно, но все-таки любой Лес роднее, чем эта голая жуть, где носятся свирепые звери и свирепые люди. Надо вернуться в Лес!

Таргитай лишь раз оглянулся, заслышав хлопанье крыльев. Два огромных ворона уже тяжело падали на обезглавленный труп. Один принялся долбить глаза, довольно каркая, поднимая сверху блестящий, как камень, окровавленный клюв, другой неторопливо бродил по животу, примеривался.

Олег приотстал, губы потрескались от жажды. Мрак переходил на бег, покрикивал, но голос оборотня подрагивал. Впервые он смотрел не под ноги.

Огромное багровое солнце, вряд ли кто из невов видел его таким, тяжело сползало по небесному своду к краю земли. По пути поджигало облака, те горели темно-багровым огнем, словно пылающий от молоньи березовый лес. Вскоре вся западная часть неба была залита горячей дымящейся кровью. Полнеба, полмира были багровыми, и этот багровый отсвет падал на землю, травы, коней и даже на лица невов.

Коричневые глаза не отрывались от страшного зрелища. Таргитай бежал за Мраком потрясенный, оглушенный страшной и невыносимой красотой. Запекшиеся губы не шевелились. Олег невольно приотстал, прикрываясь не знающим страха Таргитаем и могучим Мраком.

Постепенно темнело, а последние облака догорали, превращаясь в угли, подернутые пеплом. Слева на небесном куполе проявилась бледная скибка, похожая на половинку недозревшего желудя. Она постепенно наливалась оранжевым светом, начала блистать грозно и пугающе. Мрак старался смотреть прямо перед собой, но Олег невольно вскидывал голову, всякий раз вздрагивал и пугливо втягивал голову в плечи, словно уже видел занесенную над собой дубину.

Ночь сгустилась, под ногами шелестела темная трава. Над головой страшно выгнулся небесный свод, сплошь усеянный мириадами ярких холодных звезд.

Мрак наконец сдался, подхватил сухие стебли, Таргитай и Олег с готовностью наносили еще, и уже возле знакомого родного костра они сгрудились, прижались плечами друг к другу, смотрели в пляшущее пламя, боясь пошевелиться или поднять головы.

Таргитай тарашил глаза на небо. Он был так потрясен, что голос срывался то на писк, то на хриплый шепот:

– Целые рои... Это дыры в небесном куполе... откуда падает вода, или это комочки серебра... Или примерзшие льдинки?

Олег упорно смотрел в багровое пламя. Его трясло, он придвигался все ближе, пока не начали потрескивать волосы на бровях. Мрак медленно поворачивал на углях ломти мяса, довольно хмыкал, но чуткое ухо волхва ловило нотки сильнее беспокойства. Это не родной Лес, где оборотню все знакомо.

Над головами колыхалось блистающее звездное небо. Звезд высыпало как жуков на сладкой живице, роились, плодились, сбивались в сверкающие кучи, блистали сурово и безжалостно. Их холодные глаза следили за крохотными людьми немигающе, неусыпно.

– Может быть, мы уже в подземном мире? – спросил Олег дрогнувшим голосом. – В вирии не должно быть такого страха...

– Страх? – переспросил Таргитай. – Это так красиво!

Спали крепко, но чутко. Мрак поднял их, когда рассвет едва окрасил край неба. И снова бегущие невов со страхом и удивлением видели, как далеко впереди край земли медленно и величаво окрашивается алым, затем пурпурным, в небе вспыхивают облачка...

Из воздуха быстро уходила ночная прохлада. Небокрай вспыхнул, заискрился, слепящее солнце поднималось медленно и величаво.

Мрак внезапно перешел на шаг, потянул носом. Шерсть на руках поднялась.

– Пахнет гарью.

– Обойдем? – предложил Олег. – Степняки могли забить туров, жарят, пекут.

– Нет, гарь другая... Но паленым мясом пахнет тоже.

Он пошел впереди, Таргитаю и Олегу жестом велел держаться на сотню шагов за спиной. Так прошли с версту, наконец впереди проступило огромное темное пятно.

Повсюду виднелись обгорелые бревна, балки, через равные промежутки поднимались странные каменные очаги. Таргитай сразу узнал их, хотя сложены чуть иначе, но не поверил себе, когда пересчитал: сорок! Начал считать снова, сбился, спросил Олега:

– Как ты смекаешь, это такие очаги?

– Самые подлинные, – ответил Олег неуверенно, – но их сорок два... Это зачем же? Деревня не может быть такой огромной!

– А вдруг может, – сказал Таргитай, загораясь. – Ты же волхв, а не веришь!

– Я работаю с магией, а не с чудесами, – ответил волхв сухо. – В такой деревне народ не прокормится! Прикинь, как далеко от дома они должны уходить на охоту, чтобы всем хватило мяса.

Таргитай прикусил язык. Они вступили на пепелище, из-под сапог взвились черные хлопья пепла. Затрещали, рассыпаясь, уголья. На выжженном месте много разбитой посуды, черепков. Олег застрял возле первого же очага: сложен из странных красных камней, одинаковых, с плоскими краями.

Таргитай шагнул дальше, его сапог едва не наступил на крупного мужика, что лежал вниз лицом в луже застывшей крови. Затылок разрублен, волосы слиплись, засохли. В глубокой ране среди мозгов белые черви, убитого обсели навозные мухи.

Дальше Таргитай наткнулся на трупы двух худеньких девочек. Ключья окровавленной одежды лежали рядом, худенькие тельца были в кровавых синяках. Одну убили ударом секиры, почти начисто срубив левую руку с плечом вместе, другую истязали, вырезав маленькие груди, распоров живот, вытащив через широкую рану длинные синие кишки. Мухи взвились с лютым гудением, Таргитай отступил, отбиваясь обеими руками. С левой ноги от щиколотки была содрана кожа. В темной запекшейся крови копошились мелкие черви.

– Боги, – сказал Таргитай дрогнувшим голосом, – кто это сделал?.. Степные дивы?.. Чугайстыри?

– Неважно кто, – бросил Олег издали. – Жизнь нам дает один раз Род, а отнимает всякая гадина!

Мрак оглянулся, крикнул издали:

– Похоже, здесь прошли те переселенцы!

Он торопливо зашагал по пепелищу, перешагивая через обгорелые бревна, обходя огромные очаги. Трупы попадались часто, Мрак темнел лицом, молчал. Олег и Таргитай медленно шарили среди золы, выискивая хотя бы подобие лопат. Трупы надо спешно вернуть земле – боги прогневаются, глядя на непогребенных, нашлют мор на живых.

Олег наконец отыскал короткую лопату, Таргитай пристроился рядом колупать твердую землю острым концом суковатой палки. Олег часто бросал копать, кричал тоскливо:

– Люди!.. Отзовитесь!.. Есть кто живой?

Они забросали землю уже пятерых, когда вернулся Мрак. За ним брела, едва передвигая ноги, изможденная женщина. За ее подол крепко держались две крохотные девчушки. Обе смотрели на огромных невров исподлобья, молчали. Глаза были круглые, как у испуганных птиц. Мордашки у обеих зареванные, темные от грязи.

– В подполе прятались, – сообщил Мрак угрюмо. – Когда дом горел, их засыпало.

Руки его по плечи были черные, покрытые кровоточащими ссадинами и царапинами. Олег ухватился за свой узелок, забыв, что там лишь огниво, а еды не осталось. Мрак бросил вполголоса:

– Поговорите. Узнайте, кто и что, а я еще пошарю.

Олег усадил женщину на полусгоревшее бревно. Таргитай поманил девочек, и они, доверяясь детскому чутью, полезли к нему на колени.

Мрак торопливо обходил сгоревшие дома, угадывая их по уцелевшим каменным очагам, проверил подпопы, потайные кладовки. В одном нашел целую семью, задохнулись от дыма и просыпавшихся сквозь щели горящих углей. Мрак тревожить не стал, забросал остатками бревен. В другом подполе сидела, забившись в сырой угол, молодая девка. Ляда сверху была закрыта на кол, девка не выбралась бы, если бы и захотела.

– Вылезай, – сказал Мрак негромко. – Мы друзья.

Она испуганно вжималась в стену, глаза ее вылезали из орбит. Мрак сказал настойчиво:

– Разве не видишь, я не степняк? Вылезай, все равно теперь не укрыться.

Она вылезла, пошла за ним вслед, закрываясь ладонями от яркого света. Так обошли еще несколько подпопов, наконец, когда Мрак поднял крышку предпоследнего, навстречу блеснуло лезвие секиры. Мрак отпрянул, крикнул сердито:

– Не балуй! Кто там? Вылезай!

В подполе стояла мертвая тишина. Девушка ступила вперед, тихо позвала:

– Дядька Степан!.. Это я, Зарина. Степняки ушли.

Из черноты подполья показалась взъерошенная голова в комьях спекшейся крови. Тощий мужик поднялся до пояса. Рубаха на нем была в крови, в руке секира странной выделки, серые глаза люто смотрели на Мрака.

– А это кто?

– Вылазь, дурень, – велел Мрак. Он не отрывал глаз от странной секиры. Ручка из дерева, поганого дерева, зато голова секиры... такого камня сроду не видел. – От твоей деревни один пепел. Не сумел защитить, иди хоронить павших.

Мужик, блестя глазами, выкарабкался, пинком захлопнул крышку. Секиру цепко держал в руке, недоверчиво смотрел то на Мрака, то на Зарину. Мрак плюнул ему под ноги, повернулся и пошел к изгоям.

До ночи Мрак с изгоями вырыли неглубокую, но широкую яму, захоронили мертвых. Таргитай с Олегом шатались от усталости, но Мрак велел рыть землянку. Всю ночь копали, укрепляли стены, а сверху заложили уцелевшими обгорелыми бревнами, засыпали землей. Землянка получилась просторная, надежно укрытая от непогоды и зверей.

Не дожидаясь рассвета, Зарина и Таргитай пошли обшаривать подвалы, принесли одежду, одеяла, собрали посуду и утварь, стащили в землянку уцелевшую еду, зерно.

Мрак держался настороженно, вздрагивал, часто оглядывался. Дождавшись, когда спасенные собрались в землянке, а Таргитай с девкой ушли на поиски еды, он поманил Олега в сторону, вытащил из-за пазухи странную узкую пластинку.

– Погляди. Ты волхв или не волхв?

Олег в затруднении вертел в пальцах странную вещь. Не дерево, не камень... блестит, твердое... Ощупывая, провел пальцем по острому лезвию, вскрикнул. Узкий край глубоко впился в плоть, брызнула кровь и резво побежала по ладони. Мрак выругался:

– Брось! Заклятая штука.

Олег побледнел, но пересилил себя, держал странную вещь на ладони. Кровь капала часто-часто, в слабом свете луны казалась черной.

– Мра-а-ак... Мне говорили, не верил!.. Это древнее волшебство, но оно уже перестало быть волшебством... Это же-ле-зо. Железный нож! Рукоять сгорела, видишь? Если ты вырежешь из дерева новую...

Мрак отшатнулся:

– Я с колдовством дел не имею!

– Это уже не колдовство. Мрак, этот нож в сто раз лучше, чем твои.

– Я те дам лучше!

– Не бойсь. Сам проверь.

Мрак колебался, Олег почти насильно вложил ему в ладонь странную пластинку. Пока Мрак с опаской вертел нож в руке, Олег подхватил с земли прутик, дал Мраку. Тот нерешительно чиркнул острым краем. Срезанный наискось прут тут же упал в темноту. Мрак натужно улыбнулся, хлопнул Олега по плечу:

– Беру! Пусть даже боги против.

Возвращаясь после не всегда тщетных поисков, Олег едва не прошел мимо новой землянки. Мрак упрятал вход искусно: можно стоять на крыше, не замечая дыма, – тот выходил сбоку, рассеивался через пучки травы, поглощался сырой землей.

Детишки спали, Таргитай и Зарина все еще обыскивали подполы выгоревшей дотла деревни. Степан и Снежана – так звали женщину – сидели на почерневшем бревне. У Снежаны было темное от солнца лицо, но волосы удивительно светлые, даже светлее, чем у Таргитая. Когда она умылась, почистилась, Мрак удивился, увидев совсем еще молодую бабу.

Мрак опустился возле наскоро сложенного очага, подбросил поленце. Степан и Снежана молчали, посматривали настороженно и боязливо: Мрак был огромен, дик, в нем ясно ощущалась угрюмая волчья мощь.

– Как это стряслось? – спросил Мрак.

Степан переглянулся со Снежаной, буркнул недоумевающе:

– Как? Как всегда. Это же степняки!

– Степняки, – повторил Мрак. Он покосился на Олега, что тихонько сел в сторонке. – Ты сам степняк, судя по имечку. Аль это кличка?

– Имя...

– А почему они напали?

Степан пожал плечами, голос его стал едким:

– Напали, потому что увидели. Вы что, из Леса вышли? Налетели, пожгли. Мужиков порубили, а девок и женщин в полон увели... Все как всегда.

Мрак с недоверием оглянулся на Олега. Тот развел руками. Мрак покачал головой, сказал медленно:

– Такое не может быть. Ни с того ни с сего? Так не бывает.

Степан зло оскалил редкие желтые зубы:

– Нет, явно из Леса вылупились! Человек все может. А вот мы, поляне, самый мирный народ на всем белом свете! Пашем землю, растим хлебушек, помалу отвоевываем земельку у злого Леса...

Мрак дернулся, даже Олег нахмурился, ощутив волну неприязни к этому истощенному мужику с перевязанной головой. А тот, ничего не замечая, говорил:

– Дабы отвоевать землю под пашню, надо оттеснить Лес. Подрубаем кору на деревьях, сдираем – голое быстрее сохнет. И то два-три года уходит! Потом пущаем лесной пожар...

Мрак оборвал резко, в темных глазах сверкнула угроза:

– Из-за чего у вас спор со степняками? Может быть, не такое уж недоброе дело те совершили?

Степан вздрогнул, быстро завертел головой, отыскивая взглядом секиру. Снежана ахнула, прижала кулачки к сердцу.

– Степняки, – медленно сказал Степан, он смотрел на Мрака в упор, – это степной народ... Много лет надо, чтобы отвоевать у Леса пядь земли, но пустить дымом хозяйство можно враз... Нам, полянам, труднее всего на свете. С одного боку – лютый Лес, где человеку жить нельзя, с другого – Степь. Там дикие народы, которым только бы убивать и грабить!

Олег подал голос из угла:

– Древняя мудрость гласит, что нет народов-грабителей. Есть отдельные...

Степан оскалил в горькой усмешке желтые изъеденные зубы:

– Видел бы ты этих отдельных... во сто тысяч человек! Земля прогибается под копытами, хотя степняки не подковывают коней, как мы. А таких отрядов, по сто тысяч в каждом, у кагана сотни тысяч!

Олег видел по глазам Мрака, что тот ничего не понял, а что понял, не поверил. Да и сам Олег не мог поверить, что на всем белом свете наберется сто тысяч человек. Он не мог вообразить себе и сто человек в одном отряде.

Степан покосился на Снежану, спросил осторожно:

– За этой бедой мы так и не спросили... Откеля вы? Из Колупаевки? Борщовой? Или Даниловки?.. Но я слышал, их пожгли еще прошлым летом.

– Мы вообще не поляне, – отрезал Мрак с отвращением. – Разве не видно?

Степан подскочил, стукнулся головой о балку, плюхнулся обратно, челюсть у него отвисла до пояса.

– Не по... не поляне? А разве на свете есть еще люди, кроме полян и степняков?

– Слава богам, есть, – ответил Мрак зло. – А то бы род людской вовсе пересекся. Поляне! Надо же так обозвать!

Степан весь подался вперед:

– Так откеля вы? Из коих сказочных земель?

– Из Леса, вестимо, – бросил Мрак.

Степана отбросило, словно получил обухом между глаз. Снежана быстро подгребла к себе детей.

– Неужто правда? – прошептал Степан в страхе. Его глаза испуганно мерили могучую фигуру Мрака, задержались на его волчьей шкуре. – Никогда не видывал людей Леса. Сказывают про вас всякое...

Снежана ткнула его локтем, Степан поперхнулся, умолк. Мрак спросил подозрительно:

– Что болтают?

– Небылицы всякие, – ответил Степан нехотя. Он уронил взгляд. – Бабы сказки. Надо же чем-то детей пугать. Вроде бы перекидываетесь в полнолуние. А волхвы вовсе лютых волков подзывают к домам...

Он бросил на Мрака пугливый взгляд. Снежана подгребла детей, девочки начали тереть кулачками глаза, подхныкивать.

– Бабы сказки, – отмахнулся Мрак. – Навыдумывают. Я, к примеру, могу перекидываться в любой день.

ГЛАВА 7

Его глаза горели ярко-красным светом, а черный зрачок был продолговатым, как у лесного зверя. Степан отшатнулся, в испуге сел мимо бревна на пол, задрав кверху лапти. Снежана завизжала, девочки заревели во весь голос, уткнулись мордашками в ее подол.

– Подумаешь, степняки вас бьют! – бросил Мрак яростно. Он быстро поднялся. – Тьфу! Робкого пса и петух бьет. Олег, пойдем отсюда. Если мы останемся, они обгадятся, а мы задохнемся от вони.

Утром, поднявшись с первыми лучами солнца, Мрак и Олег взялись ставить над ближайшим очагом крышу. Из обгорелых бревен и досок набрали годных, вкопали четыре крепких столба, соединили поперечными балками. Когда сколачивали крышу, из землянки выбрался, щурясь от солнца, Степан.

Поставив ладонь козырьком, он понаблюдал за неврами, осторожно, бочком, приблизился:

– Вы того... не серчайте. Мы боимся Леса, как и Степи.

Мрак сердито промолчал, а Олег спросил удивленно:

– Почему?

– Мы зажаты между Лесом и Степью. От Леса потихоньку отщипываем земельку, от Степи отбиваемся. Нам тяжело...

Он подхватил обломок доски, робко подал Мраку. Снежана выглянула из землянки, увидела работающих, быстро скрылась. Мрак сердито вертел головой, наконец с облегчением ругнулся, стукнул кулаком по бревну.

По пожарищу бежали, взявшись за руки, Таргитай и Зарина. Их щеки разругались, глаза блестели. В свободной руке Таргитая была сопилка, а Зарина прижимала к высокой груди букет цветов.

Степан покосился на них, сказал, колеблясь:

– Похоже, в эту ночь никто не спал... как следует. Но у каждого свои заботы.

Зарина вспыхнула, сказала горячо:

– Мы излазили все подполы! Зерна хватит и на помол, и на посевы. Так что отлучались даром.

– Подол одерни, – посоветовал Степан. – Да и ты, молодец, застегнись... Зарина теперь сирота, обидеть ее нетрудно.

Зарина покраснела еще ярче:

– Дядя Степан!

– Я дядя Степан, Заринушка, уже тридцать лет.

– Дядя Степан, не знаете, так не говорите плохих слов. К нам пришли три могучих витязя, а вы их так привечаете!

Степан с сомнением окинул взглядом страшноватые фигуры невра. Таргитай с его румяным лицом и синими глазами выглядит наименее звероватым, но и он в своей волчьей шкуре больше походит на вставшего на дыбы медведя, чем на человека.

Степан разжег огонь в очаге, а Снежана изготовила первый настоящий, как она сказала, полянский обед. Невры сели за стол с опаской. Даже хлеб видели первый раз, а Снежана испекла два каравай: темный ржаной и нежно-белый пшеничный, а тут еще солености и копчености, колбасы, окорока, наштигованное сало, перец красный и перец черный...

Зарина щебетала, что в тайных закромах сохранилось много зерна, гороха, гречки. Много степняки нашли, забрали, многое сторело, но немало и осталось. К тому ж поля давно засеяны. Теперь они, пятеро полян и трое невра, наследники всего огромного урожая, которого не дождались двести полян...

– Двести! – ахнул Таргитай.

Мрак нахмурился, зыркнул на Степана, Снежану. Наступила тяжелая пауза. Степан переводил обеспокоенный взгляд с одного на другого невра, не понимая, почему вдруг напряглись, подобрались, потемнели.

– Двести, – повторил он неуверенным голосом. – А что? В Колупаевке, это деревня за оврагами, было больше тыщи...

Мрак выпрямился, со стуком бросил ложку на стол. Олег быстро опустил ладошку на его огромный кулак:

– погоди! А вдруг не врет?.. Где охотой прокормится один, то с одомашненным зверьем, как у степняков, можно кормить уже сто человек. Для пастбищ надо меньше земли, смекаешь? А если засеять зерном или пустить под огороды, то прокормится тысяча, а то и больше... Мрак, они расплодятся здорово!

– Поляне?

– Поляне. Если степняки не вырубят начисто.

Мрак покачал головой, снова взял ложку.

– Лучше охота, – буркнул он. – Хоть бедно, зато нет резни... Ладно, нам возврата в Лес нет. Расскажи, Степан, о степняках. Нам жить здесь.

Степан горько усмехнулся, задержал ложку возле рта.

– Есть полянское правило: когда я ем – я глух и нем. Еще: когда я кушаю, я никого не слушаю. Но с другой стороны, крепкая большая семья только за обедом и собирается. Когда еще поговорить?.. Степняки землю не пахут, городов не строят. Сегодня стоят в одном месте, завтра в другом. Если где находят наше село, то сжигают, людей режут, как скот, а молодых уводят в полон.

– Что есть полон?

– И этого не ведаете? В самом деле, дикие люди... Не сердчай. В полоне цепляют на шею обруч, велят работать. Заместо еды – побои. Девоч наших тащат на поругание. Но работать заставляют тоже.

Мрак спросил глухим от ярости голосом:

– И вы терпите?

– Мы мирные... Землю пашем, хлебушек растим. В Лес не ходим, хворост с опаской собираем, и то на опушке. Там в Лесу за каждым деревом либо лютый зверь, либо что похуже... А степняки неодолимы. Кони махонькие, юркие. Даже не подкованы, чтобы шибче бегали. Мы пробовали оборону держать, да где там... Налетят невесть откуда, мечут запаленные стрелы на крыши, хватают, рубят... Пока наши уцелевшие богатыри на своих богатырских коней сядут, степняков и след простыл. То нелюди, разумеешь? Им нужна победа в драке, а не сама драка!

Мрак хмуро оскалил зубы. Олег опустил глаза. Таргитай наклонился над миской, не в силах смотреть на Степана. Заврался полянин, явно заврался. Такого просто не могло быть на земле.

– Не верите? – спросил Степан горько. – Вижу, не верите. Клянусь всеми богами. Им нужна победа любой ценой. Любой, понимаете? У них не бывает воскресных кулачных боев, не сходятся стенка на стенку, улица на улицу, деревня на деревню... Ни по светлым праздникам, ни на Масленицу, ни на Купалу. Они не знают боев ради удали! Им нужна только победа, будь они прокляты...

– Только победа? – переспросил Мрак. Он перестал хлебать борщ, отодвинул пустую миску. Рядом с Мраком ерзал Олег, отводил глаза, тоже не верил.

– Да поверьте же! – вскрикнул Степан. Голос его задрожал, повязка на голове начала темнеть, проступила свежая кровь. – Мы мирные, но при первых же набегах мы сели на коней, взяли секиры, выехали навстречь. Степняки испужались, кинулись наутек. Ну, нам все понятно, ведь мы крепче, каждый из нас троих степняков стоит, хоть мы и мирные земле-

дельцы... Придержали коней, негоже бить в спину. Глядь, они снова скачут на нас! Добро, думаем, померимся удалью... Ударили на них, но степняки в последний момент опять повернули наутек. Так трижды, пока наши не осерчали вконец. Дерись, мол, или удирай совсем! Погнались за ними, вот-вот догоним, секиры повесили за спины, негоже бить убегающих. Но в руки взяли плетки, надо же проучить?... Вдруг откуда ни возьмись степняки! Закидали стрелами, ударили в спину, накинули арканы. Мы и пикнуть не успели, как всех повязали. Кто не погиб, конечно. Ты не поверишь, но нас били в спину, били лежащих, били раненых, разоруженных... Сам видел, как у моего кума из руки выскользнула секира, так степняк тут же разрубил ему голову!

Мрак громыхнул кулаком по столу, едва не проломив крышку:

– Не может такого быть!

– Сам бы не поверил. На моих глазах было, клянусь Родом. Я лежал рядом, конем придавленный, весь в крови, потому меня и не тронули. Не дал подобрать секиру, убил разоруженного. Еще и ухмыльнулся, злодей!

– Не может того быть, – повторил Мрак, но в его голосе не было убежденности. На него скорбно смотрели Снежана и Зарина, в их глазах блестели слезы.

Степан повернулся снова к Мраку, протянул к нему через стол жилистые руки:

– Мы разные! У нас боги разные, они нам дали разные заповеди. Мы ценим добрый удар, молодецкую схватку. Нам не так важна победа, нам важнее доброе имя, честь, слава!.. А для них победа – все. Ради победы на любую гнусность решаются, в любой грязи извлекаются, любую низость сотворят, даже на подлый удар ниже пояса пойдут...

Он покачнулся, медленно сполз на пол. Мрак перегнулся через стол, но перехватить не успел. Женщины с плачем принялись разматывать набухшие от крови тряпицы.

Два дня невры помогали уцелевшим подниматься на ноги. В землянку сносили домашние колбасы, которые так понравились Таргитаю, Олег больше интересовался перцем, огородными травами, пытаясь приспособить для волхвования.

Мрак заново перерыл пепелище, побывал в погребках, подвалах, переворошил засеки. К концу третьего дня в углу землянки скопилось куча все еще непонятного неврам железа. Два ножа, выщербленная секира, грудка странных железяк – Степан назвал их подковами, – пригоршня ржавой мелочи, именуемой гвоздями.

– Секиру можно наточить, – сказал Степан задумчиво, – хотя лезвие маловато... А вот остальное железо пока ни к чему. Коня нет, подковывать кого? Тебя разве? Да и гвоздями что сколачивать... Была бы кузня в порядке, отковал бы добрую секиру...

Олег насторожился, спросил быстро:

– Кузня?.. Отковать? Ты не волхв случаем?

Степан устало отмахнулся:

– Нет. То в старое время кузнецы были чародеями. Тогда их звали ковалями. А теперь умеют все.

– Даже ты?

– А что хитрого? Был подмастерьем, мехи качал. Два года молотом стучал. Приходилось и первого замещать... Если хочешь, помоги поднять кузню, а я за службу... да и за все-все...

– За что это «все-все»?

– Да не появись вы трое... словом, такую секиру скою из этого железа... какой ты, лесной человек, в жисть не видывал!

Мрак отстранил волхва, бросил сурово:

– По секирам я – главный волхв. Пойдем, помогу сам.

Кузня, на удивление Мрака, сохранилась почти в целости. Сгорела крыша, стены, но наковальня стояла на месте. В пепле Степан отыскал два тяжелых валуна из этого странного

камня, вытесал и вставил в дыры новенькие ручки, расклинил, бросил в воду, чтобы разбухли. Иначе соскочит, убьет мастера.

– Что собака из кузни сопрет? – сказал Степан. – А железа у степняков и своего хватает. Они умеют ковать и топоры, и акинаки, и клевцы... Не знаешь, что это? Чистейшие души живут в Лесу, как погляжу.

Помогали и Таргитай с Олегом, но насоками. Каждый шарил в развалинах, искал свое. Таргитай отыскал три свирели, две уже раздавленные сапогами Мрака, Олег наконец-то наткнулся на остатки жилища местного волхва...

Весь день Степан с Мраком готовили мехи, таскали дрова, железо. Потом Степан разжег огонь, велел Мраку дергать за деревянные ручки, что торчали из мешка, сшитого из воловьей шкуры.

Мрак подергал, воздух подул в печь, пламя заревело. Железная мелочь начала нагреваться, краснеть. Когда стала цвета поспевающей малины, Степан выхватил длинными железными клещами, бросил на плоскую наковальню, ударил тяжелым молотком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.